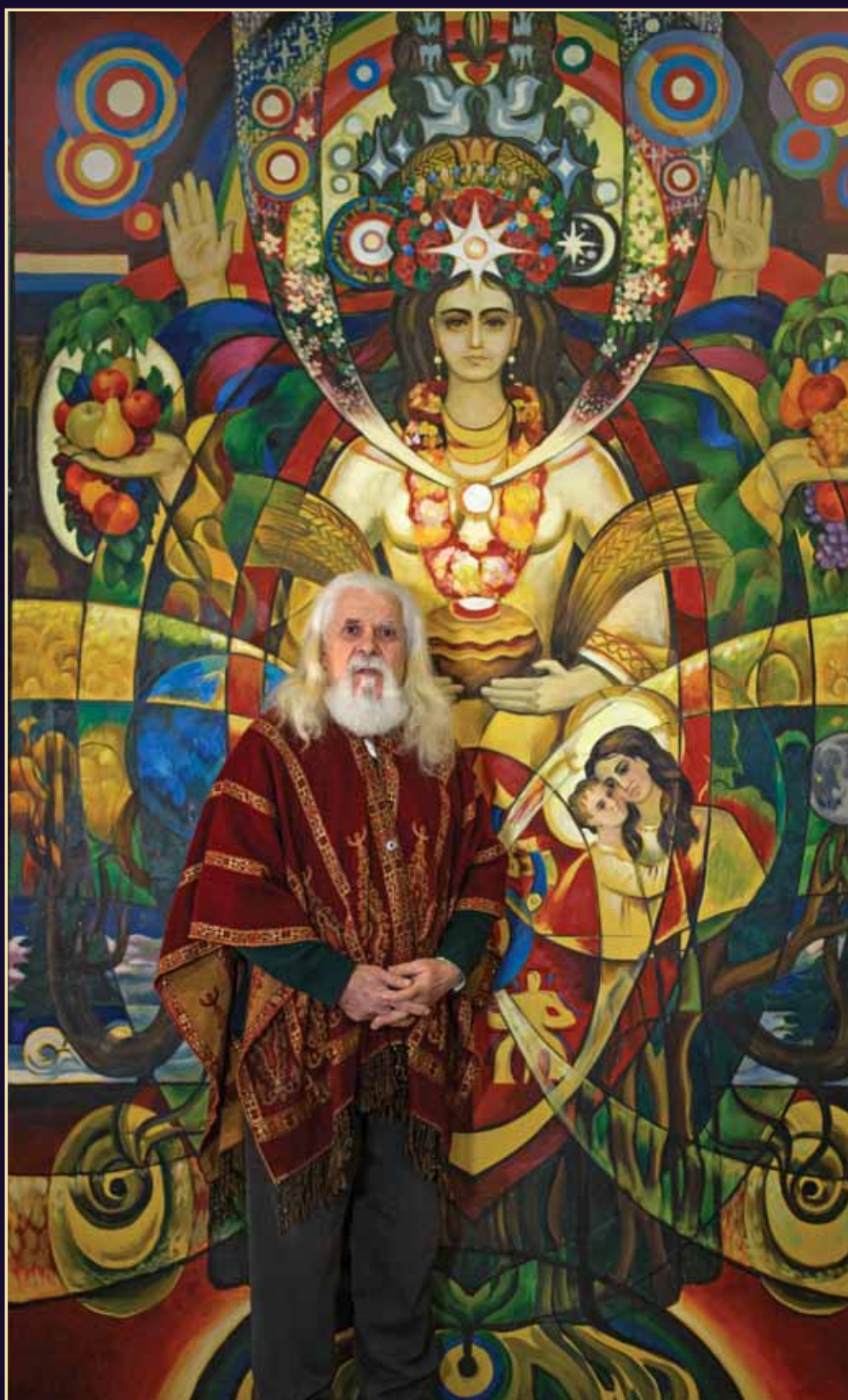

*... а птенцов
кормить
надо!*

О жизни и творчестве художника Виктора Николаевича Пруса
читайте на странице 75.

Рассказ

<i>Виктор Омельченко</i>	Жизнь — все же песня! 4
<i>Вадим Деревянский</i>	Санинструктор Маша и Баба-яга 28

Это интересно

<i>Артем Воронков</i>	Первый американец в Красной армии 19
<i>Евгения Гордиенко</i>	Театр имени Вахтангова 44

Так было

<i>Александр Ралот</i>	Танк от дошколят 24
------------------------	----------------------------------

Из российской истории

<i>Денис Логинов</i>	Четвертая дочь Ярослава Мудрого 35
----------------------	---

Кремли России

<i>Дмитрий Зелов</i>	Копорье. Тайны и загадки бывшей морской крепости 50
----------------------	--

Маленькая повесть

<i>Альберт Лиханов</i>	Незабытые игрушки 92
------------------------	-----------------------------------

Поэзия

<i>Алексей Борычев</i>	Стихи 118
------------------------	------------------------

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Путь энтузиаста 122
--------------------	----------------------------------

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Дмитрий Смилевски: «Наша профессия внутренне жестко дисциплинирует 57
<i>Виктор Ом</i>	Виктор Прус. «Апология всеединства» 75

Судьба художника

<i>Ирина Опимах</i>	Петр Кончаловский. Автопортрет с женой 64
---------------------	--

Детектив

<i>Елена Колчак</i>	Не будите спящую собаку 138
---------------------	--

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Романа Гордынского

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

Можайский
полиграфический
комбинат

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 17.04.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« Она была, пожалуй, самой красивой из русских императриц. И это не удивительно: ведь ее мать, прусская королева Луиза, считалась одной из красивейших женщин Европы в начале девятнадцатого века. Брак ее был исключительно удачен — редкое явление среди королевских семейств. Так что Фредерика-Шарлотта-Вильгельмина — дочь прусского короля Вильгельма III и сестра двух следующих королей, выросла в обстановке любви и взаимопонимания. Но королева Луиза скончалась, когда ее дочери исполнилось двенадцать лет. Европа только начала оправляться от наполеоновских походов, и семья прусского короля жила в эмиграции под защитой русского императора Александра I. В 1814 году принцесса Шарлотта познакомилась с младшим братом императора Николаем Павловичем. Молодые люди с первого взгляда влюбились друг в друга и пронесли эту любовь через всю жизнь.

Денис **Логинов** «Птичка в золотой клетке»

« Судьба Александры Николаевны Толиверовой, жены известного художника Валерия Якоби, была удивительной. Но главное, с чем она вошла в историю, — это ее участие в революционных событиях в Италии и встречи с Джузеппе Гарибальди. Известный литератор и общественный деятель Виктор Петрович Острогорский писал о ней так: «Подумайте о крови, заливающей Италию, и о молоденькой женщине, прекрасной, но слабой телом... В эту страшную пору она была среди повстанцев в папском Риме, о ней знал сам Гарибальди...»

Владимир **Братченко** «Письмо Гарибальди»

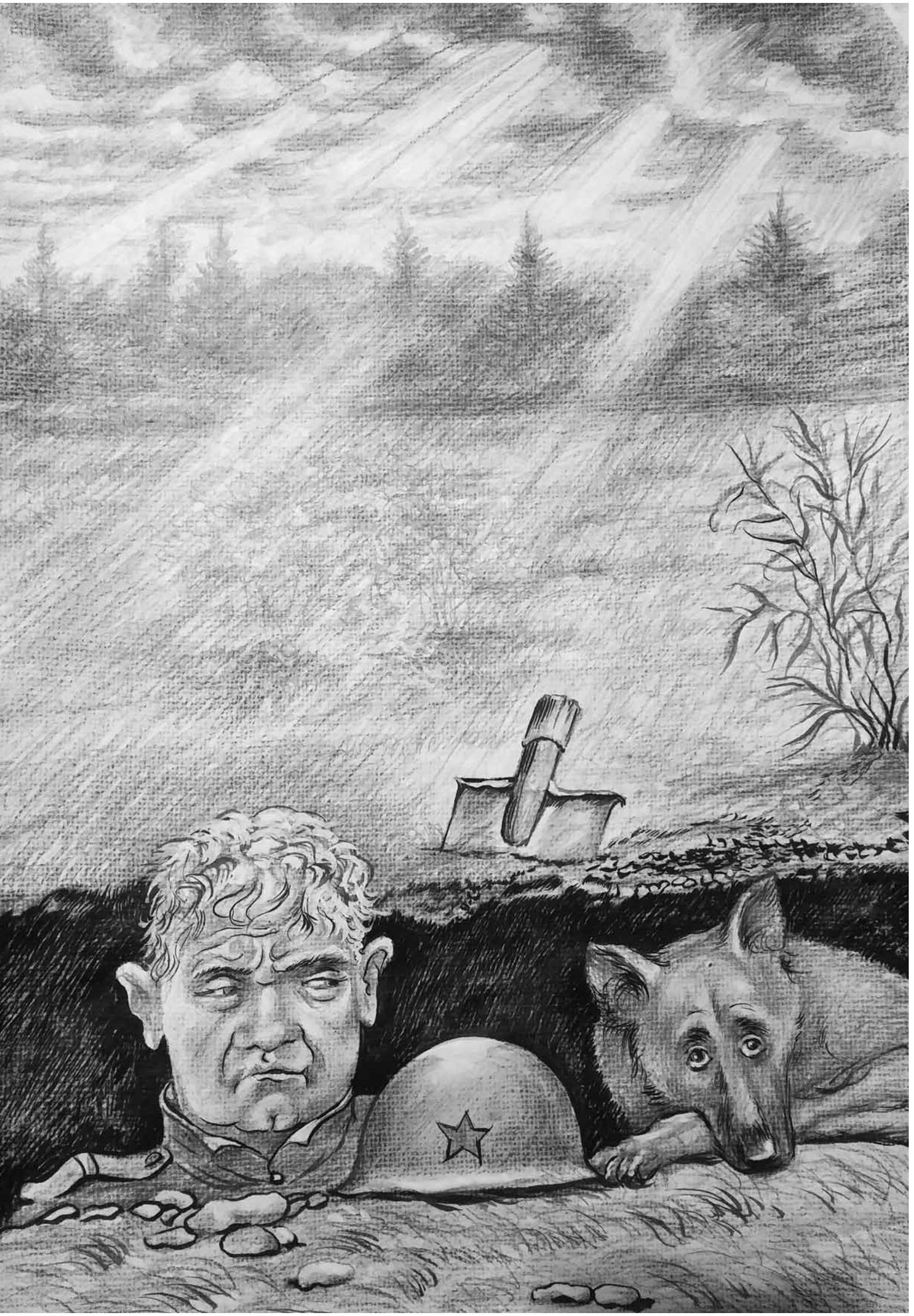
« Песочная анимация — сиюминутное, зыбкое творение рук, легких касаний, дыхания и энергии любви. Ксения Симонова — звезда мирового масштаба. Ее шоу заставляют плакать даже взрослых людей. Она выступала перед монархами и главами государств, лично знакома с королевскими семьями Бутана, Дании, Таиланда, Марокко. Ее шоу видели британская королевская семья, император Японии Акихито, королевская семья Норвегии. Но самое главное — она творит в первую очередь для детей, которые борются с тяжелыми заболеваниями. Смотря ее песочные видео, больной ребенок видит себя здоровым и веселым, и это придает ему силы, программирует на победу над недугом.

Елена **Митрохина** «Волшебный песок Ксении Симоновой»

« Как и великие Дюма, Штраусы существовали в вариантах «отец» и «сын». Вообще, если иметь в виду еще и братьев, это была очень одаренная династия. Однако признанным «королем вальсов» стал именно Иоганн Штраус-младший. Именно ему мы должны быть благодарны за то, что танцевальная музыка, «музыка для ног», считавшаяся «низким» жанром, стала весьма популярна в народе. Это была уже не просто музыка для танцев, а произведения, обладающие огромной художественной ценностью,

Евгения **Гордиенко** «Иоганн Штраус, сын Иоганна Штрауса»

« Иронический детектив Дарьи **Булатниковой** «Охота на Елену Прекрасную».

ЖИЗНЬ — ВСЕ ЖЕ ПЕСНЯ!

Взвод солдат хохотал...

— Животное не умеет смеяться, рядовой Костур! — Капитан Зонин прятал усмешку под пышными рыжеватыми усами, но говорил с растерянным солдатом почти серьезно. — Ну кто ж так гладит собаку? — с явной горечью выдохнул он, глядя на лохматую дворнягу. — Так-с... ну, давайте попробуем еще раз!

Рядовой Костур раскрыл большую пятерню, под которой исчезла собачья морда, и растопыренными пальцами провел по темени и шее собаки...

— И еще, — добавил капитан. — Зачем вы так кривляетесь перед псиной?

— Так вы ж сказали мэни, шо трэба развэсэлыть собачку, шоб вона аж засмиялася... Я ж и старався як миг, а вона — ну нияк...

Взвод снова взорвался приступом хохота.

— Пре-кра-ти-и-ить! — крикнул Зонин и опять обратился к солдату: — Вы что же, в школе не учились, рядовой Костур? Да будет вам известно, что человек — единственное существо, обладающее способностью смеяться... ну и, наверное, единственное недоразумение, порой заслужи-

Рисунок автора

вающее, чтоб над ним не просто посмеялись, а оборжали всего — с ног до головы! — И капитан открыто захохотал, дружески поглядывая на растерянного с заалевшими щеками солдата — «щирого хлопца з Виннычыны» — Лэонида Фэофановича Костура!

А он стоял смущенный, совершенно растерянный, розовощекий, с пшеничными бровями, из-под которых смотрели на капитана совершенно фиалковые голубые глаза, и... молчал...

Солдаты опять хохотали, выкрикивая теперь не слова, а одни междометия, да так, что все собаки разразились сумасшедшим лаем и замотали хвостами.

Немного осмелевший от этой суматохи рядовой Костур вдруг снова заговорил: — З скотынкую я, товариш капитан, возывся ище з мальства...

— Обращайтесь по форме, рядовой, — прервал его Зонин.

— Так точно, занимався я скотынкую ище ж до школы. Маты моя заставляла...

— И какая у вас была скотина?

— Корова була у нас, поросенка батькив брательник нам подарыв...

— Про курей обязательно скажи, про курей не забудь! — хихикнул стоявший рядом высокий блондин, ефрейтор Манин.

— А куры, — начал, было, говорить Костур, но слова его утонули в хохоте строя солдат...

— Пре-кра-ти-и-ть, ефрейтор Манин! — опять заорал капитан, затем, пряча в пышных усах добродушную усмешку, добавил: — Вот видите, боец Костур, все же скотинка у вас была, и вы заботились о ней и, наверное, любили...

— Ну а як же ж, по-другому й нэ можна... У нас, поправди сказать, и собачка була, а звали ее Валет. Но токо я лично на нее — ноль внимання...

— Да ведь эта тоже, что и скотина ваша, — кивнул капитан на сидевшую у ног рядового собаку Дуньку. — Только она намного понятливей, чем корова со свиньей. Правда, рядовой?

Костур как-то испуганно и даже растерянно взглянул на командира и уже совсем тихо ответил: — Та... какая ж это скотина, товариш капитан? От нее ж никакого проку. Там хочь... молоко, сало, а тут шо?

— Охо-хо-хо, боец Костур, простота колхозная, «сало — молоко!» — огорченно повторил за солдатом капитан и вмиг снова стал серьезным: — Так-с, оставим до завтра эти разговоры... Вз-во-о-д — смирна! Р-ра-зой-ди-сь!..

Уже неделю шли занятия в отряде подготовки собак — «истребителей танков», а Ленька Костур все никак не мог понять сути происходя-

щего. По-прежнему это казалось ему странным и совсем не нужным делом... Там, откуда его отозвали и направили на эту «дурацкую» учебу, шли кровопролитные бои — и гибли, гибли люди... Там были пушки, танки, винтовки, «калаши» и гранаты — все, чем нужно было воевать, а значит, защищаться от нападков совсем озверевшего врага, защищать людей, и главное свою страну! А тут эти собаки... на кой ляд, зачем?

В первые дни, оторванный от фронтового грохота и огня, очутившийся здесь, в этом чудном отряде, обосновавшемся на опушке бескрайнего леса, Костур как будто бы даже слегка потерялся... Очень уж непривычно было спать от отбоя до подъема, есть за нормальным столом и часами слушать какие-то глупые рассказы об условных рефлексах, типах, породах и физиологической конструкции собак, а еще о правильном их кормлении. Все это рассказывала на занятиях некрасивая, худющая, с ввалившимися черными глазами женщина — лейтенант Алевтина Геннадьевна Шмаль. От нее постоянно несло псиной, а во рту вечно торчала папироска...

Семь классов средней школы в своем селе, оконченные до войны, казались Леньке вполне достаточным образованием. И даже оно не особо-то ему и требовалось, чтобы косить от зари до зари травушку-муравушку, класть печки в соседних деревнях, когда уже в полях нечего было делать, да помогать деду Миките в колхозной кузнице... а на «вечорках» щупать девчат... за теплые... приятные места... Там тоже никакого образования не требовалось.

Собаки, конечно, в селе имелись — шлялись, как и везде, по улицам, но только он не обращал на них никакого внимания и никаких чувств к ним не испытывал.

Живут и живут, а зачем — только один бог и знает, как говорила его бабка Маруся. Не касалось его это — вот и все... Иных забот хватало — был он старший сын в семье, а это серьезная подмога родителям...

И потому, когда приставили к нему лохматую сучку Дуньку, это показалось Леньке просто унижительным. Но приказ — есть приказ! А повиноваться приказам и исполнять их Костура учили с раннего детства — вначале отец с матерью, потом школа, а дальше уже на фронте, старшие по званию и «старики»...

То, что рядовой Костур, как здесь говорили, был не в контакте с животным, можно было определить по поведению собаки: она не терлась у его ног, не заглядывала ему в глаза... Даже когда боец подносил к ее будке медную миску с едой, она принимала это как должное, без всяких собачьих эмоций. И хвост у нее был будто чужой — не шелохнется...

Видели это и командир отряда, видели и дрессировщики, видели и те, кто читал лекции. Объясняли это тем, что еще совсем мало времени прошло, и обещали, что потом контакт у Костура с его собакой наладится. Но сам Ленька считал всю эту возню ненужной тратой времени...

Леонид Феофанович был человеком необщительным, молчаливым, с «врожденным неумением» сидеть сложа руки. Его зоркий крестьянский глаз всегда находил работу. И за любое дело принимался он всегда обстоятельно, без спешки и любовно... Где-то в самых глубинах своей души Леонид все же надеялся, что эти его качества будут замечены начальством, и ему найдется в отряде более полезное и достойное дело, чем высиживать на нудных занятиях, медленно выводя в тетрадке незнакомые слова, да гладить прямо перед строем свою «кудлатую» псину.

Но через неделю, поняв, что рукам его до настоящей работы не дотянуться, сам обратился к командиру с просьбой вернуть его на передовую...

Получил резкий отказ, да еще, вдобавок, выслушал строгое наставление, после которого окончательно понял — назад пути уже нет, из отряда этого никуда не деться.

И, возможно, он так бы и маялся дальше, проклиная того, кто придумал послать его сюда, если бы не случай...

Во время тренировочного бега с собакой Ленька подвернул ногу. Да так неудачно подвернул, что в глазах потемнело. Кое-как доковылял до расположения отряда и рухнул на нары. Его Дуньку ребята привязали возле будки. И повела она себя после случившегося очень странно — не прикасалась к миске с едой, стала вдруг огрызаться, если к ней подходил кто-нибудь малознакомый, рвалась с цепи, постоянно скулила и визжала...

Первым смекнул, в чем дело, капитан, и тут же приказал отвязать Дуньку, а перед этим приоткрыть дверь в барак, где валялся на нарах и маялся теперь уже от невыносимого безделья рядовой Костур.

И точно — псинка рванула напрямиком к бараку...

В приоткрытую дверь просунула нос, потянула воздух, а потом решительно раздвинула дверь и осторожно вошла в незнакомое помещение.

Запахов в бараке было много, но среди них Дунька сразу уловила знакомый...

Ленька спал. Рука его свисла почти до пола, и собака сразу прилегла прямо возле руки солдата. Полежала так немного, а потом потихоньку

стала подбираться под нее, а когда почувствовала, что здоровенная пятерня Леньки лежит у нее на загривке, затихла и, положив морду на пол, прикрыла глаза...

Проснувшись, Ленька сразу почувствовал, что рука его лежит на чем-то мягком, пушистом и теплом. Дунька тоже мигом открыла глаза и теперь смотрела на солдата, не моргая.

— Ты че тучочки робишь? А ну, пишла!..

Дунька не шевельнулась — будто к полу приросла. Ленька уже собирался пнуть собаку кулачищем в бок, но в барак быстро вошел капитан:

— Как здоровьице, боец Костур? Лежите, лежите! Болит?

— Та не сильно... навреди как тянет, — тяжело вздохнул Леонид.

— А вот фельдшер мне сказал, что денька через два вам станет полегче. — Капитан присел на маленький табурет прямо напротив Костура, закурил, а потом почти шепотом сказал: — Дунька о вас очень и очень тоскует, Леонид... Даже не ест ничего... и чужих не подпускает. Видимо, все же вы ей по душе пришлись, что-то она углядела в вас хорошее, иначе бы так не переживала разлуку.

Изумленный Ленька молчал...

— Заслужить любовь, рядовой Костур, не каждому дано, — продолжал капитан. — Любовь во-о-обще дело темное, как возникает и почему вдруг пропадает — загадка вровень с загадкой вечности... Невеста-то имеется, Леонид? — усмехнувшись, спросил он и рассмеялся: — А в общем-то об этом даже древний мудрец Гомер выразился однозначно: «Нет ничего пагубнее женщин»...

Ленька покраснел, весь просто малиновый стал, но продолжал упорно молчать.

— А вот писатель Княжнин, Яков Борисович, кстати, живший еще до времен Пушкина, так высказался о воссоединении двух придурков: «Брак — это панихида по любви!» — Капитан поднялся, одернул китель и сказал на прощанье: — Поправляйтесь, Леонид, и, пожалуйста, будьте с собачкой своей поласковой, а то как взглянешь, как вы ее гладите, прямо смех берет... Вы же ей по спине как шваброй по полу шаркаете... Нельзя же так, дорогой! — Он улыбнулся, быстро повернулся и вышел из дверей барака.

Теперь Костур долго и пытливо присматривался к Дуньке, словно пытался разглядеть в ней то таинственное и странное, что заставило даже командира прийти к нему. Собака тоже пристально глядела на солдата Костура. Видимо, отыскивала в нем так необходимые для ее собачьей природы качества — любви и добра...

— Ну, шагай до меня, шагай, — мягко, как только мог, произнес Ленка, и ему даже показалось, что собачка его тяжело вздохнула, когда поднялась с пола...

С тех пор что-то резко изменилось в их отношениях...

Хотя внешне казалось, что Костур, как и прежде, был равнодушен к Дуньке, считая саперную лопату, помазок для бритвы или клочок газеты для самокрутки вещами куда более нужными и полезными, чем эта собака, теперь на вечерних проверках и разборках прошедшего дня в маленьком фанерном домике командира отряда, когда очередь доходила докладываться о рядовом Костуре, капитан неизменно докладывал — контакт с животным имеется!

Больше всего Леониду нравились практические занятия. Их не очень мудреный смысл сводился к одному — заставить собаку, ни капельки не раздумывая, кинуться или шмыгнуть под железное брюхо фашистского танка.

Приучали бедных собак постепенно, используя естественное желание животного существа наполнить свой пустой желудок. Их, просто-напросто, не кормили по нескольку дней, а на полигонных занятиях ставили между гусеницами миску с кусками свежего мяса... А поскольку к лязгу и скрежету металла собаки уже были приучены, то, не обращая внимания на этот гнетущий шум, каждая собачка после команды «вперед!» — рвалась и торопилась к своей миске.

И собаки бежали, опоясанные ремнями, которые удерживали макеты мин. Из каждой мины торчал штырь. Вбегая под танк, собака задевала им днище — штырь наклонялся и приводил в движение боек...

Точно так все и должно было происходить при вражеской танковой атаке. Но вот Ленке нравился не этот губительный процесс, а сам соревновательный дух.

— Ну, ну, лохудрочка моя, — орал он вдогонку Дуньке, — а ну, пидножмы ище — та скориш-скориш! — И как только его Дунька первой исчезала под танком, он приподнимал голову из окопа и не без показной гордости поглядывал на своих сослуживцев, как бы говоря, вот, мол, моя-то, хлопчики, обчехвостила ваших недотеп — первой оказалась!

Второй в этих необычных бегах всегда была лайка шутника-балагура ефрейтора Сеньки Манина.

Сейчас в отряде для него и еще ста сорока таких же, как и он по возрасту, это было всего лишь веселой и азартной игрой. Игрой почти дет-

ской — в «войнушку», но только на настоящей, всамделишной войне. И азарт этот игровой только подхлестывался шумом и скрежетом гусениц, уханьем взрыв-пакетов, криками и гиканьем расположившихся на танках солдат, изображавших «вражеский десант»...

— Быстреей, давай быстреей, подруга! — неслось из окопов. По сути, все молодые бойцы и были еще мальчишками, хотя некоторые, как, например, Ленька Костур, уже нанюхались вдосталь пороховой смертельной гари на передовой, нагладелись смертей и належались на сырой матушке-земле, спасительнице и охранительнице!

Многие уже были с наградами, которым позавидовали бы и «старички», были и с ранениями, были и отчаянно смелые, и трусливые... Всякие были...

Резвость Дуньки, ее старание и покорность очень радовали Леньку, да и просто льстили самолюбию человека, который очень старался и хорошо делал свою работу. И это само уже меняло и его отношение к собаке. Теперь только он осознал ее реальную пользу фронту, а это в понятии солдата давало ему право на особое отношение к тому, от кого оно исходило. И, тем не менее, это не было добрым отношением, а скорее просто снисходительным.

Ей же, лохматой дворняге, и этого было вполне достаточно. Видя эту реальную пользу, Костур занимался с Дунькой куда прилежней, чем два месяца назад.

Ему нравилось безропотное подчинение собачки каждому его приказу.

Он даже стал замечать ее преданный взгляд, когда, выполнив команду, она возвращалась к нему, садилась у левой ноги и поднимала мордашку...

— Ай, молодец, Дуняха, молодец! — произносил он, проводя рукой по ее холке. И, похоже, для нее эта тяжелая и грубая крестьянская ручища в те минуты казалось самой нежной и самой теплой и ласковой из всех рук на свете, которые к ней когда-либо прикасались.

И вот отряд отбывал на передовую...

Там вдали, за сотни километров от этих уже ставших такими родными березок, должно было развернуться очень важное сражение. Одно из тех многих, которые уже были, и которым еще только предстояло свершиться в той многострадальной войне.

Грузились ночью, на запасном тупике небольшого полустанка. Хозяйственный Ленька Костур еще накануне отъезда нашел где-то разодран-

ный в двух местах мешок, залатал дыры и, аккуратно сложив его, сунул в свой вещмешок. Теперь же, воспользовавшись немногими минутами, отведенными командиром перед посадкой на выгул собак, нарвал в свой припасенный мешок травки. У вагона Ленька оказался одним из первых, а потому и местечко занял очень удобное, в уютном уголке...

Так и поехали они на фронт...

Проснулся Ленька, когда еще только начали обозначаться серыми квадратиками два крошечных оконца под потолком вагона. Огляделся... все еще спали. Вытащил тихонько из-под Дуньки мешок с травой, на котором она так удобно проспала всю ночь, и, прежде чем самому улечься на него, переложил сонную собаку на тот пук соломы, еще теплой от его тела.

Дунька заворочалась, устраиваясь поудобней, а потом положила на его сапог свою мордочку...

Так прошло еще несколько часов...

...И вот, украинский паренек Леня Костур глядел теперь на широченный, неохватный и необозримый простор настоящего русского поля!

Никогда еще не видел он такой бескрайней, уходящей за горизонт степи — настоящей древней степи...

Первое, о чем подумал тогда боец Костур: «Боже ж мий, сколько ж зэмэльки! Ось бы всю ее та запахать... это ж був бы хлибушок?! А воны зараз взрывамы зуродують все оцэ богатство. Ох, люды ж, люды, та чи вы з ума-розума вжэ зийшлы, чи шо такэ?!»

И засмотрелся солдат Костур в небо... Там в серо-мглистом мареве летели два клинышка журавлей. Ленька даже вздрогнул от нахлынувшего волнения — вмиг вспомнил Оксанку, и голос ее услышал, и слова песни, которую она запела, глядя в облачное небо:

*Ой, кажуть люды, шо из журавлыных глаз
тыхо льються слезынькы прощання,
тай падають воны на зэмлю довгымы осинними
дождямы...*

А в соседнем окопе Сенька Манин вдруг стал горланить нараспев чьи-то стихи:

*К ней приду с букетом я,
С розой полевой,*

*Ей скажу: «Любовь моя!
Я до гроба твой!»
Тво-о-ой!*

Рядовой Костур окапывался не так, как его учили в отряде — небольшой окопчик с пологим откосом для выхода собаки в сторону противника, нет, он все делал по-своему. Хотя и тяжело было копать, и времени и сил ушло много, однако, вопреки установленному предписанию, решил он поступить иначе. И к полудню вырыл окоп, в котором места хватило не только для него самого, чтобы в рост стоять, но и для собачки, и... чтобы пуля шальная или осколок залетный не достал...

— Ты, Костуряка, еще бы накат в три бревна сварганил да стереотрубку поставил, тогда б твоему сооруженьицу и цены не было, — хохотали давным-давно закончившие работу солдаты. Недалеко от Ленки копался еще только неугомонный Манин, и из его окопа все доносилось хрипловатое пение:

*Зачем ты сделала война, ржаное поле полем брани?
Земля огнем обожжена, каждый клочок изранен.
Землю пахали много дней танки да снаряды,
И лишь полынь взошла на ней с лебедою рядом.*

*Пропахла порохом земля, она забыла запах хлеба,
А ей бы теплого дождя и голубого неба.
Да чтобы с дальней стороны под свои закаты
Домой вернулись бы с войны русские солдаты...*

.....
*Жизнь моя не повторится дважды,
Жизнь — не песня, чтобы снова спеть.
Так или иначе, но однажды
Мне придется тоже умереть...*

О причинах поспешности, с которой их сюда доставили, им, конечно, никто не докладывал — военные приказы не обсуждались. Но поспешность и то, что было велено не кормить собак, говорило о скорых боевых операциях, и случиться они должны были в самое ближайшее время...

Бойцы поели и теперь, сидя в окопах, балагурили... Отовсюду слышались анекдоты, рассказы да присказки, а чуть в сторонке от солдат

повизгивали, привязанные к кольям их изголодавшиеся собачонки... задрав головы они принюхивались к тянувшимся от полуторки с опустевшими котлами запахам солдатской каши.

Единственная из всех собак, которая не визжала и не скулила, была Ленкина Дуня. Смиренно и грустно лежала она в окопчике на вытрясенной из мешка травке и, казалось, смотрела в одну точку. А точкой той был небольшой коричневый паучок, сидевший на стенке и сучивший длинными лапками...

Справа из-за леса вдруг вынырнул самолет. На опушке сразу захлопали зенитки, оставляя в воздухе желто-коричневые раскрывающиеся бутоны с огненными вспышками.

— Воздух! Во-о-зду-у-х! — мигом прокатилось над степью. В несколько прыжков Костур оказался возле своего укрытия. Дунька с интересом посмотрела на спрыгнувшего в окоп Леньку и даже хвостом завиляла, наверное, от радости...

— Та шоб ты сказывся! — пробормотал Ленька, взглянув в сторону деревьев, и, чуть было не наступив на собаку, опять выскочил из окопа. Через несколько мгновений снова прыгнул в окоп, держа в руке пустой котелок и ложку.

Самолет тем временем пересек довольно широкую часть степи, зажатую между двумя лесными клиньями, и так же, как и появился, неожиданно исчез.

— Слышь, хохол! А тот разведчик, как пить дать, прилетал, чтоб поглазеть на твое укрытие, — крикнул из соседнего, совсем не глубокого, окопчика Семен Манин. — Теперь он точняк доложит — к Костуру лучше и не соваться!

Ленька усмехнулся, махнул рукой в сторону Манина, мол, болтай-болтай, что хошь...

Ночью Ленька никак не мог уснуть... просто караул!

Лежал, слушая ровное дыхание Дуньки, и все думал — о мире, о войне, о так запавших почему-то словах из песенки балагура Сеньки Манина о том, что жизнь, к сожалению, не песня... Мысли Леньки в этом месте как-то остановились, будто воде запруды поставили, или будто стена появилась перед взором его — темная, глухая, непроглядная и неприступная! Ну, не знал Ленька, как тут правильно подумать о жизни той — песня она или нет? Не смог додумать — и бросил эту несуразную мысль. Зато тут же подхватил другую — что жизнь дважды нехватишь, как охапку сена... А потом долго-долго, чуть не до слез разволновавшись,

вспоминал о родительском доме и о всей своей родне. Родина его была «пид сапогом нимця». А дальше с состраданием подумал о родной земле, которая так мучилась от придурочных «двуногих», что все воюют и никак не навоюются, безголовые...

Привыкший с раннего детства к делу, он и войну понимал как некое дело, в котором уж если поручили ему что-то исполнять, то исполнять он это должен добротнo и споро. Война обострила в нем инстинкт самосохранения. Все, что окружало его: земля, лес, мелкие кустарнички и узкие ложбины, даже небо — все это стало для него ни чем иным, как материалом в этой смертельной работе.

Земля! Он мог прильнуть к ней. Дерево — за него можно было спрятаться, укрыться и спастись. Небо — оно могло быть одновременно и другом, и недругом. А что ж такое была его собака? За нее ведь не спрячешься, не укроешься... Крестатый танк взорвет! Так тут еще посмотреть требуется, как у нее это получится. Одно дело, на полигоне, а другое — когда земля на дыбки встает, поднимается... Для селянина Леньки Костура, привыкшего видеть в каждой работе толк, затея с собаками казалась ненадежной и даже бесполезной. Но присутствие рядом живого существа не могло для него не быть приятным. Как ни крути, она была частицей того покоя, из которого увела украинского парубка та злосчастная война.

Начал накрапывать дождь... Ленька мигом развернул плащ-палатку и накинул на себя. Придвинулся к собаке и полый плаща укрыл лохматый дрожащий комок...

— Ну, ось и всэ — почалось! — сказал сам себе Костур, когда в неясной утренней мгле захлопали на опушке зенитки, и первые упавшие бомбы и снаряды взметнули к небу пересохшую за лето степную землю.

Дунька шустро поднялась, потянулась, выставив далеко вперед лапы и наклонив голову. Для нее этот грохот был знакомым сигналом, после которого надо было ждать команды и потом устремляться вперед. От возбуждения она часто дышала, чуть приоткрыв пасть...

— Ты этого чога? — посмотрел на собаку Ленька. — А ну, гэтъ, прыляж опьять!

А вот к такому повороту дела она не была приучена, и поэтому упорно продолжала стоять, ожидая команды — «вперед!»...

— Тта лэжы ж ты, бисова дивчина! — уже со злобными нотками в голосе крикнул Костур и буквально придавил собаку к земле своей широкой и сильной ладонью.

А грохот все усиливался. Отбомбив, фашистские самолеты уходили влево, за кромку леса. А справа уже выплывал новый эшелон крестатых железных черных птиц...

По опыту Леонид уже знал, что будет дальше. И не ошибся... Сразу после бомбежки начался яростный артобстрел.

— А ось тэпэрэчки нам треба готовица, — пробормотал он.

Три противотанковые гранаты и бутылку с горючей смесью — комплект, выданный каждому бойцу с собакой, — он поставил в земляную нишу, предусмотрительно открытую в окопе. Потом принялся укреплять на спину Дуньки мину, притягивая ее к телу собаки брезентовыми ремнями. Поводком обмотал несколько раз вокруг вбитого тут же кола.

— Лэжы! — приказал он строго. — Скоро вжэ... побижыш и ты...

И точно, в короткие паузы между залпами Ленька уловил далекий скрежещущий гул. Морозящий дождик удерживал над землей дымный смрад. Он уже висел непроглядной серой пеленой. По характерному визгу снарядов, их разрывам, Костур уже понял, что били идущие прямо на них немецкие танки.

Где-то впереди зачастили противотанковые орудия, затарахтели пулеметы. Видимо, отрезая пехоту от танков. А по стенке окопа ошалело бегал и бегал в поиске какой-нибудь щели все тот же маленький паучок... Он, бедолага, то лихорадочно устремлялся вверх, то вдруг, резко изменив направление, бежал вниз. А то на мгновенье замирал на месте, будто прислушивался, но, увы, изрезанная лопатой стенка окопа была ровной, и ему просто некуда было скрыться.

Очень знакомый нарастающий свист заставил рядового Костура присесть прямо в окопе. Он схватил собаку за ошейник, боясь, что близкий взрыв напугает Дуньку, а то и вовсе отбросит волной вместе с миной.

«Так можно и на воздух взлететь почем зря», — подумал он и в следующее мгновенье почувствовал, как всколыхнулась под ним вся земля. На его каску, плечи и спину посыпались комья сырой земли. Он отчетливо услышал, как рвануло где-то совсем рядом. А когда выглянул из окопа, понял — соседа слева больше нет! Что заставило его резко повернуться вправо, он не знал, но, повернувшись, сразу увидел, как, пригибаясь к земле, бежит из окопа назад к нему ефрейтор Манин.

— Э-э-э! Ты это куды?! — что было мочи, заорал Ленька. — Ты шо это, паринь!

Но тот будто не слышал его крика.

Случившееся не повергло Костура в панику, не вызвало страха, на это все нужно было время, которого уже не имелось... Он увидел чер-

ный силуэт, медленно двигавшийся на окоп, который минуту назад покинул Манин.

И тут произошло то, чего ну никак не ожидал Костур: из окопа выскочила рыжая собачонка. Видимо, желая хоть раз в жизни быть первой, что еще никогда ей не удавалось сделать на полигоне, она теперь во весь дух неслась к танку. Леонид увидел лишь яркую вспышку, и потом до него докатилась волна грохота взрыва. Это потрясло рядового Костура. Раньше он только представлял себе, как это могло произойти, а теперь это вдруг стало реальностью!

Слева выполз второй танк. Такой же черный и крестатый, как и первый. Не отрывая от него взора, Леонид ощупывал рукой гранату. Вся в маскировочных разводах громадина — машина приближалась к развороченному окопу. Он резко отвел руку за спину и рывком выбросил ее вперед. Граната взорвалась за танком, не причинив ему никакого вреда. Вторая тоже не достигла цели. И когда, проутюжив соседний окоп, лязгающая махина, казалось, была уже недосыгаемой, Ленка швырнул бутылку с горячей смесью.

— А-а-а! — закричал он и стал бить кулачищем об землю. — Шо, елкина зэлэна, уполз?! Ось цэ тоби и жызня, як та писня!

Привязанная к колу, оглушенная боем и абсолютно растерянная, Дунька дрожала... Все ее тело и морда просто сотрясались в нервной лихорадке.

— Ты это чога? Нэ бийся, я ж с тобою, риднэнька моя! И покудачки я туточки, ничогоз нэ бийся!

Но собачка смотрела на Ленку таким полным отчаяния и тревоги взглядом, что ему вдруг стало очень жаль ее, случайно и совсем ненужно оказавшуюся в этом враждебном сумасшедшем мире.

— Та не боись, гарнэнька моя, — снова ласково произнес он и потрепал ее за холку. — Ну, на кой ляд ты тутачки, га? Не твое ж это собачье дило ця война чоловичья. Так шо лэжы тут, пока и не пропадешь. Ты видала, як я його? То-то... Звирюкы!

Собака, может быть, и хотела перестать дрожать, но не могла... Видно было, она силилась понять смысл незнакомых слов, которые так бодро произносил приставленный к ней человек. Ее удивила его словоохотливость, прежде такого молчуна, и совсем уж незнакомая ласковость слов. А он, ее хозяин и командир, говорил и говорил...

Костуру показалось, что орудийный ствол танка был нацелен точно в него. Но в следующее мгновение тот качнулся, словно поклонился до самой земли русскому солдату, и опять задрался вверх.

— Вот и ты, давай-давай, блыжче, не робей, Гансик! — крикнул Леонид. Танк вышел на ту дистанцию, когда по инструкции следовало пускать собаку.

Ленька протянул руку к ошейнику, удерживающему Дуньку на поводке, другой рукой взялся за автомат. Собака взвизгнула от нетерпения и провела горячим языком по его руке. Похоже, наперед благодарила за ту возможность вольного бега, которую он должен был предоставить. Но Леонид всего на несколько мгновений замешкался, и с досадой понял — упустил время! Тяжеленная страшная машина, переваливаясь с боку на бок, надвигалась на окоп.

— Ползи, ползи, гадюка! — процедил Костур, почти прошипел про себя, будто боялся, что чудовище услышит его и повернет вспять...

Он резко отшатнулся от собаки, видимо, вспомнив о последней своей гранате, и взял ее в руку.

Ленька видел, как, выскользнув из его ладони, граната точно легла под гусеницу, и присел, ожидая взрыва — но его не было...

В другое время он крепко покрыл бы того, кто так плохо и безответственно сработал свое дело, но сейчас не осталось времени даже подумать об этом...

Он спешно бросился к Дуньке, отвязал ремни, удерживавшие мину на спине собаки, и закричал:

— Всэ одно не пройдешь, вражина! Нэ пропуцу я гада!

Металлический лязг железа уже послышался совсем рядом. Ленька толкнул Дуньку себе под ноги, а когда выпрямился во весь свой совсем маленький рост, то увидел прямо перед собой наплывавшую железную громадину...

Он поднял мину над головой и просто сунул ее под нависшую над окопом гусеницу... □

Первый американец в Красной армии

*Никлас
Григорьевич
Бурлак*

Война... Сколько ужаса и горя в этом слове. Сколько слез и потерь. Невозможно произносить его и не ощущать страх того, что когда-то и нам придется сложить свои головы на поле битвы. Во время Великой Отечественной войны многие народы воевали за свою страну и за свою правду. И их подвиг бессмертен. Проходят годы, и задача тех, кто живет сейчас — просто помнить о таких людях и рассказывать другим, чтобы каждый осознал, что мир держится не на трех китах, но именно на подобных личностях.

Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский назвал Никласа Григорьевича Бурлака «Первым американцем в Красной армии». Звучит невероятно, и мало кто сможет поверить в такое, однако из истории невозможно стереть ни одного фрагмента.

Жизнь Бурлака удивительна. Отца его звали Гарри Бурлак, но это имя он носил не всегда: когда-то Сергей Коваленко работал грузчиком в Севастополе. В 1905 году во время восстания на крейсере «Очаков»,

будучи членом большевистской организации, осуществлял связь с экипажем крейсера. После подавления восстания ему пришлось удариться в бег, сменить имя и фамилию на «Григорий Бурлак» и перейти

российско-австрийскую границу. Там Бурлак женился, а потом, выполняя партийное задание, отправился с молодой женой в США. Он стал сталеваром на заводе Бетлехэм-Сити в Пенсильвании, взял в расрочку дом. Вскоре один за одним у них появились дети — Никлас, Энн, Майк и Джон. Во время Великой депрессии Бурлак потерял дом, работу и средства к существованию. Но, к счастью, в это время неожиданно из Москвы пришло разрешение вернуться в СССР, и в 1934 году Григорий с семьей приехали на родину.

Кто же такой Никлас Бурлак? Обычный американский гражданин или же русский патриот? Родившись в Америке, этот бойкий мальчишка успел побывать продавцом газет и журналов, чистильщиком обуви, рабочим у художников и даже акробатом в цирке. Однажды восьмилетний Никлас, услышав от отца о вожде пролетарской революции, решил вырезать из куска мыла бюстик Ленина и поставить его под флаг США во время школьной линейки. Ему показалось забавным, что американские ученики будут произносить ежедневную клятву, обращаясь к Ленину. Ситуация обернулась тем, что мальчика уже собирались исключить из школы, но его старший брат Майк проявил смекалку и заявил, что бюст из мыла — это вовсе не Владимир Ульянов, а древнегреческий мыслитель Демокрит! Сработало!

Школу Никлас заканчивал уже в России, и последний школьный год пришелся как раз на начало Великой Отечественной войны. Уже в 1942 году он вступил добровольцем в Красную армию. Несмотря на то, что Никлас был американцем, все тяготы военной службы он переносил наравне с советскими солдатами. Окончил Спецшколу Центрального штаба партизанского движения, затем был стрелком-радистом танков Т-34 в 9-м танковом корпусе.

В первые дни знаменитой встречи на Эльбе советских и американских солдат ему не приходилось встречать своих земляков, но уже в мае 1945 года, как офицер разведки и переводчик, он много раз сопровождал командующего Второй танковой армии Алексея Ивановича Радзиевского на встречах и переговорах с американцами. Конечно, американские солдаты и офицеры были удивлены, что их земляк, Никлас Бурлак воюет в рядах советской армии.

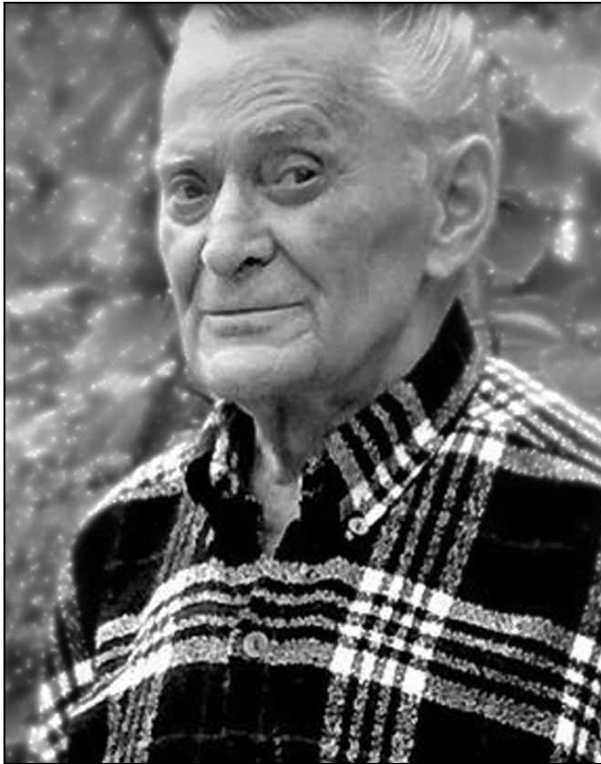
К сожалению, пули и снаряды не щадят никого, и американский доброволец был несколько раз тяжело ранен. Однажды похоронный отряд посчитал его убитым, с него сняли солдатский жетон, а матери отправили похоронку с надписью: «Пал смертью храбрых». Вот, вроде бы, и конец истории. Но, к счастью, могиле Никлас оказался не нужен.

Этот эпизод был не последним, когда ему приходилось ощущать на себе все «прелести» войны. Четыре

ранения и две контузии не останавливали его, и он снова возвращался в строй. В июле 1944 года Никлас участвовал в освобождении заключенных из немецко-фашистского концлагеря смертников Майданек. В конце февраля 1945 года в Померании освобождал из лагеря военнопленных американских и британских летчиков.

А его сослуживцы продолжали ломать себе голову вопросом: «Каким образом американец оказался среди нас?» Одной из тем обсуждения стал автограф Никласа, написанный на английском языке на стене рейхстага — «Бетлехем, Пенсильвания, США — Макеевка, Донбасс, Украина — Актюбинск, Казахстан — Берлин, Германия. 2 мая 1945 Никлас». Они

никак не могли понять, почему молодой американец так рвется защищать страну, которая, на самом деле, стала ему по-настоящему родной.

«Красная армия не нуждается в иностранцах!» — именно так ответил некий военком Баев молодому американцу. Но обида и злость на эти слова не остановили Никласа. Благодаря маршалу Ворошилову он был зачислен в школу диверсантов на Садово-Кудринской в Москве. Заниматься приходилось по 14 часов в день: изучение азбуки Морзе, владение телеграфным ключом, портативными радиостанциями, рукопашный бой, стрельба, прыжки с парашютом, вождение, подрыв мостов. Ну а потом, естественно, фронт. Так и прошел Никлас по фронтовым дорогам от Москвы до самого Берлина.

За несколько недель до победы Никлас и его товарищи увидели, как в небе сражается американский истребитель «Мустанг». Ему удалось сбить один немецкий самолет, но пострадал и американец. Пилот Ричард О'Брайн успешно катапультировался, но оказался в полусотне метров от немецких окопов. Казалось, гибель американского летчика неминуема. Советские танкисты решили спасти союзника. Никлас направил свой танк к вражеской позиции и прикрыл броней американского летчика от пуль. Но их обоих все же ранило, и они оказались в госпитале в одной палате. За время лечения близко познакомились. Ричард О'Брайн служил в 8-м американском авиационном корпусе, до войны жил и работал в Бостоне, там, где жила старшая сестра Никласа — Энн. Оказалось, что летчик хорошо знал ее. Ричард рассказал, что Анна известна в Америке многим под псевдонимом Red Flame (Красное Пламя). Он также поведал, что у него хранится журнал с портретом сестры Никласа, над которыми написано: «Анне ни смерти, ни заключения». Она была арестована в штате Атланта, где ей грозил электрический стул за коммунистическую пропаганду. После окончания войны О'Брайн нашел ее и рассказал, как Никлас спас его от гибели.

Как-то командир Никласа, подполковник Жихарев, показал ему

фотографию красивой девушки и пояснил: «Моя дочь — балерина Алла. Убежала на фронт в 16 лет. Воюет на Белорусском фронте. Если со мной что-то случится, найди ее». Конечно, Никлас не думал тогда, что пройдет несколько месяцев, и он встретит Аллу в Берлине, а в 1948 году они поженятся.

Вскоре поступил приказ Жукова, в котором говорилось, что 2-я гвардейская танковая армия должна первой ворваться в столицу Германии и водрузить знамя победы на куполе рейхстага. И хотя линия обороны Зееловских высот еще не была прорвана, разведгруппа, в которую входил Бурлак, прорвалась в Берлин.

До Великой Победы оставалось 12 дней...

И вот наступил этот долгожданный момент — рейхстаг был взят. Неизвестно, думал ли в эти минуты Никлас, что спустя годы ему не раз придется бывать в Берлине, но уже в качестве советского режиссера, сценариста и организатора фестивалей и концертов.

В послевоенные годы Никлас Бурлак посвятил свою жизнь развитию советской культуры и советско-американских отношений. Многие годы он был главным режиссером Госконцерта СССР. В 70-х годах советские зрители смогли познакомиться с творчеством Дюка Эллингтона, ансамблем Country Music USA

и другими американскими исполнителями, что уж говорить о том, что многие советские актеры и коллективы побывали в США именно благодаря Никласу Бурлаку. Вся его жизнь в СССР была связана со сценическим искусством и международным культурным обменом со многими странами мира. В Кремлевском дворце съездов и на сценических площадках столичных городов союзных республик в постановке Никласа шли театрализованные представления и спектакли: «Мелодияс де Верано», «Золотая осень», «Вам улыбаются звезды», «Подмосковные вечера», «Приключения Николки-космонавта».

Шло время, и Николаса потянуло обратно в Штаты. Там он написал книгу «Любовь и Война» (о событиях 1941-1945 годов) и выступал во многих городах с устными рассказами об искусстве и о своей жизни.

Известный американский ученый, экономист Марк Соломон так отозвался о книге Никласа Бурлака: «Мы должны знать суровую правду о трагедиях той войны. Нам нужна новая эпоха прочного мира. Всем нам необходимо прочесть и поразмыслить над искренней, щемящей мемуарной работой Никласа».

Важно помнить вещи, которые люди делают ради создания мира и дружбы, но еще важнее — поступать так же, тогда каждая великая идея будет жива. □

ТАНК ОТ ДОШКОЛЯТ

Это событие произошло в годы Великой Отечественной войны и, как ни удивительно, имело свое продолжение ровно через тридцать лет после ее окончания.

1975 год, г. Омск. Средняя школа №...

Классная руководительница 7«В» все пыталась придать своему голосу подобающую строгость, но сегодня у нее получалось плохо: он предательски дрожал, подрывая ее безупречный авторитет. Несмотря на это, ученики вели себя на удивление тихо. Даже «отпетый» двоечник, со странной фамилией Подоприво-

ра, не вертелся на стуле и не пытался дергать впереди сидящую девочку Леру за тугую косу, а внимательно слушал Веру Марковну. Ксерокопия в руках пожилой учительницы дрожала в такт ее тихому голосу:

Я — Ада Занегина. Мне шесть лет. Пишу по-печатному. Гитлер выгнал меня из города Сычевка Смоленской области. Я хочу домой. Маленькая я, а знаю, что надо разбить

Гитлера, и тогда мы поедem домой. Мама отдала деньги на танк. Я собрала на куклу 122 рубля и 25 копеек. А теперь отдаю их на танк. Дорогой дядя редактор! Напишите в своей газете всем детям, чтобы они тоже свои деньги отдали на танк. И назовем его «Малютка». Когда наш танк разобьет Гитлера, мы поедem домой. Ада. Моя мама врач, а папа танкист.

25 февраля 1943 года, газета «Омская правда».

(Письмо хранится в Народном музее истории детского движения.)

Вера Марковна кончила читать и положила листок. Подошла к окну и постаралась незаметно смахнуть предательские слезы.

Круглая отличница Люда Крикун уже тянула руку.

— А дальше? Что произошло после публикации в газете? Детям удалось? А откуда у вас это письмо? Расскажите, пожалуйста! — на одном дыхании выпалила она.

Москва. Кремль. Кабинет Верховного главнокомандующего.

— Иосиф Виссарионович, разрешите? — Секретарь стоял по стойке «смирно», держа в руке пухлую папку с документами.

Хозяин кабинета оторвал взгляд от потухшей трубки и нехотя кивнул:

— Товарищ Поскребышев, у меня сейчас совсем нет времени, поэтому доложи, что, на твой взгляд, в папке самое неотложное? На что

следует обратить особое внимание, как думаешь?

— На детей, товарищ Сталин! Вот письмо из Омского горно. Тамошние дошколята очень хотят помочь Красной армии быстрее разгромить врага. Поэтому деньги, собранные ими на игрушки, желают передать на строительство танка. Убедительно просят назвать его «Малютка».

— И что? Много собрали? — бесцеремонно перебил секретаря Сталин.

— По имеющейся у меня информации — сто шестьдесят тысяч восьмьсот восьмьдесят шесть рублей.

— Подготовь им благодарственную телеграмму, я подпишу. И еще, вот что. Свяжись с Госбанком, скажи, чтобы немедленно открыли специальный счет. Опубликуйте его номер во всех завтрашних газетах. Пусть все дети нашей страны примут участие в этом благородном деле.

— Слушаюсь. — Секретарь положил папку на стол, направился к выходу. Но хозяин кабинета окликнул его:

— Судьбу этой «Малютки» взять на особый контроль! Докладывай мне о ней регулярно. И детишкам в Омск обязательно сообщй. Они должны знать, как бьет врага танк, собранный на деньги маленьких патриотов.

1975 год, г. Омск.

— Отвечаю на вопрос Людочки. — Вера Марковна полностью успокоилась. Она смогла спрятать собственные воспоминания о воен-

Ада Занегина

ном детстве как можно дальше, но решила, что обязательно поделится ими со своими учениками. В другой раз. А пока она тихо продолжила: — Ваш сверстник, воспитанник клуба «Искатель» Дворца пионеров обнаружил это письмо в старой подшивке «Омской правды».

Подопригора тянул кверху не одну, а сразу две руки, тряся ими от нетерпения.

— Знаю, что ты хочешь спросить. Сейчас отвечу, — кивнула Вера Марковна и достала из папки заранее приготовленный документ.

Москва. Кремль. Кабинет Верховного главнокомандующего.

Глава страны улыбался в свои знаменитые усы:

— Ну, товарищ Поскребышев, как там воюет наша «Малютка»? Дает немцам прикурить?

Секретарь был готов к этому вопросу и быстро отыскал нужный документ.

— Танк Т-60 с надписью «Малютка» сошел со сборочного конвейера Сталинградского завода «Судоверфь». Воевала на нем одна из девятнадцати, на всю армию, женщина-танкист — двадцатидвухлетняя механик-водитель Екатерина Алексеевна Петлюк, ростом сто пятьдесят один сантиметр.

— Надо же, какое точное название у машины оказалось! — пошутил Сталин.— Продолжай.

— Танк участвовал в Сталинградской битве. А девушка была награждена тремя орденами и двенадцатью медалями. Трижды ранена.

1975 год, г. Омск.

Неожиданно раздался звонок. Школьники, не дожидаясь команды учителя, повскакивали со своих мест и бросились к столу.

— Члены клуба «Искатель» отыскали взрослую Аду. Она живет в городе Электросталь. Работает там врачом-офтальмологом. Пригласили ее в свой Омск. А еще организовали встречу с бывшем механиком-водителем Екатериной Алексеевной Петлюк, нынешним депутатом и сотрудницей Одесского ЗАГСа, — ломающимся голосом читал вслух Подопригора.

— А теперь я! — Люда Крикун даже встала на стул (чего с ней никог-

да раньше не случилось), чтобы ее лучше слышали!

— «Я хочу вернуться в Киев. Вношу собранные на сапоги деньги — 135 рублей 56 копеек — на строительство танка «Малютка». Алик Солодов. 6 лет». «Мама хотела купить мне новое пальто и накопила 150 рублей. Я поношу старое пальтишко. Тамара Лоскутова». «Дорогая незнакомая девочка Ада! Мне только пять лет, а я уже год живу без мамы. Я очень хочу домой, потому с радостью даю деньги на постройку нашего танка. Скорей бы наш танк разбил врага! Таня Чистякова»...

Вера Марковна поманила учеников рукой и показала на окно. По улице мимо школы плавно двигался троллейбус с надписью «Малютка». Построен на народные средства». □

*Гвардии сержант
Екатерина Алексеевна Петлюк*

Из фондов «Исторического
архива Омской области»

Танк «Малютка»

Вадим Деревянский

САНИНСТРУКТОР МАША

и Баба-яга

Рассказ основан на реальных событиях

Была поздняя осень 1943 года. На фронтах Великой Отечественной войны шли кровопролитные бои. В одной из освобожденных от фашистов деревень расположился медико-санитарный батальон. Большинство домов в деревне уцелело, но народу в ней осталось мало: бабы, дети да старики — не уехавшие в свое время в эвакуацию и выжившие в годы оккупации.

Девушки-саниструкторы заняли пустующую избу с большим, почти во всю стену, зеркалом. Среди них была Маша Воронова — двадцати лет от роду, внешностью полностью соответствовавшая своей фамилии: маленькая, черненькая с короткой стрижкой и наивными, темными как вишни, глазами.

На этом участке фронта наступило временное затишье, поток раненых заметно сократился. Одним из немногих бойцов, поступивших в медсанбат в последние дни, был разведчик сержант Евгений Кузнецов.

Несмотря на молодость, Женьку в части считали уже достаточно опытным разведчиком: за линию фронта неоднократно ходил, фашистских «языков» брал, в засадах сидел и сам в засады попадал... — всего не перечислишь. И ничего! Как заговоренный — ни царапины! А тут в расположении своей части был ранен в плечо часовым. Глупо получилось, иначе и не скажешь!

Случилась эта глупость потому, что сержант Кузнецов ходил без спроса не только через гитлеровские посты, но и через... свои. Поступал он

так не от незнания паролей, которые им сообщали своевременно, а из принципа! Ну, зачем ему, доблестному разведчику, пароль, если он и так мимо любого часового пройдет незамеченным?! Опять же потренироваться лишний раз не помешает. И действительно проходил, пока на днях его не обнаружил стоявший на посту солдат. Конечно, Женька сам виноват, промашку допустил — на шумел (хотя обычный человек этот «шум» и не услышал бы вовсе!) Но часового, как на грех, чересчур бдительный оказался, а если судить по меткости выстрела, так еще и «Ворошиловский стрелок»! Словом, если б не Женькина змеиная реакция, то быть бы ему сейчас уже на том свете.

Прибежавшие на выстрел часового солдаты ничего, кроме следов крови, не обнаружили (уходить от преследования Женька тоже умел хорошо!) И породило это происшествие сразу две неправды: о предотвращенной попытке прорыва вражеской разведгруппы, а также о фашистском снайпере, ранившем сержанта Кузнецова. Первая информация сомнений у командования не вызвала, а вот в придуманную Женькой историю про снайпера (правду сказать нельзя — стыдно, товарищи засмеют!) никто не поверил, так как все догадывались, что на самом деле произошло. Однако докапываться до истины по понятным причинам не стали — привлекать к ответственности в таком случае пришлось бы не только раненого разведчика. К тому же и ранение у Кузнецова оказалось не таким уж серьезным, подлечится несколько дней в медсанбате и снова вернется в строй.

В «девчачью» избу несмело постучали, дверь приоткрылась, и в проеме показалась белобрысая Женькина голова:

— Здравия желаю, девчата! Маша, я к тебе.

— Разве вы не видите, сержант Кузнецов, — я занята.

— Пойдем, кое-что покажу.

— Иди, иди, Маша! Кавалер на свидание зовет, — лукаво улыбнулись Машины боевые подруги.

— Да ладно вам! Прямо уж, на свидание... — смутилась девушка.

«Кавалер» вывел ее на улицу и уверенно повел вдоль деревни, никуда не сворачивая.

— Кузнецов, ты куда меня тащишь?

— Скоро сама увидишь.

Прошли крайнюю избу, поднялись на пригорок. На самом верху Женька развернулся на сто восемьдесят градусов и показал здоровой рукой на открывающуюся внизу картину:

— Гляди!

Вся деревня, речка, лес лежали перед ними, как на ладони.

— Да, красиво, — кивнула Маша, обозревая сверху место дислокации своего медсанбата.

— Красиво? — выразил неподдельное удивление Женька.

— Да, а что, разве нет?

— Я совсем не то имел в виду. Ничего не замечаешь подозрительного?

— Нет, что тут подозрительного? Природа красивая, и деревня как деревня, ничего необычного.

— Эх, Маша! — сокрушенно вздохнул Кузнецов. — Не выйдет из тебя разведчика. Вон смотри, — и указал рукой в сторону деревни.

Только теперь Маша заметила то необычное, что сразу привлекло внимание сержанта-разведчика. Все избы в деревне располагались последовательно в ряд, одна за другой, а одна изба стояла отдельно от всех, на самом краю леса.

— Увидела?

— Да. И что?

— Как это что? Подозрительно!

Маша пристально посмотрела Женьке прямо в глаза. Тот не выдержал девичьего взгляда и невесело рассмеялся:

— Да, ты все правильно поняла, — я там уже был.

— Зачем?

— Как это — зачем?! — обиделся Кузнецов. — На разведку ходил! Я же разведчик, и обязан знать все! Знаешь, кто там живет?

— Откуда мне знать?!

— Баба-яга!

— А ну, дыхни!

— Да не пил я, Маша. Правду говорю — Баба-яга. Ведьма!

— В жизни их не бывает — только в сказках, сержант Кузнецов. Не приставай больше ко мне с такими разговорами! — отмахнулась девушка и побежала вниз с пригорка.

— А вот и не вру, — без труда нагнав ее, обижено проговорил Женька. — Я не из боязливых, но, как увидел ее, такого страху натерпелся — мать честная!.. До сих пор, как вспомню, так душа в пятки уходит.

— Чем же она тебя, храброго разведчика, так напугала?

— Страшная она сама из себя: старая, на вид лет триста, не меньше!

Маша весело рассмеялась.

— А ты не смейся, такая приснится — не проснешься! — сердито пробурчал Женька. — Серые патлы до самого пояса свисают, нос крючком, одета не пойми во что. Жабы сушеные, какие-то травы в избе развешаны... Я осторожно пробрался, так она меня все равно усекла, каким-то чутьем почуяла.

— Да, не везет вам что-то, товарищ разведчик — противник все время вас обнаруживает: то фашистский снайпер, а теперь вот Баба-яга. Сноровку, что ли, совсем потеряли? — с издевкой произнесла девушка.

— Я тебе серьезно говорю, Маша, а ты смеешься, — насупился Кузнецов. — Улепетывал я оттуда со всех ног без оглядки... С местными пообщался, они подтвердили — ведьма! Настоящая! Они сами то место десятой дорогой обходят. Я тебя предупредить хочу — не ходи туда! Не веришь — не надо, но если что — пеняй на себя! — и, обиженный проявленным к нему недоверием, Женька зашагал прочь...

Эх, не знал сержант-разведчик, что характер у Маши Вороновой был еще тот! Скажи ей «не ходи», так назло пойдет, даже если и не собиралась идти.

Баба-яга, Баба-яга... Какая там Баба-яга?! У страха глаза велики! Кузнецов раненый, вот и показалось ему, померещилось. А то, что он про травы разные рассказывал, так, наоборот, надо к этой знахарке сходить — может, она для заживления ран что-то посоветует.

Так что сошлось тут все сразу: и непокорный Машин характер, и любопытство, и для дела польза. Весь день до позднего вечера прошел в привычных заботах, а когда подруги уснули, она выскользнула мышью в сенцы, быстро собралась, сунула в карман шинели тяжелый «ТТ» и выпорхнула на улицу.

И вправду, чего там Женька Кузнецов так испугался? (А он ведь не трус!) Надо посмотреть...

Путь до околицы прошла незаметно. А вот и она — «избушка на курьих ножках». Очень даже похожа! Под ногами согнулись прогнившие ступеньки, постучала — никто не отозвался, отворила расшатанную дверь, вошла. В нос сразу ударил запах... непонятно чего, какая-то причудливая смесь трав с чем-то незнакомым.

— Хозяева дома? — осторожно спросила Маша.

Было темно, только через окно в избу падал лунный свет, да в жарко натопленной печи играли огоньки. Она снова, но уже менее уверенно, позвала:

— Есть кто?

В дальнем углу послышалось шевеление, и внезапно из темноты выглянуло страшное лицо с крючковатым носом.

Ой, мамочка, действительно настоящая Баба-яга! А она не поверила!

Девушку охватил неописуемый ужас.

— З-з-здрасьте, — непослушным, ставшим вдруг каким-то деревянным языком проговорила она.

Ноги сами, без команды, развернулись к выходу и понеслись что есть силы, подальше от этого места: скрипучие половицы, перекошенная дверь, ступеньки...

«Избушка на курьих ножках»! Сказочники неспроста ее так правдиво описывали — знали, о чем писали, сами небось такого же страху натерпелись!

— Погоды! — послышался вдруг сзади старушечий голос.

Маша остановилась. Рука в кармане шинели крепко сжала рукоятку пистолета. В дверном проеме стояла Баба-яга.

— Утром возле ты стане машина, из ней выйде военный и попросе воды. То буде твой муж.

Последние слова обожгли Машино сердце, заглушили в сознании весь предыдущий кошмар. Один испуг сменился другим, еще более неожиданным. Удары сердца колоколом зазвенели в ушах, а зубы застучали так, что, казалось, сейчас разбудят всю округу.

Муж?! Завтра?! Попросит пить?!

Вот это сходила посмотреть!

А если он старый и страшный? Такой же, как эта ведьма?

Ну, уж нет! Маша Воронова — красавица, не хуже любой кинозвезды, и она сама себе мужа выберет, какого захочет, а не на которого Баба-яга укажет!..

...Оставшуюся часть ночи Маша уснуть не смогла. Повертевшись на кровати, решила себя не мучить. Встала, причесалась, покрасовалась перед зеркалом и, накинув на плечи шинель, вышла во двор. Взяла ведро, сходила к колодцу, набрала и принесла свежей воды. Покрутила в руках алюминиевую кружку, отставила ее в сторону и выбрала емкость побольше — ковшик с длинной ручкой. Зачерпнула в него из ведра воды, села на скамеечку и стала ждать.

«Врет она все, — думала санинструктор. — Откуда Баба-яга может знать, что кто-то захочет пить и остановится именно возле нашего двора?! Вон их сколько, дворов-то! Пока до нашего доедет, сто раз остановится и воды напьется... А если не врет?..»

— Муженька встречаем?

Маша от неожиданности вздрогнула. Из-за забора выглядывал улыбающийся сержант-разведчик.

— Ах ты... — Девушка чуть не задохнулась от негодования. Она-то наивно полагала, что одна ходила в «избушку на курьих ножках», а оказывается, Женька догадался, что ее понесет нелегкая в ведьмино логово, и он, оставаясь незамеченным, все время сопровождал ее на случай чего. И когда Баба-яга кричала ей вслед про мужа, он, конечно же, все слышал.

Маша подобрала с земли камень и запустила его в сторону нахального сержанта. Перед тем как камень ударился и отскочил от забора, белобрысый успел сбежать.

— Еще смеялась надо мной! — веселился Женька. — А сама?! Видела бы ты себя со стороны — улепетывала так, что аж пятки в темноте сверкали!

— Да замолчи ты, окаянный! — Маша снова запустила в забор камнем. — Иди к себе, скоро приду, перевязку будем делать.

Было слышно, как удалился со смехом Женька, и девушка снова в ожидании замерла...

Маша ждала, и думы разные лезли ей в голову. «Да какой там муж?! Наврала все старуха — нечистая сила. Разве она может знать, какая машина, и кто в ней сейчас будет ехать?! А тем более — мой будущий муж!»

Она поежилась — все-таки прохладно, надо пойти одеться потеплее. А вдруг, пока уйдет, та самая машина проедет? Нет уж, лучше сейчас потерпеть, чтобы потом себя не корить.

И действительно, вскоре на дороге показалась колонна боевой техники: танки, самоходные артиллерийские установки, катюши, грузовики с солдатами и боеприпасами... Маша внимательно и одновременно с тревогой всматривалась в них, ожидая, что вот-вот одна из машин остановится. Но техника двигалась в сторону линии фронта без остановки.

Когда мимо проехала последняя машина, девушка сорвалась с места и побежала на дорогу.

«Обманула, старая ведьма!» — Маша была готова расплакаться от обиды. Хотя она и не очень надеялась, что предсказание Бабы-яги сбывается, но все же...

Колонна быстро удалялась, с каждым мгновением ее хвост уменьшался в размерах, уходя куда-то за горизонт. Маша уже, было, собралась идти в дом, как вдруг послышался шум мотора, и на дороге показалась отставшая от колонны полторка. Заметив девушку-санинструктора, шофер затормозил. Дверца кабины распахнулась, из нее выскочил старший лейтенант и направился... прямо к Маше:

— Дай воды, сестрица.

Девушка остолбенела.

— Сестричка, скорее! — Офицер торопился, он все время посматривал в сторону уходящей колонны.

Маша молча протянула ему заранее приготовленный ковшик.

«Чернявый, как я. Красивый!» — думала она, заморожено наблюдая за тем, как старший лейтенант пьет воду.

Он заметил это, стусевался:

— Что-то не так?

— Нет, нет, все нормально, — поспешно отвела она взгляд.

«Надо же, правду сказала ведьма!.. Что теперь делать? Что дальше?»

А старший лейтенант напился воды, наполнил флягу и протянул Маше пустой ковшик:

— Спасибо, сестрица! Бывай!

Запрыгнул в кабину и... уехал.

«Как?! Как «бывай»?! И все? А как же?..»

Все произошло слишком быстро. Настолько быстро, что не было никакой возможности для того, чтобы между ними завязалось хоть какое-то знакомство... Грузовик тархтел по дороге, догоняя колонну. Маша провожала его взглядом до тех пор, пока он совсем не исчез из вида. А потом еще долго с надеждой смотрела на пустую дорогу.

Может, грузовик вернется? Стояла и ждала.

Напрасно. Полуторка не вернулась — уехала. Насовсем!

Не выдержав, Маша зарыдала. И плакала несколько дней-ночей подряд от осознания того, что уехал не просто грузовик — уехало ее счастье! Навсегда уехало, теперь уже все — не воротишь!..

Однако время, как известно, лечит. Военные будни заслонили ту историю, и она лишь изредка всплывала в Машиной памяти как какое-то странное недоразумение...

9 мая 1945 года на улицах Берлина среди советских воинов царило всеобщее ликование. Только что пришло долгожданное известие о Победе! Как будто в один миг схлынуло огромное горе, заставившее долгих четыре года страдать всю огромную страну, и теперь впереди виделось только мирное будущее. Радостные чувства захлестывали победителей, незнакомые люди обнимались, многие стреляли в воздух. Мы победили! Войне конец! Впереди — возвращение домой!

Маша тоже находилась среди бойцов и радовалась вместе со всеми Победе. Вдруг ее подхватили чьи-то сильные руки, оторвали от земли и закружили в воздухе. «Как птица», подумала санинструктор, продолжая парить, расставив в разные стороны руки, словно крылья.

Она упивалась, наслаждалась этим полетом!

Круживший ее майор что-то кричал, но из-за шума Маша никак не могла расслышать, что именно. Она лишь сознавала, что это было не доносившееся отовсюду «Победа!» Это было нечто совсем другое, не похожее. А он все кружил ее и кружил...

— Как же я тебя искал! — воскликнул майор, когда, наконец, опустил Машу на землю. — И нашел! Теперь я тебя никуда не отпущу! — Он снова подхватил ее на руки, закружил и радостно закричал то самое слово, которое Маша силилась разобрать: «Наше-е-ел!!!»

Теперь она поняла, почему ей было так хорошо летать в руках этого майора — это был Он, предсказанный «Бабой-ягой», ее будущий муж!

Тогда, в 1943-м, Маша успела хорошо его рассмотреть, но сейчас узнала не сразу. Нет, он был все тот же, что и полтора года назад, и на нее с огромной любовью смотрели все те же глаза. Но, вместе с тем, в его облике появилось что-то новое, другое, незнакомое. То, к чему ей еще предстояло привыкнуть.

Он был совсем седой... □

Денис Логинов

Четвертая дочь Ярослава Мудрого

В мировой генеалогии супругу английского короля Эдуарда Изгнанника (1016–1057) иногда называют Агатой (Агафьей) Киевской. Хотя ее происхождение, как и годы жизни, по сей день остаются загадкой, множество фактов указывает на то, что эта королева не только состояла в родстве с множеством знатнейших домов Европы, но и приходилась законной дочерью киевскому князю Ярославу Мудрому. Есть один неоспоримый факт, о котором будет сказано в самом конце эссе, что бы там ни писали во всевозможных исторических трактатах.

...Сложный клубок сплетений судеб и интриг. Несколько исторических и генеалогических линий переплелись воедино вокруг одной судьбы. Десятки монархов и выдающихся людей своего времени объединены вокруг одной женщины и ее семьи.

Киевская Русь времен Ярослава и Ярославичей была настоящим центром пересечения интересов разных государств и их властителей. Киев был интегрирован в общеевропейский контекст и играл в нем важную роль. Иногда даже второстепенные —

*Ярослав
Мудрый*

с точки зрения нашей, отечественной истории — фигуры оказывали величайшее влияние на историю Европы.

Источниками англосаксонского происхождения, относящимися приблизительно к той эпохе, мы не располагаем. Причина вполне очевидна: в течение первых двух столетий своего обитания в Британии германские народы не знали письменности. Поэтому ранний этап их судьбы здесь возможно увидеть только глазами

враждебных им бриттов и плохо информированных иноземцев, а также обратившись к их собственным позднейшим преданиям. Вплоть до VI в. обоснованные догадки вынужденно преобладают над историей.

Гипотеза о киевском происхождении Агаты подтверждается ономастическими аргументами. Греческое имя Агата (Агафья) впервые появилось у представителей Македонской династии императоров Византии. Позднее оно нашло достаточно

широкое распространение среди княгинь династии Рюриковичей. Правящие королевские дома Европы того времени такого женского имени просто не знали, поэтому в летописях сплошь и рядом именовали Агату по своему усмотрению — Эммой, Элеонорой, Гитой и даже Гризельдой.

Отсутствие упоминаний об Агате в древнерусских источниках вовсе не является аргументом, доказывающим, что у Ярослава Мудрого не было такой дочери. О трех его дочерях — Анне, Анастасии и Елизавете, историки тоже знают исключительно из иностранных источников, при-

это женское имя в хрониках нигде не зафиксировано ни разу.

Скорее всего, она носила славянское имя Олисава, в Норвегии превратившееся в «Эллисив» (именно под этим именем она фигурирует в норвежских документах). Кстати, согласно сопоставлению приблизительной даты замужества Агаты и годам рождения ее детей можно предположить, что она была второй по старшинству дочерью Ярослава Мудрого.

Анна была у историков популярнее других сестер исключительно из-за своего скандального второго

Достоверно известно, что в 1046 году Эдуард сопровождал венгерского короля Андраша в его поездке из Киева в Венгрию, после чего вместе с семьей и остался там. Европейские хронисты того времени уверенно пишут, что Агата была родной сестрой жены короля Венгрии Анастасии. В Венгрии и прошла большая часть жизни Эдуарда Изгнанника и Агаты

чем крайне мало. Годы их рождения определены очень условно, более того, даже их имена (кроме королевы Франции, Анны Ярославны) — не достоверны.

Например, Анастасия названа по имени только в одном источнике XV века, в хрониках своего времени она фигурирует как «дочь князя Руси». Елизавета (супруга норвежского короля Харольда III Сигурдарсона) почти наверняка не была Елизаветой — в Древней Руси вплоть до XIV века

брака. Впрочем, сыграло свою роль, что она около десяти лет была регентшей при своем старшем сыне короле Филиппе.

В отличие от других сестер, Агате не слишком повезло в замужестве. Даже при бесконечных войнах и междоусобицах, происходивших в то время в Европе, по сравнению с Альбионом она была тихим местом. Англия тех времен все еще состояла из семи (если не десяти) независимых королевств, да к тому же терпела непре-

рывные набеги викингов (так называемых данов), превращавшихся во вполне полноценные войны.

Супруг Агаты, Эдуард Изгнанник, родился как раз в один из таких периодов массированного датского вторжения в англосаксонское королевство. Он был сыном короля Англии из Уэссекской династии, правившей условно объединенной Англией с 871 года, Эдмунда II Железнодорожного (примерно 990–1016), который возглавлял королевство всего лишь шесть месяцев и, однако, за столь короткое время успел выиграть три битвы с датчанами.

К сожалению, после гибели Эдмунда все его победы завершились полным завоеванием Англии датскими викингами.

Датский король Канут провозгласил себя королем Англии, а вдову Эдмунда и двоих ее малолетних детей, Эдмунда и Эдуарда, отправил в качестве заложников в Данию, на родину победителей. Однако сторонники англосаксонской династии сумели тайно увезти юных принцев... в Ладогу, где посадником (ярлом) был Регнвальд Ульвсон, родственник шведской принцессы Ингегерды (Ирины), жены Ярослава Мудрого, а оттуда — в Киев.

Почти детективная история, подробности которой нам, увы, недоступны.

Согласно данным из различных источников, Эдуард Изгнанник находился в Киеве примерно в 1038–1046 годах, и тогда же он «взял в жены девушку из местного знатного ро-

да», причем его тестем стал «русский король». Надо полагать, что королем именовали князя Ярослава, а жениться Эдуард мог только на его загадочной четвертой дочери — остальные были уже пристроены в королевские дома Европы и Скандинавии.

Хотя именно здесь и возникает путаница. Русские летописи ничего не говорят об Агате. Они упоминают о трех дочерях Ярослава — Анне, ставшей супругой короля Франции Генриха I, Елизавете, вышедшей замуж за норвежского короля Харальда Сурового, и Анастасии, ставшей женой венгерского короля Андраша.

Оппоненты говорят о том, что Агата — имя явно византийское и, скорее всего, она была дочерью Владимира Святого и византийской царевны Анны. То есть Агата была сестрой Ярослава и дочерью князя Владимира. Но о ней ни слова нет в исторических документах того времени.

А вот византийская царевна Анна была единственной сестрой правящего императора Василия II Болгаробойцы и его брата-соправителя Константина VIII. Родилась она всего за 2 дня до смерти своего отца, императора Романа II, что отметил византийский историк Иоанн Скилица, благодаря чему стала известна дата ее рождения: 13 марта 963 года.

Как бы там ни было, но Агата выросла в Киеве и происходила из великокняжеского рода. По обыкновению тех времен, она получила неплохое образование. Разветвленная система родственных отношений

с братьями, сестрами, тетями и дядями давала ей возможность получать информацию и быть в курсе всех европейских событий. Для изгнанника Эдуарда подобного рода брак был настоящим счастьем.

Абсолютно достоверно известно, что в 1046 году Эдуард сопровождал венгерского короля Андраша I в его поездке из Киева в Венгрию, после чего остался вместе с семьей при дворе последнего. Известные европейские хронисты того времени уверенно пишут, что Агата была родной сестрой жены короля Венгрии. А тот факт, что женой Андраша I была киевская княжна Анастасия Ярославна, давно документально зафиксирован.

Десять с лишним лет семья английского короля-изгнанника провела в Европе — не только в Венгрии, но и в Польше, и во множестве германских государств. Но именно в Венгрии прошла значительная часть жизни Агаты и Эдуарда Изгнанника. Андраш оказывал им королевские почести и держал на положении почетных гостей. При этом Агата вела оживленную переписку с коронованными родственниками, пытаясь вернуть для своего мужа английский престол.

На некотором этапе — после смерти Канута Великого в 1035 году — казалось, что существует возможность создать Антидатскую лигу. Но дело осложнялось тем, что Канут, завоевав Англию, женился на вдове законного короля — Этельреда Неразумного, дедушки Эдуарда — Эмме Нормандской и таким

образом из узурпатора превратился в законного правителя. Эмма сделала все, чтобы ее внук Эдуард не смог стать королем, а власть перешла к ее сыну Хардекнуду, но принц скончался в младенчестве.

Поскольку у него не было (и не могло быть) детей, власть снова вернулась к представителям Уэссекской династии — новым королем Англии был избран дядя Эдуарда Изгнанника, Эдуард Исповедник.

Новый король не питал сыновних чувств к матери, которая практически отказалась от него, найдя счастье в объятиях Канута. Эдуард Исповедник на протяжении 25 лет воспитывался в Нормандии и не появлялся в Англии. Взойдя на трон, он обвинил свою мать в заговоре против него и приказал заточить Эмму Нормандскую в тюрьму, где она скончалась спустя девять лет и была похоронена с королевскими почестями в Вестминстерском аббатстве.

Кстати, благочестие Эдуарда заставило его осуществить один строительный проект, наиболее амбициозный из всех, которые до тех пор предпринимались в Англии. Около 1050 года он начал перестраивать старую монастырскую церковь в Вестминстере в собор, достойный английских монархов. В Англии архитектура захирела, зато в Нормандии последние сорок лет она развивалась с поразительным успехом.

Поэтому для возведения Вестминстерского аббатства Эдуард обратился к нормандским архитекторам, хотя, когда новый собор был

построен, он отличался великолепи-ем и новизной даже по их меркам, чем, возможно, был обязан также и английским традициям в декоративном искусстве.

Есть какая-то ирония в том, что последний величественный памятник королевскому дому Уэссекса был плодом в основном нормандской культуры.

Только после смерти Эммы Эдуард Изгнанник с супругой смогли вернуться в Англию по приглашению своего родного дяди, короля Англии (и тезки), Эдуарда Исповедника (1003–1066). У супругов было

ивало других претендентов на корону Англии, имевших на нее гораздо меньше прав. Поэтому не удивительно, что племянник короля скончался спустя всего несколько недель после прибытия на родину. Никто не сомневался, что 40-летний принц был отравлен — его внезапное появление мешало слишком многим честолюбцам.

Овдовевшая Агата Киевская с тремя своими детьми — дочерьми Кристиной, Маргаритой и единственным сыном — осталась в Англии. Король Эдуард, безусловно, обеспечил материально семью своего умершего

О

вдовевшая Агата Киевская с тремя своими детьми не покинула Англию. Но, хотя король Эдуард обеспечил материально семью своего умершего племянника, для высшей знати Агата и ее дети оставались чужаками, без связей и поддержки. Правда, позже сын Агаты Эдгар Этелинг все-таки был провозглашен королем Англии

уже трое детей: две дочери — Маргарита и Кристина, и сын Эдгар Этелинг.

Дядя принца-изгоя, Эдуард Исповедник, был человеком набожным, всячески содействовал монастырям и распространению христианства, за что получил свое прозвище, а позже был канонизирован.

Зять Ярослава Мудрого на тот момент был единственным прямым законным наследником бездетного дядюшки, что совершенно не устра-

племянника. Но для высшей английской знати Агата и ее дети оставались чужаками, без связей и поддержки.

Что нагляднее всего проявилось сразу после смерти Эдуарда Исповедника 5-го января 1066 года — англосаксонская знать предпочла короновать могущественного эрла Уэссекса, Харольда Ходвинсона, который и так де-факто был правителем Англии в последние годы жизни полностью ушедшего в религию Эдуарда Исповедника, а не 15-летнего

мальчишку, пускай и имевшего больше прав на престол.

Впрочем, в октябре 1066 года, после сокрушительного поражения английской армии от войск Вильгельма Нормандского в битве при Гастингсе (в этом сражении 14-го октября, когда новый король Харольд погиб на поле боя вместе с двумя своими младшими братьями), сын Агаты Эдгар Этелинг был, наконец, провозглашен королем Англии.

Дочь Харольда Гита бежала в Киев, где вышла замуж за внука Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха. Позже Гита, ставшая матерью киевского князя Мстислава, прославилась благодаря своему влиянию на восточноевропейскую политику, а по сообщениям некоторых источников, она отправилась в первый крестовый поход вместе с Готфридом Бульонским и была погребена в Палестине.

Однако утвердиться на престоле 16-летнему на тот момент принцу опять не удалось: Англия была захвачена, и королем стал Вильгельм Завоеватель. Вильгельм двинулся к Дувру, а оттуда в Кентербери, где принял капитуляцию Винчестера. Но главной его целью был Лондон, сердце английского сопротивления, возглавленного Эдгаром Этелингом. Встретив сопротивление на Лондонском мосту, Вильгельм обошел город стороной, полностью разорив его окрестности.

Вильгельм I Завоеватель приходился двоюродным племянником Эдуарда Исповедника и не преминул

*Маргарита, дочь Агаты и Эдуарда Изгнанника.
Витраж в часовне
Святой Маргариты в Эдинбурге*

использовать это родство как предлог для захвата английского трона.

После нормандского завоевания, в 1067 году, Агата вместе с детьми бежала в Шотландию, где нашла убежище при дворе короля Малькольма III (1031–1093).

Эдгар длительное время пытался организовывать сопротивление норманнам и герцогу Вильгельму. Он нападал на норманнские отряды, убивал завоевателей. Но после длительного периода «партизанских войн» был вынужден капитулировать, не находя поддержки у соседних монархов. В 1074-м Эдгар признал Вильгельма королем Англии и отказался от претензий на трон. Вильгельм пожаловал Эдгару земельные

*Дочери Ярослава Мудрого
на фреске собора Святой Софии в Киеве*

владения в Нормандии и Англии, а также пенсия в размере 1 фунт в день.

Вскоре Маргарита, вторая дочь Агаты, вышла замуж за овдовевшего шотландского короля. Будучи женщиной образованной, она принесла в Шотландию новую культуру и содействовала развитию рыцарства в этой окраине Европы. С уважением относясь к местным христианским традициям, по легенде восходящим к Иосифу Аримафейскому, она все же решила навести порядок в практике богослужения и по сему поводу инициировала церковный собор духовенства Шотландии. Собор получил благословение папы.

Двое сыновей Маргариты, названных несвойственными для Шот-

ландии, но столь близкими древнерусской княжеской традиции именами — Давид и Александр, стали королями Шотландии. Спустя полтора века после смерти Маргариты ее причислили к лику святых. Так внучка Ярослава Мудрого стала первой шотландской святой.

Кристина, вернувшись в Англию, стала настоятельницей аббатства Ромси в Хемпшире.

Дочь Матильда в шестилетнем возрасте и ее младшая сестра Мария были отправлены в Англию для обучения и воспитания и поселились в монастыре Ромси в Хемпшире, настоятельницей которого была Кристина, дочь Эдуарда Изгнанника и их тетья по материнской линии. Будучи

дочерью шотландского короля и прямым потомком англосаксонских монархов, она являлась привлекательной партией для многих нормандских аристократов.

После смерти Вильгельма II 2 августа 1100 года престол Англии за-

ми стенами от «похоти норманнов». Собор постановил, что Матильда не была монахиней и дал согласие на ее брак с королем.

Матильда, внучка Агаты Киевской, стала королевой Англии. История совершила очередной круг.

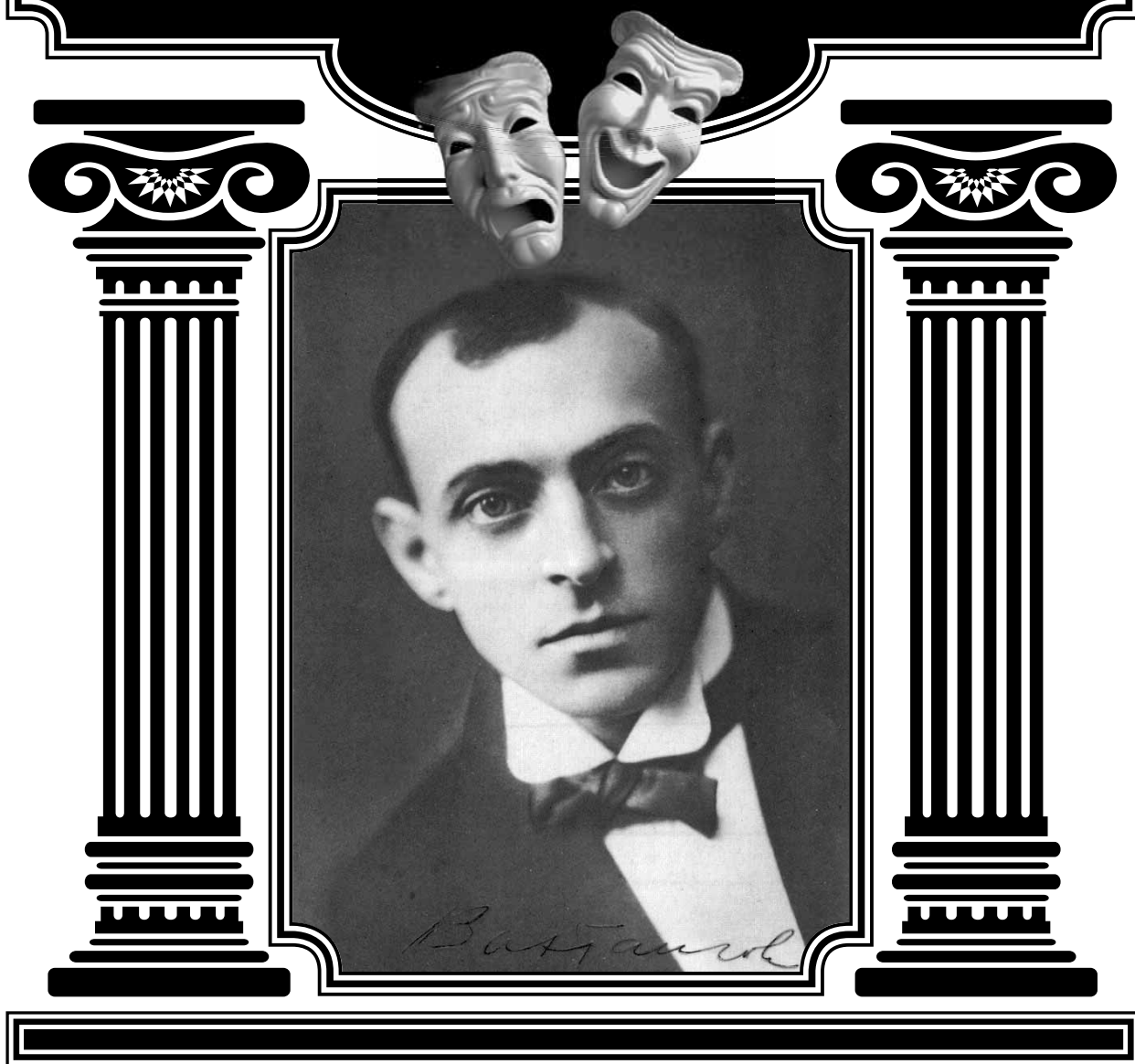
После смерти короля Вильгельма II престол захватил его младший брат Генрих I. Испытывая потребность в укреплении своих прав на английскую корону, он решил жениться на Матильде Шотландской, внучке Агаты, которая доживала свой век при шотландском дворе. Матильда вышла замуж за Генриха I и стала королевой Англии. Так история совершила свой очередной круг...

хватил его младший брат Генрих I. Испытывая потребность в укреплении своих прав на английскую корону и с целью завоевания поддержки англосаксонского населения, Генрих решил жениться на Матильде Шотландской. Поскольку она находилась в монастыре, возник вопрос о законности предполагаемого брака. Архиепископ Кентерберийский, вернувшийся в Англию после нескольких лет изгнания, не смог принять решение по этой проблеме и созвал собор английского духовенства. На соборе Матильда поклялась в том, что несмотря на свое пребывание в монастыре, она никогда не принимала постриг и не становилась монахиней, и что в Ромси она находилась исключительно с целью обучения и воспитания, спасаясь за крепостны-

ми стенами от «похоти норманнов». Мы не знаем, когда она умерла и где похоронена. Вполне возможно, что ее могила находится в Данфермлинском аббатстве, построенном ее дочерью и ставшем усыпальницей шотландских королей.

А вот обещанный самый сильный аргумент сторонников киевского происхождения Агаты — одна из фресок киевского Софийского собора XI века, построенного Ярославом Мудрым. На главном нефе собора сохранился (хоть и частично) групповой портрет семьи киевского князя. Справа от фигуры Иисуса Христа был изображен идущий к нему князь Ярослав, слева — его супруга княгиня Ирина. За князем в торжественной процессии шли их сыновья, за княгиней — их дочери. И дочерей этих ЧЕТЫРЕ. □

ТЕАТР ИМЕНИ ВАХТАНГОВА

Едва ли найдется человек, который не слышал о том, что в Москве, на Старом Арбате, есть театр имени Вахтангова. Вахтанговский. А перед ним стоит золотистая фигурка принцессы, символизирующая собой один из главных — и последний, поставленный самим Вахтанговым, — спектаклей театра. Принцесса Турандот. Первая театральная премия, появившаяся после 1991 года, называется «Хрустальная Турандот». Так откуда они взялись — этот театр на Арбате и эта Турандот?

Евгений Вахтангов родился 13 февраля 1883 года во Владикавказе, в зажиточной русско-армянской семье табачного фабриканта Багратиона Саркисовича Вахтангова и его жены Ольги Васильевны Лебедевой. Родители Евгения не имели никакого отношения к театру, а отец и во все надеялся, что сын продолжит его дело. Однако еще в школьные годы мальчика увлекла сцена. Помимо прочих талантов он был чрезвычайно одарен музыкально: играл на нескольких инструментах, в числе которых фортепиано, мандолина, скрипка, гитара, балалайка... Была ему интересна и литература: он читал все подряд, к тому же обладал даром рассказчика, способного точно передать и сюжет, и настроение истории.

Но театр... Театр был его страстью. В гимназические годы он играл в любительских постановках: «Женитьба» Гоголя, «Бедность не порок» Островского, «Дети Ванюшина» Найденова. И все это, несмотря на жесткий запрет отца появляться на сцене. У Багратиона Саркисовича были свои планы на сына — он должен был отучиться в Рижском политехникуме и возвратиться на фабрику дипломированным специалистом. Однако в техникум Евгений не поступил и отправился в Москву, где успешно сдал экзамены на физико-математический факультет Московского университета, но, судя по всему, сделал это только лишь для того, чтобы тут же отправиться в студенческий театральный кружок. Причем не только играл сам, но и ставил спектакли.

Подробно перечислял все предметы, которые должны находиться на сцене, описывал костюмы, грим и походку актеров, даже рассчитывал темп хода занавеса. Его идеалом был Московский Художественный театр, и он старался ко всем деталям быть очень внимательным.

Учеба в университете при этом не была сильной стороной Вахтангова. Сначала с физико-математического он перевелся на юридический факультет, затем и вовсе покинул учебное заведение, чтобы поступить в Школу драмы Адашева. Ему было интересно все, связанное с театром, поэтому он посещал и драматические курсы при МХАТе, где познакомился со своим будущим другом и учителем — Леопольдом Сулержицким.

К этому моменту он уже — снова против воли отца — женился на своей первой и единственной любви — Надежде Байцуровой. В семье вскоре родился сын Сергей, который впоследствии стал известным советским архитектором.

В 1911 году Вахтангову удалось, наконец, попасть в Художественный театр. Помог в этом Вахтангову сам Владимир Немирович-Данченко.

Поскольку молодой человек мечтал стать режиссером, его из других учеников вскоре стал выделять Станиславский. Вдохновленный методикой мастера, Вахтангов мечтал создать актерскую студию. В конце 1913 года идея с актерской студией была доведена до ума. Сначала собственного помещения у студентов не было, участники собирались то в комнатах учеников, то в ресторанах, то в пустых кинотеатрах...

*Спектакль «Потоп».
Евгений Вахтангов
в роли Фрэзера*

*Спектакль «Сверчок на печи».
Евгений Вахтангов
в роли Тэклтона*

Несмотря на огромное уважение к Станиславскому, Вахтангов со временем начал ставить спектакли по-своему. Вместо декораций были самые обыкновенные предметы, а фантастические виды сказочных городов создавались при помощи света и драпировок. Костюмы персонажей тоже были весьма и весьма условными. На современный костюм мог надеваться разукрашенный халат, причем прямо на глазах публики. Таким образом, перевоплощение актера в персонажа происходило прямо на сцене.

Первой постановкой, которую Студия представила зрителю в 1914 году, стала «Усадьба Ланиных». Премьера вызвала бурю негодования: критики язвили относительно детской беспомощности начинающих актеров, бедности декораций и, конечно,

несостоятельности режиссера Вахтангова.

Станиславский тоже был недоволен учеником. Он запретил Вахтангову преподавать где-либо, кроме МХАТа и 1-й Студии, намекая, что у молодого режиссера еще слишком мало опыта, и рано он выпустил свой первый спектакль, оказавшийся полностью провальным.

Однако новатор Вахтангов не был бы новатором, если бы не продолжил преподавание, теперь — в строжайшей тайне от учителя. Несмотря на то, что студенческая студия существовала только на деньги учеников, Вахтангов нанимал лучших преподавателей. Цецилия Мансурова в «Беседах о Вахтангове» вспоминала: «Так, по движению у нас был лучший педагог Александрова, родоначальница ритмических этюдов. Ев-

гений Багратионович говорил: «Мне нужно самого лучшего, самого смелого, может быть, новатора в каждой области. Мы так бедны, что должны учиться у лучших». Поэтому, если по постановке голоса самым лучшим был Пятницкий, то давайте Пятницкого. Да, Евгений Багратионович умел узнавать настоящих людей искусства! У него было к ним чутье, и он старался главным образом вырастить педагогов из своих старших учеников».

В 1917 году «подполье» прекратилось, и Студия стала называться Московской драматической студией Евгения Вахтангова. В том же году у Вахтангова проявились первые признаки болезни — язвы желудка, но работать он стал еще усерднее. Он сам писал о тех временах: «Первая студия, вторая студия, моя студия, еврейская студия «Габима», студия Гунст, народный театр, пролеткульт, художественный театр, урок, спектакль ноябрьских торжеств — вот десять учреждений, где меня рвут на части».

Однако до зрителя своими новаторскими идеями Вахтангову достучаться было трудно. Нужно вспомнить, каким был зритель в 1917 году — далеким даже от классического театра, не то что от его новаторских идей, которые трудно было воспринимать даже человеку подготовленному.

В 1920 году Вахтангов решил присоединиться к Московскому Художественному театру, и его детище стало называться Третьей студией. Однако это вовсе не означало, что он не стремился к самостоятельности. Уже

через год у Третьей студии появилось собственное здание. В честь этого знаменательного «отделения» был поставлен спектакль «Чудо святого Антония» по пьесе Метерлинка. Это было поистине гротескное действие, ведь именно гротеску в актерском мастерстве придавал Евгений Багратионович огромное значение.

Словно предчувствуя, что жизнь его будет недолгой, Вахтангов ставил очень много. Уже в эти годы вместо отдыха с семьей и моря у него были больницы и операции... Он старался следить за своим здоровьем, но то и дело срывался: курил без счета, проводил ночи на театральных посиделках, что, конечно, не способствовало предписанному врачами режиму.

В 1921 году врачи обнаружили у Вахтангова рак, но больному об этом не сообщили. Он удивлялся: «Странно, странно... Странно, что они у меня ничего не нашли, ведь вот же опухоль, я ее прощупываю, а они не могут найти...»

Каждый его спектакль становился событием, потому что все то, что происходило в это время в России, герои активно обсуждали на сцене. Однако современную проблематику Евгений Вахтангов преподносил в виде своеобразной игры, полемики, спора, диалога героев. «Это был не просто успех: фурор, ликование, бесконечные овации. Михаил Чехов, вскочив на кресло, провозгласил: «Браво Вахтангову!» — вызвав в зале бурю восторга». (Из книги «Театр имени Евг. Вахтангова»).

Тот же Чехов вспоминал о работе Вахтангова с актерами: его талант,

проявлялся, по словам Михаила Александровича, «в умении проникнуть в чужую душу и говорить на ее языке. Он как бы незримо становился рядом с актером и вел его за руку. Актер никогда не чувствовал насилия со стороны Вахтангова, но и не мог уклониться от его режиссерского замысла. Выполняя задания и замыслы Вахтангова, актер чувствовал их как свои собственные».

Незадолго до смерти Евгений Багратионович начал работать над пьесой Карла Гоцци «Принцесса Турандот». Он хотел открыть в теа-

же масштабе», что и МХАТ, где ставились «Три сестры» и «Дядя Ваня».

Понимая, что дни его сочтены, Вахтангов торопился закончить «Турандот». 24 февраля 1922 года прошла последняя — для режиссера — репетиция. Ему было очень плохо. В меховой шубе, с головой, обернутой мокрым полотенцем, в четыре часа ночи он сидел в зале и командовал: «Вся пьеса — от начала до конца!»

Вернувшись домой, Вахтангов слег и уже не поднялся. На премьере автору присутствовать не пришлось, но он успел услышать отзыв Стани-

тральной режиссуре новое направление — «фантастический реализм». Среди персонажей — герои итальянской комедии дель арте, беседующие, однако, на злободневные темы.

Пять спектаклей, которые принесли Вахтангову всемирную известность, он поставил за два года до смерти. Это «Принцесса Турандот», «Гадибук», «Эрик XIV», «Чудо святого Антония» и «Свадьба» по Чехову. Последнюю он собирался ставить «в том

славского: «То, что я видел, талантливо, своеобразно и, что самое главное, жизнерадостно! А успех блистательный. Молодежь очень выросла».

Спектакль, сделавший известным не только Евгения Вахтангова, но и весь театр, названный его именем, оказался для него последним. Режиссера не стало 29 мая 1922 года, ему было всего 39 лет.

В день похорон неожиданно выяснилось, что подготовленные туф-

Слева:

*Золотая
«Турандот» —
скульптура
возле театра
им. Вахтангова*

ли не подходят, и вдова Вахтангова, увидев оставленные кем-то туфли принцессы Турандот, надела их на ноги мужа. Так он и лежал — в туфельках «Турандот»...

Через пятьдесят лет после премьеры спектакль «Принцесса Турандот», ставший визитной карточкой театра, был восстановлен. В разные годы Турандот играли блистательные Цецилия Мансурова и Юлия Борисова, а в наши дни — Нонна Гришаева и

Лидия Вележева. Принца Калифа играли Юрий Завадский, Рубен Симонов и Василий Лановой, а в более поздние годы — Владимир Этуш, Вячеслав Шалевич и Дмитрий Ульянов.

Уже нет ни студий, ни многих игравших актеров, ни самого Вахтангова, ни даже тех, кто знал его. А золотая «Турандот» все еще стоит на Старом Арбате, притягивая внимание прохожих и затягивая их в волшебство Театра... □

КОПОРЬЕ

Тайны и загадки бывшей морской крепости

Некогда у стен этой древней русской крепости плескались прохладные воды Балтики. А затем море отошло — почти на двенадцать километров. Почему так получилось — никто до сих пор толком не знает. Но на память о тех стародавних временах крепость подарила свое название близлежащему морскому заливу, Копорской губе.

В том, что морские воды когда-то действительно подходили к самым стенам Копорья, нетрудно убедиться

и в наши дни — достаточно лишь добраться до этой «позабытой» северо-западной русской крепости. Дух

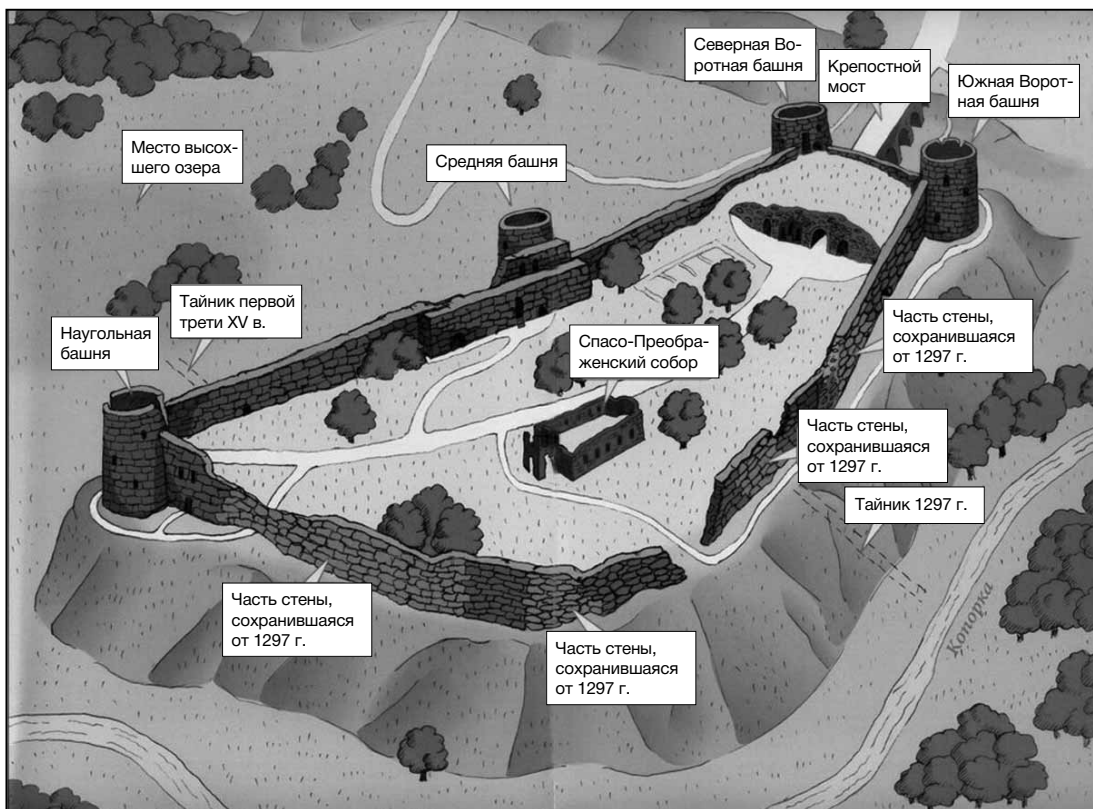
тайны до сих пор витает в этом отдаленном от оживленных путей и проторенных дорог месте над ее романтическими развалинами. Это были земли Водской пятины Великого Новгорода, названные по имени финно-угорского племени водь (потомки этого крайне малочисленного ныне народа проживают на территории России и Эстонии). Копорская крепость стоит на высоком скальном мысу древнего Балтийско-Ладожского глинта, тянущегося уступами на протяжении почти 1200 км от шведского острова Эланд через материковую Эстонию и Ленинградскую область до Ладожского озера. Именно его, глинт (происхождение которого до конца так не выяснено), считают берегом древнего Литоринового моря, существовавшего много тысяч лет тому назад до появления моря Балтийского. На глинте, бывшем естественной преградой, кстати говоря, построены многие древнерусские крепости, например: Ладога, Ям, Ивангород, а также Нарва и Таллинн. И из известняковых же плит глинта была сложена расположенная на острове Ладожского озера при истоке Невы древнерусская крепость Орешек.

Основанная первоначально рыцарями Ливонского ордена в 1240 году, крепость Копорье, доминирующая над округой, казалось, была идеально защищена силами природы и человека. С одной стороны ее охраняла маленькая речушка Копорка, протекающая в глубоком овраге

под самыми ее стенами, а с другой — соединенный с нею глубокий, заполненный водой ров (который, правда, давным-давно высох). Сам по себе сухой ров никакого оборонительного значения иметь не мог в принципе, поскольку любой неприятель безо всякого труда и притом весьма быстро его преодолел бы. А это значит, что ров мог наполняться лишь... морской водой из залива, о чем нам и говорят древние хроники и предания. Да и на географических, и исторических картах раннего средневековья крепость Копорье всегда изображается у самого берега Балтийского моря. Но вот только внятного и убедительного ответа на вопрос, когда и почему море отступило от стен Копорья, ни у историков, ни у геологов до сих пор не имеется.

Официальная история Копорской крепости вкратце следующая. Самая первая, построенная еще тевтонскими рыцарями, была деревянной. На следующий год после ее возведения герой Невской битвы князь Александр Ярославич выбил из Копорья засевшего в крепости неприятеля, а заодно и разрушил сам вражеский форпост на русской земле. Кстати, при штурме Копорья 1241 года погиб сподвижник князя, знаменитый богатырь и герой Невской битвы, боярин Гаврила Олексич. Тот самый, что въехал в разгар Невской битвы на коне по сходням на шведский корабль.

Впервые каменной Копорская крепость стала в 1280 году при нов-

городском князе, а также Великом князе Владимирском Дмитрие Александровиче. Впрочем, ту каменную твердыню всего через пару лет разрушили свободолюбивые новгородцы, с которыми у князя приключилась серьезная размолвка. Вновь крепость была отстроена на исходе XIII столетия, в 1297 году, а на рубеже XV–XVI веков подверглась капитальному переустройству. На исходе Ливонской войны, в 1581 году, Копорье было захвачено шведами, правда, спустя всего лишь девять лет, с началом очередной русско-шведской войны, было отвоевано обратно. Однако, воспользовавшись наступившим в России в начале следующего столетия Смутным временем, швейская держава взяла реванш, вновь захватив Копорье, на сей раз

на целое столетие. Копорская крепость вернулась под власть двуглавого орла только в 1703 году, с началом успешных боевых действий молодой армии Петра I в Ингерманландии. Впрочем, тогда море уже давно отошло от стен Копорья, да и сама крепость требовала серьезного ремонта — этими обстоятельствами (не исключая, конечно, и изрядную толику героизма солдат и офицеров петровской армии) и объясняется относительно легкое занятие русской армией Копорской крепости под началом генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева в 1703 году. Кстати, через три года после взятия петровской армией Копорья и вплоть до назначения петербургским вице-губернатором в 1711 году, комен-

дантом крепости был Яков Никитич Римский-Корсаков, прадед будущего корифея отечественной музыки. Вскоре Петр I подарил Копорье с округой своему фавориту Александру Меншикову, которому эти места очень приглянулись, и он даже построил на территории крепости деревянный дворец с большим садом и хозяйственными постройками. Но после опалы и ссылки в Березов в 1727 году бывшего «полудержавного властелина» Копорье отошло в казну. Крепость же на следующие несколько десятилетий превратилась в некий своеобразный большой склад для хлеба, фуража и амуниции российской армии. В середине

восемнадцатого столетия, в 1763 году, при матушке Екатерине Великой, сильно обветшавшая Копорская крепость, уже окончательно растерявшая к тому времени свое военное стратегическое назначение, была и вовсе исключена из списка оборонительных сооружений Российской империи.

Некогда попасть в крепость Копорье можно было только через единственный арочный вход, преодолев перекинутый через ров внушительный каменный мост. Его невероятно мощные и массивные устои вновь наталкивают на мысль, что когда-то здесь плескались соленые морские воды. Ну а дальше... дальше путь не-

приятелю преграждала подъемная часть моста, которая в случае штурма заблаговременно убиралась, а скопившийся на мосту враг оказывался отличной мишенью для защитников Копорья, обстреливавших его как непосредственно с примыкающей к мосту стены крепости, так и с двух круглых башен, далеко выступающих за крепостной периметр копорской стены. И, наконец, если врагу каким-то невероятным образом все же удавалось подойти непосредственно к входу в крепость со стороны моста, то дальнейший путь внутрь Копорья ему преграждала герса. Эта единственная сохранившаяся до наших дней в сонме русских крепостей подъемная решетка неожиданно и резко опускалась с высоты крепостной башни из глубины арочного проема перед самым носом растерявшегося от неожиданности неприятеля. Увы,

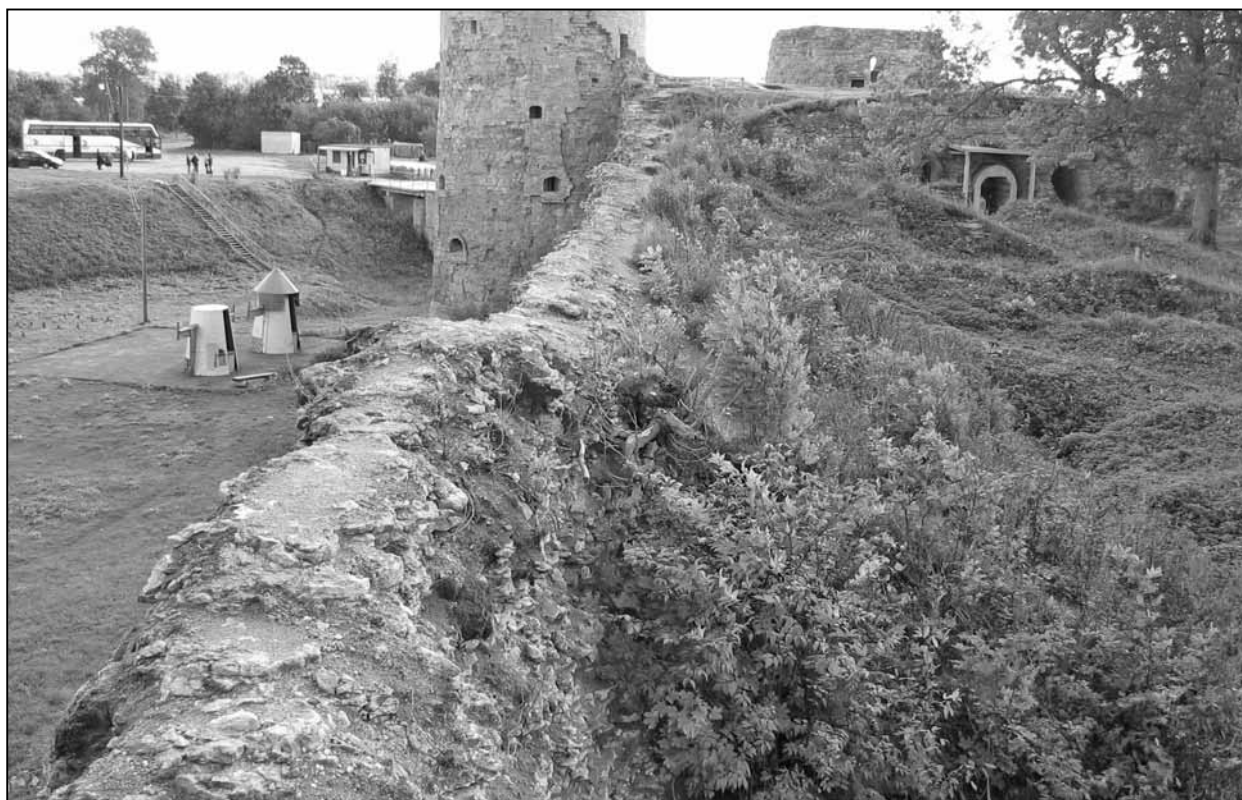
механизм герсы давным-давно не действует, а сама она вмурована в толщу крепостной стены, так что туристы могут видеть лишь ее зубцы.

Другая загадка Копорского кремля — уровень земли внутри крепости значительно выше уровня земли за ее стенами. Причем настолько, что для того, чтобы проникнуть внутрь стен и башен Копорья, современным путешественникам приходится вначале спускаться в подземелье. Сии манипуляции крайне странны и нелогичны. Такое ощущение, что кто-то методично засыпал изнутри крепость землей. Вот только зачем? Вывод при этом напрашивается только один — в средневековье, когда Копорье играло активную роль в защите северо-западных рубежей Руси, уровень грунта в крепости был совершенно иным. Может быть, это сделало семейство или потомки генерал-адъютанта, прези-

дента Медицинской коллегии сенатора Василия Николаевича Зиновьева, владевшие с начала XIX века и вплоть до 1917 года Копорской крепостью? Между прочим, одному из Зиновьевых как-то пришла в голову безумная идея: сбить со стен древней Копорской крепости тесаную облицовочную плитку и распродать ее, к своей вящей выгоде, местным жителям на хозяйственные надобности. Однако, прежде чем он успел приступить к исполнению своей сумасбродной затеи, об этом узнали вышестоящие инстанции. В итоге Зиновьеву пришло грозное уведомление от управляющего Министерством внутренних дел Ф. Эпгеля о том, что «подобные древние здания строжайше запрещено разрушать».

Кстати, рядом с Копорьем прошло детство замечательного художника XIX столетия Ореста Адамовича Кипренского (1782–1836). Его, внебрачного сына помещика А.С. Дьяконова, крестили в Спасо-Преображенском соборе, находящемся прямо на территории крепости. Да и первоначально фамилия художника была Копорский, а не Кипренский. Ныне Копорская крепость стала музеем, хотя многие из ее построек, увы, пребывают далеко не в лучшем состоянии.

И здесь мы плавно переходим к знаменитому копорскому или русскому чаю, слава и популярность которого гремела по всей Российской империи, а ныне, медленно, но верно начинает возрождаться вновь. Копорский чай обладает приятным, слегка терпким вкусом с душистым

цветочно-травяным ароматом. Готовят этот ароматный травяной напиток из листьев кипрея узколистного (по имени кипрея и получил свою вторую фамилию, под которой он и стал в итоге известен, знаменитый портретист пушкинской эпохи). Кстати, до XVIII столетия, до начала широкого проникновения в культуру и быт русского общества чая из Китая, именно копорский травяной напиток был основным в России. Сбор листа для копорского чая начинался с середины августа и продолжался до глубокой осени. Иногда даже и при первом снеге, поскольку в это время листья еще оставались на растении и годились для последующей сушки и употреблению в качестве оригинального, тонизирующего напитка. Большой популярностью пользовался и копорский мед, считавшийся особенно целебным.

А в начале следующего, XIX века, «предприимчивые» крестьяне из разных уголков России стали готовить дешевый в производстве копорский чай и, смешивая его с чаем из Китая, выдавать его за тот самый, из Поднебесной. Причем счет такой афере шел на сотни тысяч пудов. Пользуясь тем, что внешне и по вкусу копорский чай весьма сходен с чаем из Китая, подобный фокус сборщикам и производителям фальсификата удавалось провернуть в разных уголках страны по много раз. Доходило до того, что крестьяне зарабатывали себе на жизнь, подделывая деревянные ящики, в которых

поставлялся оригинальный чай из Поднебесной. В 1816 году, в правление Александра I, эта проблема была даже вынесена на государственный уровень. И хотя продажа копорки (чего требовали чаоторговцы настоящим китайским чаем) запрещена не была, но в середине того же года было подписано Положение Комитета Министров «О запрещении подделки копорского чая под видом китайского». Впрочем, уже совсем скоро чаоторговцам удалось взять реванш: в 1833 году вышел запрет о торговле копоркой. Масштаб «бедствия» был столь велик, что в 1839 году в Сельском Полицейском уставе запрет на сбор и употребление кипрея был повторен вновь. Даже в знаменитом Толковом словаре Владимира Даля копорский чай назван «поддельным». Бытовала даже поговорка: «копорское крошево и кисло, и дешево». Впрочем, несмотря на весь негатив от фальсификата, копорский чай по-прежнему продолжали массово употреблять. А уж в лечебно-профилактических целях подлинный копорский чай всюду применялся (и применяется поныне) в народной медицине.

Если вам доведется посетить крепость Копорье в осенне-летний период, обязательно соберите на память о своей поездке несколько букетиков кипрея. Долгими зимними вечерами, рассматривая фотографии за чашкой ароматного копорского чая, вы будете вспоминать свое увлекательное путешествие в те края. □

Дмитрий Смилевски — молодой талантливый артист балета Большого театра России. Еще будучи учащимся МГАХ, он в 2017 году стал лауреатом 1 степени Третьего Международного конкурса «DanceMoscow», а в 2019-м получил Гран-при Четвертого Всероссийского конкурса «Русский балет». Дмитрий уже выполняет, причем очень успешно, главные партии в балетах: «Коппелия» — Франц, «Зимняя сказка» — Флоризель, «Ромео и Джульетта» — Беневолио, «Баядерка» — Золотой Божок.

Дмитрий Смилевски

**«Наша
профессия
внутренне
жестко
дисциплини-
рует»**

— Дмитрий, вы продолжаете прекрасную балетную династию народных артистов, мама — Наталья Крапивина, папа — Георги Смилевски, бабушка и дедушка — Галина и Михаил Крапиви-

ны — все всю свою жизнь служат искусству в Московском музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Наверное, на выбор профессии повлияла семья?

— Скорее всего, да. В детстве много ходил в театр на спектакли с участием родителей, мне нравилось, как они танцуют, но себя никогда не представлял на их месте. Я рос очень энергичным, подвижным ребенком, и родные решили отдать меня в академию хореографии, чтобы там я тратил все свои силы, а дома был спокойным.

В академии, ближе к выпускным классам, когда меня взял педагог Михаил Юрьевич Шарков, я пересмыслил свое поведение, стал более трудолюбивым, исправлял свои подростковые ошибки.

Восемь лет я учился в Московской Государственной академии хореографии и по окончании, в 2019 году, меня приняли в труппу Большого театра артистом кордебалета.

Сразу после выпускного концерта МГАХ, до начала сезона я занимался классом в Большом театре, меня даже заняли в кордебалетных партиях в нескольких спектаклях. А в самом начале театрального сезона меня вызвал художественный руково-

Фото
Анны
Пепловой

Фото
Батыра
Аннадурдыева

дитель Махар Хасанович Вазиев и сказал, чтобы я подготовил одну из главных партий в балете «Зимняя сказка». Я был рад и одновременно находился в шоке от неожиданности.

Это был мой дебют в балете «Зимняя сказка» в партии принца Флоризеля, все прошло успешно.

— Расскажите, пожалуйста, об этом спектакле — он появился в 2019 году в репертуаре Большого театра... А впервые был показан в 2014 году в Королевском театре Ковент-Гардене в Лондоне и имел большой успех...

— Это спектакль британского хореографа Кристофера Уилдона, музыку к балету написал Джоби Тэлбот.

Синтез классического балета с современной хореографией, симфонической партитурой с авангардной музыкой. В основе балета одноименная пьеса Уильяма Шекспира. Бурные эмоции героев — ревность, предательство, страсть... История о том, как деспотичный король Сицилии Леонт приревновал королеву Гермению к своему давнему другу детства — правителю Богемии — Поликсену и обвинил их в измене и предательстве. Трагическая история, очень драматичная, характеры героев сложные, спектакль трудный, но невероятно интересный для исполнения. Я очень проникся этим спектаклем. Так получилось, что в феврале танцевал в «Зимней сказке» утром и вечером — в двух спектаклях в один день.

— После «Зимней сказки» вы дебютировали в других балетах?

— Да, я исполнил партию Бернара в «Раймонде», вариации кавалеров в этом же балете, станцевал Золотого Божка в балете «Баядерка» и главную партию Франца в балете «Коппелия».

Спектакль «Коппелия» мне очень нравится, в нем много игровых ми-

зансцен, нужно показать актерскую игру, уметь взаимодействовать с партнершей — это интересный опыт. Роль Франца я станцевал дважды.

Дебютировал в партии Бенволио в балете «Ромео и Джульетта», одним словом, очень насыщенный сезон получился, и я этому рад. Танцевал с примами-балеринами Боль-

Фото
с конкурса
«Русский балет»

Справа:

фото
Влады Мишиной

шого театра — это большая ответственность.

— Кто ваш педагог в Большом театре?

— Когда пришел в театр, то репетировал с разными педагогами, но после исполнения партии Бернара в «Раймонде» моим педагогом стал Владимир Леонидович Никонов — народный артист РСФСР, он был ведущим солистом Большого театра. Я очень обрадовался, Никонов — замечательный педагог, много уделяет мне времени на классе, да и вне репетиций делает важные замечания.

— Кто из современных танцовщиков вам нравится?

— Раньше я часто ходил в музыкальный театр имени Станиславско-

го и Немировича-Данченко и моим любимым балетом был «Майерлинг».

Очень нравится партия кронпринца Рудольфа в исполнении танцовщика Ковент-Гардена Стивена Мак Рэя. Нравилось смотреть, как мой папа — Георги Смилевски — исполнял ее, как танцевал эту партию Сергей Полунин. Полунин — один из моих любимых танцовщиков, всегда интересно видеть его в новых партиях, я интересуюсь его творчеством.

— Дмитрий, бывает ли у вас свободное время на увлечения?

— Постоянно репетируем в театре, прихожу домой поздно, поужинаю и ложусь спать. В свободное время хожу в кино, мне нравятся

фильмы в жанре экшн, комедии, детективы. Люблю футбол и коньки, ролики, с детства занимался фигурным катанием — это развивает координацию, дыхание, силу.

Было время, когда я увлекался карточными фокусами, веселил всю семью. Увлекался различными головоломками, кубики-рубрики собирал.

Люблю читать фантастику, из писателей мне нравится Стивен Кинг.

— В чем ограничивают себя балетные артисты?

— Наша профессия внутренне жестко дисциплинирует, мы не позволяем себе ничего лишнего — во всем должна быть мера, ограничения. Мы, например, не можем беззаботно отдыхать две недели — всегда должны быть в форме.

— Ваша профессия связана с гастролями, а вам самому нравится путешествовать?

— Пока я еще не много стран посетил, но хотелось бы больше ездить по миру, мне интересно узна-

Фото
Влады
Мишиной

вать, как живут другие народы, какие у них ценности, традиции, познакомиться с другими культурами.

В детстве бывал в Японии, с родителями, на гастролях. А когда я учился на втором курсе академии, одна знакомая, у нее своя балетная студия, пригласила меня в Японию станцевать в современной постановке «Ромео и Джульетты» и па-де-де из балета «Спящая красавица»

— Какие люди вам нравятся, какие качества вы цените в них больше всего?

— Я ценю людей приятных, которые притягивают своей аурой, светом и добротой. Есть люди образованные, трудолюбивые, способные, но могут позволить себе обидные, резкие высказывания, какие-то грубые слова в адрес других — такие мне не импонируют. Люблю веселых, жизнерадостных людей!

— Что пожелаете тем, кто впервые придет на балет?

— Пусть они придут в театр одними людьми, а выйдут, посмотрев балет, уже совершенно другими, переосмыслив взаимоотношения героев, вынесут для себя что-то новое и задумаются — что мы, артисты, хотим донести до зрителя. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Фото Алексея Бражникова

Петр Кончаловский

Ирина Опимах

Автопортрет с женой

Петр Кончаловский оставил грандиозное наследие — прекрасные портреты, пейзажи, натюрморты... Но среди всего этого великолепия красок, цвета, живописной мощи есть одна картина, которая отличается какой-то особенной теплотой, — «Автопортрет с женой», написанный художником в 1923 году. Глядя на него, нельзя не увидеть рембрандтовский мотив — все помнят знаменитый автопортрет с Саскией на коленях. Картина Петра Кончаловского, живописца совсем иного времени и иной культуры, — тоже, как и шедевр Рембрандта, настоящий гимн Любви. Повествуя о, казалось бы, отдельной, конкретной минуте частной жизни художника, она приобретает значение вневременное, всеобщее, вечное, прославляя радость бытия — верность, преданность, нежность, которые могут подарить друг другу только глубоко любящие люди... «Многое, очень многое, было вложено в этот портрет!» — писал Кончаловский.

Впервые Петр Кончаловский увидел свою будущую жену, когда ему было 16 лет. Его отец, настоящий русский интеллигент, переводчик, издатель, был знаком с лучшими художниками того времени. Среди них были Серов и Врубель, Коровин и Суриков. Друзья старшего Кончаловского рано отметили явный талант его сына и полюбили его за готовность работать и

легкий характер. Сохранился рисунок Михаила Врубеля к «Демону», датированный 1891 годом, с дарственной надписью: «Пете Кончаловскому», а первый в его жизни этюдник с полным набором масляных красок подарил Петру Константин Коровин.

Как-то старший Кончаловский вместе с Петром зашел в мастерскую к Сурикову. Тогда строгая темногла-

зая девочка (ей было 14 лет, прошло всего три года после смерти матери, и на ней, Оле, держался весь дом) не пожелала познакомиться и поговорить с Петром. Но прошло 10 лет, и они вновь встретились на вечеринке у общих друзей. Теперь перед ней стоял высокий, красивый молодой человек, а он зачарованно смотрел, как Оля вместе с подругой играла Мо-

царта. Петр тут же написал ей письмо с просьбой о встрече. Она написала ответ с предложением встретиться завтра же и сама отнесла письмо адресату. Им стало ясно все очень быстро. Через три дня они уже клялись друг другу в вечной любви и обещали, что их семья будет не похожа на другие — вся их жизнь будет подчинена искусству, и ничто, никакие

Справа:
*Автопортрет
с семьей —
женой Ольгой,
дочерью
Натальей
и сыном
Михаилом*

Автопортрет

мелочи, обиды и ссоры не должны мешать творчеству.

Единственное, что их смущало, — это то, как к их решению связать свои судьбы отнесутся их отцы.

Отец Петра, Петр Петрович, приветствовал выбор сына. Реакция Сурикова была совсем иной. Он был взбешен! Ведь жених Петя хотел стать профессиональным художником, а из художника муж — как из кисточки ложка! Суриков много перевидал их на своем веку и считал, что

быть художником в России — дело совершенно неверное. Он бросал стулья, бил посуду, плакал... Тогда он не мог себе и представить, что избранник Ольги станет настоящим мастером, и его картина 1917 года, семейный портрет, на котором он изобразит себя, его, Сурикова, дочь и внуков, будет продана в 2013-м на аукционе Сотбис за полновесные британские 468 миллионов фунтов стерлингов!

Несмотря на все уговоры отца, Оля свое решение не изменила, и ему

оставалось только смириться. «Нужно тебе сообщить весть очень радостную и неожиданную: Оля выходит замуж за молодого художника из хорошей дворянской семьи, Петра Петровича Кончаловского. Он православный и верующий человек», — писал он брату. 10 февраля 1902 года Оля и Петр стали мужем и женой. Их венчание происходило в Москве в Хамовнической церкви. Впереди у них был долгий, более полувековой, путь, и ждали их не только радости и победы, но и горькие неудачи и разочарования... Но пока они были молоды и счастливы, на их свадьбе присутствовали Серов и Врубель, и отец невесты благословил этот союз. А вскоре они стали большими друзьями — Василий Суриков и Петр Кончаловский. Их очень многое сближало — и главным была преданность искусству. «Их

дружба была удивительной — они понимали друг друга с полуслова. Несмотря на разницу в возрасте, разницу в живописных задачах, несмотря на различие в характерах, они многое в жизни воспринимали одинаково. Одно и то же их смешило, возмущало или радовало. Отец учился у деда искусству живописного видения, дед с интересом относился к его поискам новых путей, к его взыскательности по отношению к себе, к его мятущемуся, вечно ищущему, ненасытному духу», — писала дочь Кончаловского Наталья Петровна в своей книге «Дар бесценный».

После свадьбы молодожены уехали в Петербург, где Петр заканчивал Академию художеств. Как и многие его друзья, он воевал с академизмом. Война эта порой приобретала весьма необычные формы. Однажды, рассказывает правнучка Кончалов-

ского и дочь Юлиана Семенова Ольга Семенова, проходя со своим другом Сергеем Коненковым и еще несколькими студентами ночью мимо академии, Петр бросил калошу в окно ректора Беклемишева. В это время градоначальник Петербурга барон Нолькен совершал свой объезд. Он увидел студентов, они тотчас были отведены в полицию. Дело закончилось судом. Но так как студенты были талантливы, за них заступились президент академии и профессор П.П. Чистяков, в окно которого по ошибке попала калоша. Пятерых студентов приговорили к штрафу по 8 рублей. Самое смешное, когда у Петра Петровича и Ольги Васильевны родилась дочка Наташа и были крестины, то пришел околоточный получать штраф. Все были налицо, и даже сам крестный отец Коненков.

Спустя три года в молодой семье появился еще один ребенок — сын Миша. Маленькие дети со всеми их плачами и болезнями нисколько не мешали отцу работать, наоборот, лишь еще больше вдохновляли. Он укладывал их спать, пел им колыбельные песни, давал краски, чтобы они рисовали, а когда маленькая Наташа заболела скарлатиной, целый месяц ее выхаживал!

Зимой Кончаловские, как правило, уезжали за границу, в Европу. Так продолжалось до 1914 года. Петр Петрович всегда брал с собой все свое семейство — он не мог жить без своих детишек и своей мудрой жены, порой несдержанной, способной на резкие поступки, но такой любимой Ле-

лечки. Обычно они селились в Париже, снимали жилье в Латинском квартале. Петр ходил по музеям, учился у старых и новых европейских мастеров, а Ольга занималась хозяйством и детьми. В этом поразительном, уникальном мире, где рождалось новое искусство, где работали будущие классики XX века Пикассо и Модильяни, Фуджита и Вламинк, Шагал и Леже, и еще многие другие выдающиеся художники из разных стран и культур, он чувствовал себя прекрасно. Подружился с Матиссом и Пикассо, участвовал вместе с ними в выставках.

Летние месяцы семья старалась проводить на побережье Средиземного моря. Как-то они остановились в Арле, навсегда вошедшем в историю благодаря Ван Гогу, который жил в этом маленьком городке с февраля 1888 года по май 1889-го. Наталья Кончаловская рассказывает, как однажды Дадочка (так Петра Петровича звали в семье) зашел в лавочку, где покупал краски Ван Гог. «Старик хозяин был все тот же. Петр Петрович спросил его, помнит ли он Ван Гога, на что хозяин ответил, что прекрасно помнит, и что у него даже сохранился портрет ребенка, который он оставил в залог за купленные краски. «Вот только, к сожалению, портрет испорчен, а то бы я мог продать его за сто франков!» — сетовал старик. Петр Петрович попросил показать ему портрет. Хозяин полез куда-то на чердак, притащил небольшую картину, написанную в голубоватых тонах и изображавшую девочку. Как раз на щеке девочки холст был прорван насквозь,

Сын Миша

видно, автор в состоянии невменяемости прибил его гвоздем к стене. Петр Петрович долго смотрел на портрет, а потом попросил одолжить его на один вечер. Хозяин, подумав, что молодой русский художник хочет скопировать неизвестную вещь Ван Гога, согласился. Родители мои унесли картину к себе в номер гостиницы, и за один вечер мама зашпаклевала прорванный холст, а папа реставрировал его так точно, что никаких следов от повреждения не осталось. На следующий день они вернули хозяину картину.

«Вот, мосье, — сказал Петр Петрович, — теперь вы сможете продать эту вещь за десять тысяч франков!»

Старик был взволнован простотой и щедростью молодого художника, а Петр Петрович простился с ним и беззаботно пошел по улице, ведя нас, детей, за руки и весело переговариваясь с женой.

Дочь Наташа

...Где-то на свете существует в каком-нибудь частном собрании портрет маленькой девочки работы Ван Гога, заштопанный руками дочери Сурикова и отреставрированный молодым Кончаловским».

Кончаловские бывали не только во Франции, но и в Испании, Италии, Германии. Часто к ним присоединялся в этих европейских поездах и Суриков. Он очень любил художников итальянского Возрождения, а еще Веласкеса и Рембрандта. Стоя перед полотнами Тинторетто и Веронезе, Кончаловский и его тесть слушали, как говорил Суриков, «свист малиновых мантий». Эти поездки оставили неизгладимый след в жизни и творчестве Петра Петровича. Он навсегда стал поклонником и последователем Сезанна. «Русский Сезанн» — так его называли.

*Портрет
жены Ольги
в розовом
платье*

Справа:
*Сирень
у окна*

Но главной страной для Кончаловского все-таки была Франция. Как художник, он формировался именно там, в Париже. Восхищаясь и впитывая в себя работы Ван Гога, Дега, Ренуара, Сезанна, экспериментировал с цветом, формами.

10 декабря 1910 года в Москве на Воздвиженке, в доме Экономического общества офицеров открылась выставка нового сообщества художников «Бубновый валет». Картины, выставленные на обозрение публики, произвели на всех — и критиков, и простых любителей живописи — оше-

ломляющее впечатление. Это был настоящий скандал, настоящая «пощечина общественному вкусу». Особенно возмутил всех портрет Кончаловского и Машкова, написанный Машковым, а картины на религиозные темы Гончаровой и вовсе пришлось снять. «Мы не хотели эпатировать зрителя, мы ни о чем не думали, кроме решения наших художественных задач», — объясняли публике и критикам удивленные такой острой реакцией общественности участники выставки. В 1911 году Кончаловский стал признанным лидером «Бубнового валета».

А в 1914-м мир захлестнула Первая мировая война. Она застала семейство Кончаловских в Красноярске, куда они приехали погостить вместе с Василием Ивановичем Суриковым к его брату Александру Ивановичу. Петр Петрович ушел на фронт добровольцем. Он пережил все ужасы войны — окопы, грязь, смерть... В 1916 году ему удалось вырваться и приехать к умирающему Сурикову. Выдающийся русский художник умер на руках зятя. Его последние слова были обращены к нему: «Петя, я исчезаю...»

А в 1917-м началась революция. Многие друзья Кончаловского эмигрировали, но он остался на родине. Жил с детьми и женой в холодной квартире, вечерами они грелись, стоя у чугунной печки. Эта печка играла важную роль в их жизни — на ней варили чудом добытую картошку, рядом с ней усажи-

вались зашедшие в гости друзья художники и музыканты, она помогала согреть остывшие руки, сидя у печки, Петр Петрович рисовал закутанных в тулупы детей Мишу и Наташу.

И всегда Ольга Васильевна, его верная и умная Лелечка, была с ним рядом. Она создавала ему условия для работы, при этом супруги Кончаловские никогда не гнались за роскошью и комфортом. Все вокруг них было умеренно, без излишеств. И тогда, когда их жизнь только начиналась, и позже, в московской квартире на Конюшковской улице, и в купленном в 1932 году большом доме в Буграх, под Обнинском, где собиралось все их большое и талантливое потомство. Правнучка Кончаловского Ольга Семенова рассказывает: «Лелечка не только занималась домом и детьми, но и подбирала букеты, которые

Дадочка писал, а потом первой заходила в мастерскую посмотреть на новую работу. А еще она была его первым критиком, причем самым взыскательным и принципиальным. Первые годы замужества Лелечка наблюдала за появлением замечательных полотен и... их безжалостным разрезанием. Как истинный джентльмен, Петр Петрович сперва советовался с женой. «А не порезать ли мне эту картину, Олечка?» — спрашивал он, придиричиво разглядывая свое очередное новое полотно на мольберте. И Ольга Васильевна, раз и навсегда для себя решившая, что все, что делает муж, правильно, спокойно отвечала: «Режь, Петечка».

В 1922 году он написал автопортрет с женой. В нем — вся его любовь, вся его благодарность Ольге за то, что она делала для него и детей. Он много сил отдал этой работе. «Портрет 1922 года, — рассказывал художник искусствоведу В.А. Никольскому в середине 1930-х годов, — обдумывался и прорисовывался у меня очень долго. Хотелось, чтобы в нем не было никакой яркости красок, чтобы весь он был насыщен тоном, светотенью. Композиция устраивалась долго, особенно в руках, пока не расположились они какой-то «восьмеркой». Свое лицо написалось у меня как-то сразу, а лицо жены пришлось работать долго. Так как весь портрет предстояло разрешить в тоне, для жены было сшито особое платье по моему рисунку: черный бархатный корсаж и бронзового цвета рукав. Бархат я многосоставно писал, многими кра-

сками, вплоть до индийской желтой. Да и вообще я сильно поработал над фактурой этого холста, много больше, чем в «Агаве», например. Были во время работы и опасные моменты: началась порча сделанного раньше, приходилось бросать работу, волноваться за будущее, вплоть до сомнений в своих силах, в умение осилить задачу... Много, очень много было вложено в этот портрет!» Теперь эта картина хранится в Третьяковской галерее.

В трудные для всей советской интеллигенции 1930-е годы Кончаловскому удалось избежать репрессий. При этом он никогда не поступался своими принципами, не сделал ни одного поступка, за которые ему и его детям и внукам было бы стыдно. В 1938 году, когда Мейерхольда уже отлучили от театра, Кончаловский написал его портрет. Когда же режиссера арестовали, художника попросили подписать письмо, в котором Мейерхольда обвиняли в антисоветской деятельности. И Кончаловский нашел в себе силы и смелость — а он уже хорошо знал, чем рисковал! — отказаться. А потом ему предложили написать портрет Сталина. Предложение, от которого отказываться, по понятным причинам, было категорически нельзя. Но он смог! «Когда я смогу встретиться с Иосифом Виссарионовичем для первого сеанса?» — спросил Петр Петрович. «Встретиться с товарищем Сталиным нельзя, вам придется писать по фотографии», — объяснили ему. «Какая жалость, — сказал Кончаловский, — ничего у нас, видно, не получится. Я пишу только с натуры».

*Семейный
портрет
в мастерской*

Вообще, он всегда старался быть вне политики — писал пейзажи, натюрморты, портреты своих друзей и домочадцев. И каким-то образом ему удавалось сохранить себя, свое искусство, своих близких, обеспечивая им если не роскошную жизнь, то вполне благополучное существование.

Петру Петровичу и Ольге Васильевне суждено было пережить еще одну мировую войну. Отправив в эвакуацию дочь Наташу с детьми, они остались в Москве. Им было непросто, как и всем советским людям. Спасала работа — Кончаловский писал в те годы портрет Лермонтова.

А после войны начались не просто неприятности, а настоящая травля. У приличного человека всегда должны быть враги, обнаружили они и у Кончаловского. Но Петр Петрович и Ольга

Васильевна, несмотря ни на что, сохраняли спокойствие. Однажды они были на одном официальном приеме и вдруг почувствовали, что вокруг них возникла неприятная пустота — все боялись приблизиться к опальному художнику. И тогда, рассказывает Ольга Семенова, к ним подошел один знакомый художник, и тихо произнес: «Ольга Васильевна, те, кто пакостят Петру Петровичу, в подметки ему не годятся. Плюньте!» Лелечка в своем единственном вечернем платье из вишневого бархата, придававшем ей вид опальной королевы, и горностаевой пелеринке на плечах со светской улыбкой ответила: «На всех плевать — слюней не хватит!» Она была настоящим бойцом и всегда сражалась на стороне мужа. «Кто любит Петра Петровича, того люблю я», — говорила Ольга Ва-

ильевна. Она часто позволяла себе весьма откровенные высказывания и оценки, но ей это прощалось — ведь она была дочерью великого Сурикова и женой большого советского художника Кончаловского.

Вот и тогда их спасло то, что в одной из речей Сталин упомянул Сурикова среди художников, составивших славу России, и недруги Кончаловского замолчали. А он, не замечая эту мелкую суету вокруг себя, продолжал работать, не предавая себя ни в чем.

А любимая Лелечка всегда была главной женщиной в его жизни.

«На московских вернисажах, премьерах пятидесятих годов нельзя было не заметить и не залюбоваться неизменно шествующей рядом супружеской парой. Ни сутолока, ни теснота, ни обычный для таких дней шум будто не влияли на их постоянно приветливое, доброе состояние.

Огромный, на голову выше всех, с мягким, почти детским выражением лица, никак не сочетавшимся с крутым лбом, изборожденным резкими морщинами, прямой, широкоплечий, этот человецище с большими, сильными руками осторожно вел рядом маленькую женщину с радушным и открытым лицом, привлекательную той особенно милой сердцу простотой и душевностью, которая присуща русским красавицам.

Это были Ольга Васильевна и Петр Петрович Кончаловские». (И. Долгополов).

Удивительные люди, создавшие вокруг себя особый мир, в котором главным были искусство и постоян-

ный труд. Недаром их потомки, литераторы, художники, писатели и режиссеры, сделали и делают так много в российской культуре.

Петр Петрович Кончаловский умер 2 февраля 1956 года, не дожив 7 дней до своего 80-летия. Во время похорон Ольга Васильевна держалась стойко, не проронила ни слезинки. «Не смей плакать», — говорила она детям. Она всегда была сильной...

А потом Лелечка, потеряв главное, что было в ее жизни, как-то растерялась, постарела, и даже словно стала меньше ростом. Однажды дочь Наташа зашла проведать мать. «Лелечка стояла возле окна, глядела на высокие весенние облака, на молодую зелень деревьев, на солнечные блики на домах, а потом, судорожно вдохнув воздух, хранивший запах масляных красок, тихо сказала: "Как красиво. Только зачем все это нужно, если Петечки больше нет"». «Он ждет меня», — все время повторяла она родным.

Ольга Васильевна прожила без мужа всего два года. Она умерла в 1958 году, и ей тоже было 80 лет.

Свыше пяти тысяч произведений — картин, портретов, натюрмортов, акварелей, рисунков — создано Петром Петровичем Кончаловским за годы его творчества. И если бы не было с ним рядом Ольги Суриковой, любящей и любимой дочери Василия Сурикова, а потому хорошо понимавшей, что такое жизнь большого художника, кто знает, как бы сложилась его судьба, каким бы были его картины, какой след оставил бы он в искусстве... □

Виктор Ом **В**иктор **П**русс

«Апология всеединства»

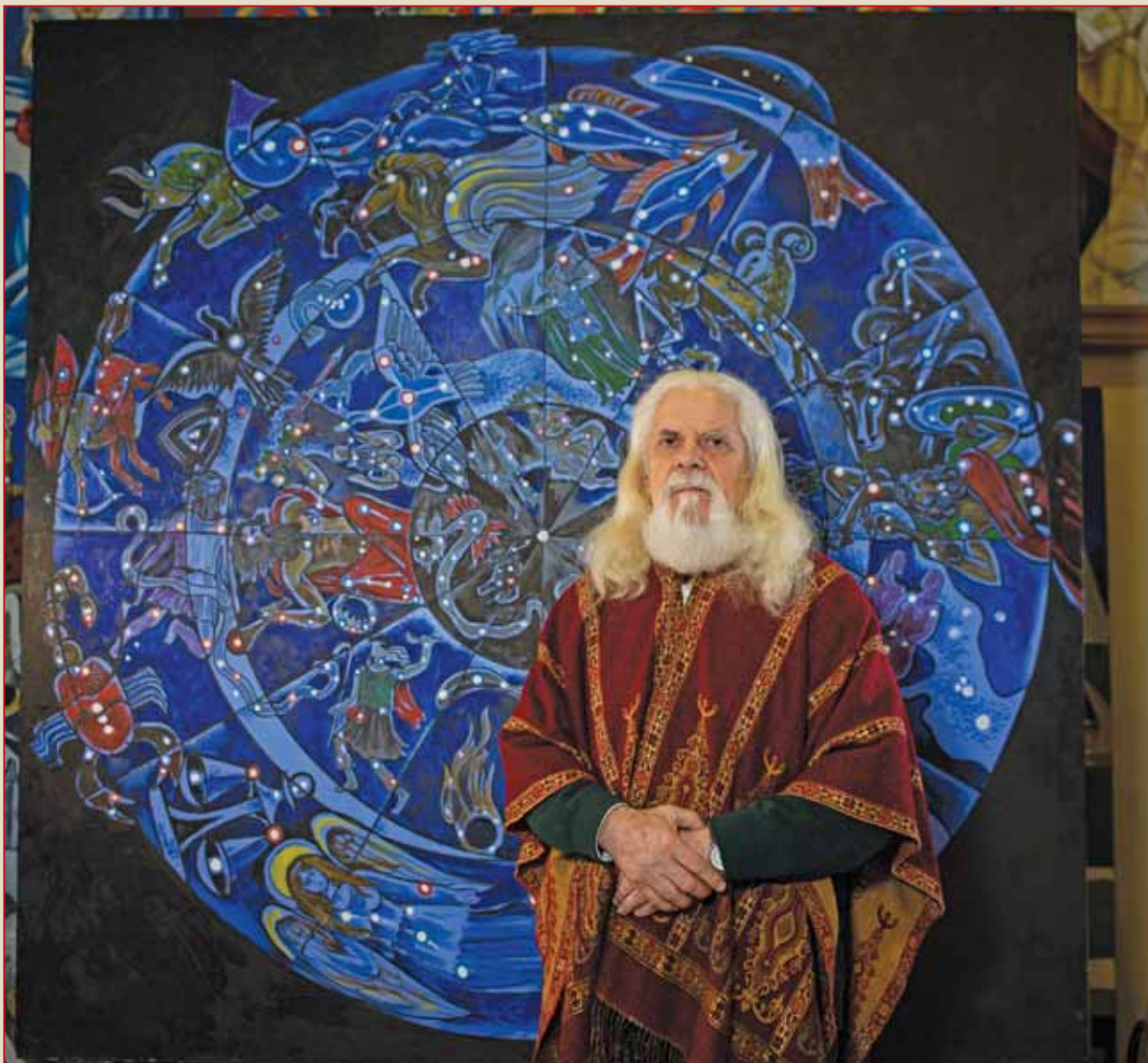

Фото
Артема Омельченко
из архива
Виктора Пруса

Если посмотреть, даже поверхностным взглядом, на историю изобразительного искусства, сознание непременно отметит два ярко выраженных направления в его становлении и развитии.

*Главный
вход в храм
Христа
Спасителя*

*Христос в Царской
одежде. Храм
Христа Спасителя
в Москве*

*Гении Испании
XX века*

Справа:

*Берегите мир.
Центр Триптиха*

Первое — берет начало от самых древних, затерянных в веках нацарапываний изображений (вернее, только попыток!) — камнем на камнях! Это еще очень спонтанные попытки отобразить мир видимых образов вокруг себя... И, прежде всего, конечно, животных. Еще бы! Тогда это был единственный источник пропитания,

племенников в ландшафтах окружающей природы.

Пролистав многотомник Истории искусств до 19–20-х веков нашего времени и взглянув на жанровые, исторические картины, портретные работы, неисчислимое разнообразие пейзажной живописи, видишь, что результат достижений реалистиче-

а значит, поддержания самой жизни, поэтому охота на животных, добыча играли главнейшую роль в бытовании наших предков. На останках тех нацарапываний хорошо видна главная тенденция древнего «начинающего художника» — его старательные усилия в изображении, «копировании» окружающей природы и живых существ и стремление изобразить все это почти документально! Картины бытия, животных, своих со-

ского искусства в многовековых устремлениях к отображению жизни — налицо!

Второе направление в изобразительном искусстве, тоже давнее, — это отображение художником своих образов-фантазий, создание иных пространств, которые порождены не копированием реальной среды, а фантазией рисующего, его образами придуманных ситуаций и фантастических пейзажей, не существующих в объек-

*Поэтические
воззрения
народов
Центральной
Евразии
за 20 тыся-
челетий*

Справа
вверху:

*Культура
народов
Центральной
Евразии
за 20 тыся-
челетий*

*Календарь
славян*

Аналемма

тивной реальности. Это плоды воображения, совсем не похожие на окружающую действительность...

Творения московского художника Виктора Пруса, безусловно, относятся ко второму направлению. В его работах, насыщенных философскими идеями, жизнь и Вселенское Будущее Человечества живут и дышат иными — воссозданными реальностями... Виктор Прус не просто во-

площает свои творческие фантазии в картины — он создает новые миры! Известный философ-космист, доктор наук и писатель Юрий Линник так и пишет: «Виктор Прус — Художник Всеединства! О нем можно сказать так: Мастер Вселенского Синтеза. Многомерный и многоуровневый Универсум, внове сотворенный им в красках и в камне, в дереве и стекле, в металле и смальте, в архитектурных и ди-

*Посвящение художнику Гальбергу.
Центр Триптиха*

Западное полушарие

с текстами на десяти языках священных слов

Восточное полушарие

зайнерских формах, отмечен ошеломительным качеством, суть которого в замечательном Рериховском слове «Всевмещение!» Не часть, а Целое, не малая толика, а все — вот устремление Виктора Пруса! Все без остатка. Все в его полноте. Все — как исчерпывающий охват бытия».

КАК ВЫШЕЛ НА ЭТОТ ПУТЬ ПРУС?

В годы обучения в Академии художеств Виктор Николаевич с поистине фанатичным энтузиазмом постигал основы реалистического искусства — очень много работая с натуры, а также копируя классиков мирового искусства. Но там же, во время обучения, он открыл для себя и иные подходы к изобразительному творчеству. И в этом на него, как на художника, оказало решающее влияние знакомство с творчеством и дерзкими поисками художников-авангар-

дистов. Трудно, наверное, даже ему самому нынче сформулировать, кто именно из них оказал более значимое влияние. Скорее влияние это эволюционировало в подсознании, не всегда предметно проявляя себя. В мощном к тому времени течении мастеров авангарда были выдающиеся, гениальные мастера, с очень индивидуальными творческими почерками. Скорее молодого художника увлекла совершенно новая, поистине революционная тенденция в совершенно неожиданных подходах к изобразительному искусству. Безусловно, Прус впитывал и изучал работы всех художников этого направления и у каждого брал то, что особенно соответствовало его личным пристрастиям и страстному желанию использовать эти новаторские тенденции в своих замыслах и работах. И, конечно, вне всяких сомнений, его увлекла невероятная дерзость одного из самых ярких худож-

ников авангарда — Казимира Малевича... Смыслом жизни Малевича было искусство. Свою «взрывную» энергию он привнес в творчество. А его эволюция живописца очень похожа на серию взрывов и катастроф! Разоблачая академические художественные стереотипы, Малевич проявил недюжинный талант критика-полемиста. Его «Черный квадрат» до сих пор остается загадкой — как простой небольшой холстик Малевич смог провозгласить «фактом искусства»? Ведь до этого художники веками закрашивали холсты и картоны, бумагу и металл черной краской, но никому в голову не приходило назвать это произведением искусства!

И именно в те годы, бурлящие потоками контрастов и противоречий, в научной среде вспыхнули будоражащие процессы невиданной активности ученых, а порой и абсолютно гениальных прозрений! В то время, когда творил Малевич, в науке работали гении — Чижевский, Вернадский, Бердяев, Флоренский, Углов, Федоров, Циолковский и другие подвижники — ученые мирового масштаба. Именно они открыли миру новые реальности. Не знать об этих идеях и открытиях Малевич просто не мог.

Взять хотя бы внимание ученых на всемирное светило — Солнце! Древние символы — солярные знаки и прочее. Уже много лет назад астрономы предполагали, что Солнце представляет собой тончайший инструмент, влияющий на соответствующие изменения планет. Таким образом, и Земля зависит от периодичности деятельно-

сти Солнца. В свою очередь, исследования, производимые с целью выяснения влияния планет на деятельность Солнца, дали вполне положительный результат: в периодах солнечной активности обнаруживаются периоды планетарных движений. Но и это еще далеко не предел научных догадок. Вся солнечная система является частью системы звезд нашей звездной галактики. Быть может, эруитивная деятельность, связанная со взрывами, выбросами энергии и вспышками на Солнце, и биологические явления на Земле — суть одной общей причины, великой энергетической жизни Вселенной. Эта жизнь имеет свой пульс, свои периоды и ритмы. Наука будущего должна будет решить вопрос, где зарождаются и откуда исходят эти ритмы?

Так что увлеченность идеей Солнца целиком захватила творческое воображение Виктора Пруса. Первые крохи, подступы к этим бесчисленным сериям холстов, посвященных жизнедеятельной «звезде», начались еще на пути становления его как художника.

В те годы Прус был захвачен не только собственно рисованием и живописью, произошел настоящий духовный прорыв в иные сферы жизни и бытия благодаря его знакомству с идеями ученых, жизнью космоса и Вселенной... Поэтому настольными книгами молодого художника стали труды ученых — прорицателей будущего — Циолковского и Чижевского...

Увлеченность наукой, ее ошеломляющими идеями очень благотворно

повлияли на поиски своего пути в искусстве. Уже в самом начале творческого пути, даже в замыслах своих работ Виктор Николаевич ушел от так называемого «мелкотемья» и «передвижнического» бытописания... В его сознании и творчестве явно обозначился иной масштаб отображения мира идей и жизнеобразующих явлений, текущих реалий планетарного существования. Формулирование основополагающих доктрин жизни вошло в творческий обиход художника и стало полноценным материалом его творений!

...Жизнь природы есть сделка между смертью и бессмертием. Смерть берет себе всех живущих, все индивидуальности и уступает бессмертию только общие формы жизни: одно растение или животное обречено неизбежно погибнуть, но сама форма растения или животного, этот вид или род организмов — остается. Божья заповедь ко всем живым: «Плодитесь и размножайтесь». Но не для того, чтобы упрочить и увековечить свою жизнь, будьте только мостом для следующего поколения, которое, в свою очередь, станет лишь мостом для преемников, и так далее. Вместо Жизни и Бессмертия — нескончаемый ряд мостов, которые все-таки строятся даром, так как по этому пути идет творческий дух к предустановленной для него цели.

Вот и художник, в полной мере осознавая это, упорно продолжал поиски адекватных изобразительных образов для отображения и выявления захватывающих его идей. Перед ним стояла труднейшая из задач —

язык науки, научные понятия превратить в художественные образы.

Идея Всеединства — открытие не Виктора Пруса. Она в человеческом сознании зародилась очень давно, настолько давно, что однозначно сказать, у кого именно появилась впервые, не представляется возможным... Еще в античные времена она владела многими великими умами и, как всякое великое и важное для жизни человека явление, всячески воспевалась в поэтических произведениях, в философских трактатах и в работах ученых. Привести даже малые цитаты из громадного потока знаний не представляется возможным, но примером можно взять квинтэссенцию этой идеи в одном из трудов великого космического мечтателя Константина Эдуардовича Циолковского «Монизм». (Монизм — это способ рассмотрения разнообразных явлений мира в свете единой основы всего сущего.)

Циолковский писал: «Мы проповедуем монизм во Вселенной — не более. Весь процесс состоит в этом стремлении к монизму и — Единству, к элементарному началу. Ее успех определяется степенью достижения Единства. Монизм в науке обусловлен строением космоса. Разве Дарвин и Ламарк не стремились к монизму в биологии? Физика и химия влекут нас по тому же направлению. Астрономия и астрофизика доказали Единство образования небесных тел, сходство Земли и Неба, однообразие их вещества и лучистой энергии. Да-

*Алтай.
Белуха*

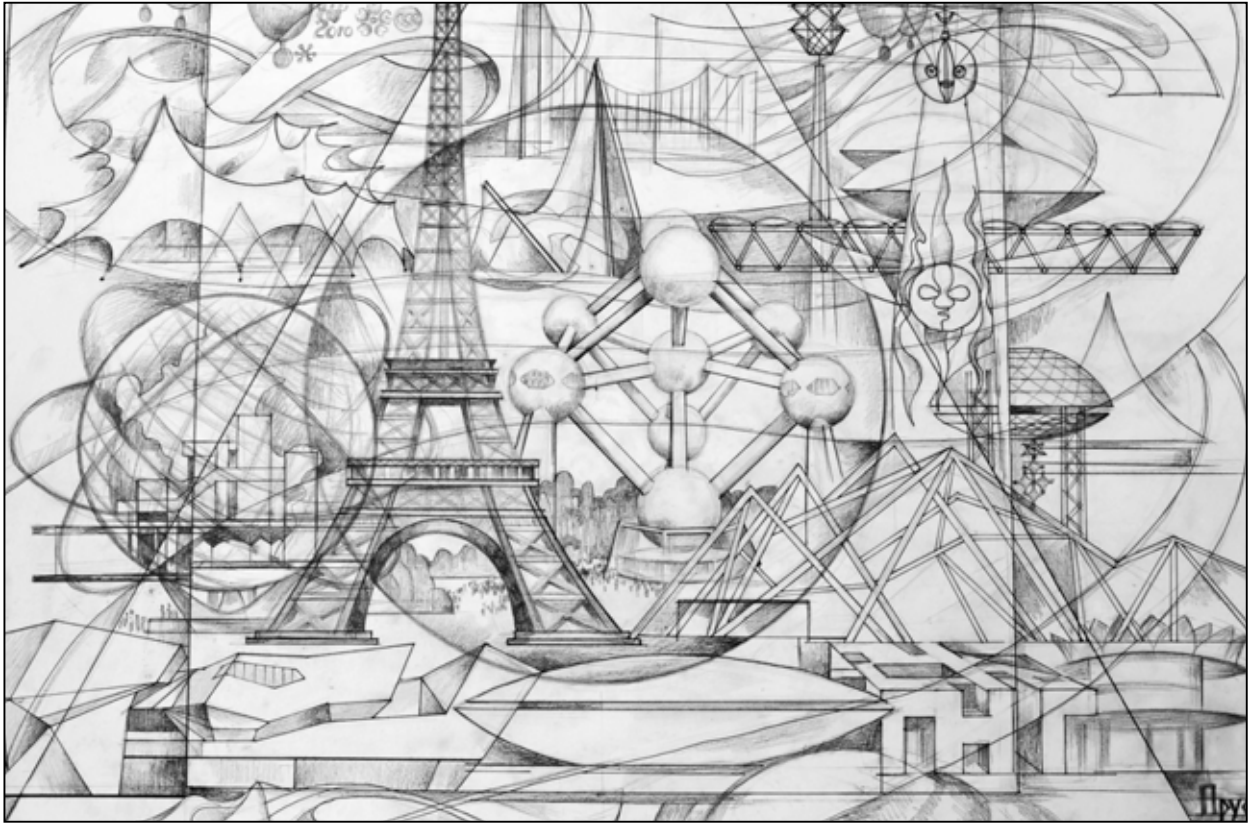
же историческая наука стремится к монизму. Люди объединяются в общества, стремясь слиться в одно могущественное тело. Скоро должна объединиться и вся Земля. Это объединение на иных планетах должно достигнуть высшего результата. Прибавим к известным уже видам и всеобщую чувствительность материи, потенциальную способность каждого атома — при сложной обстановке — жить! Мыслит мозг, но чувствуют атомы, его составляющие. Разрушили мозг — исчезло и напряжение чувств атомов, заменившись ощущением небытия, близким к нулю».

Думается, Виктор Прус не смог бы так продуктивно творить, не открыв для себя такую важную и необходимую для вдохновения идею, какой

явился для него «космизм»... «Русский космизм» — это философия, имеющая большие традиции в культуре нашей страны. Помимо философов, это направление еще и религиозных мыслителей, поэтов, писателей, художников....

Обстановка, которая сложилась в культурной и общественной жизни России в девятнадцатом веке, во многом способствовала появлению именно такого направления... Сегодня оно приобретает особенную популярность еще и потому, что многие из предсказаний, сделанных космистами, уже сбылись, а другие продолжают сбываться...

Этот космический взгляд, неопостижимое ранее обобщение в образительном искусстве заполнило

Всемирные выставки XX века

и творческую мысль художника-монументалиста, художника всеохватывающего синтеза — Виктора Пруса.

Несмотря на то, что сейчас появились совсем иные формы и средства выражения у современных художников (компьютерная графика, цифровая живопись, масса иных технических возможностей работы со светом и цветом), вопросы пространственного искусства все так же оказываются на переднем крае создания новой культуры, наряду с литературой, музыкой, поэзией, архитектурой и синтетическими искусствами — театром, кинематографом и телевидением.

У Виктора Пруса есть незыблемая вера в художественный процесс, которая проявилась у него еще с отроче-

ства. Не раз в своей творческой работе он обращался к архаическим знаковым формам народного искусства. В них он видит вектор движения современного искусства. Истоки его собственного стиля — плоский белый фон и чистый цвет! Но каким бы не представлялся перед нами генезис его творений, главным качеством всегда является НОВИЗНА, а также непохожесть на все, что создавалось ранее...

О том, насколько глубоко художник проник, «погрузился» в первозданные области былой архаичности и неизведанного, проясняет и уточняет мысль ученого-психиатра, аналитика глубинной психологии и толкователя архитипических образов, швейцарца Карла Густава Юнга: «Тайна подлинного искусства в том, что оно обращается

к истокам художественности и высвобождает в нас огромные силы, дает возможность выдерживать все беды и пережидать даже самую долгую ночь...»

Мастерская Виктора Николаевича больше походит на музей — так много там готовых к экспонированию картин, керамики, огромных панно на холстах, макетов, скульптур и иных невероятно интересных, оригинальных работ. И это уже становится проблемой. Ведь художник подобной творческой позиции не может творить «для себя». Его работы изначально обращены к людям, человечеству, и они должны экспонироваться, быть возбудителем творческих исканий для великого будущего нашего народа, а не покрываться пылью в мастерской...

Виктор Прус — выпускник Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (бывшей Императорской, а ныне — Санкт-Петербургской Академии художеств.) Он — художник-монументалист. Его учителем в академии был Андрей Андреевич Мыльников — выдающийся советский художник, вице-президент Академии художеств, народный художник СССР, руководитель самой известной в академии мастерской монументальной живописи!

На банальный вопрос: «Как и когда началось увлечение рисованием?» — Виктор Николаевич ответить затрудняется.

— Да... как-то само собой началось, я даже не заметил, как Ей-

Л.Н. Толстой

богу, не могу точно сказать! Почему-то помню себя... уже с альбомчиком, и — обязательно рисующим... таким карандашиком... Точней — огрызком карандаша... А зарисовывал я абсолютно все, что попадалось на глаза. Ну, как в том анекдоте про туркмена, который едет на ослике домой и поет обо всем, что видит. Вот и я рисовал, что попадалось на глаза — все подряд... И, наверное, умудрился перерисовать все в родном моем солнечном Никополе — и всех жителей-земляков, всех кошек

и собак, и вообще всех животных, вместе с курами, гусями и лошадьми. Энтузиазм у меня был — прямо как у неменяемого! — И Виктор Николаевич рассмеялся, вспоминая далекие, навсегда убежавшие, беззаботные годы босоногого детства...

А далее, что было уже ожидаемо, он поступил в Днепропетровское художественное училище, которое окончил блестяще, и сразу же поступил в Академию художеств. Главная мечта молодого художника осуществилась — он стал студентом Академии художеств! Той легендарной академии, в которой учились самые выдающиеся и знаменитые русские художники — Карл Брюллов и Илья Репин, Орест Кипренский и Василий Суриков, Михаил Врубель и Николай Рерих, Иван Шишкин и Иван Крамской, Михаил Нестеров и Виктор Васнецов — одним словом, те, чьи имена навсегда остались в истории русского изобразительного искусства, кто составил славу не только нашего национального искусства, но и внес определенный вклад в сокровищницу мирового изобразительного искусства.

Какое-то время студент Прус пребывал в сладостной эйфории от метаморфозы в своей судьбе, но уже через короткое время, внимательно присмотревшись к преподаванию в академии, остался очень недоволен своими выводами — ему показалось, что система образования здесь весьма ограничена. Эту неожиданную проблему, вставшую у него на пути к совершенствованию мастерства и знаний он решил своеобразно. Это-

го студента-южанина можно было понять — в нем бурлила, просто зашкаливала творческая энергия, он был амбициозен, да и яркий талант не терпел душевной и творческой анемии — ему хотелось продвигаться в искусстве быстро, со значительными достижениями. И теперь никакие преграды не могли унять его молодой и буйный азарт художника. Он решил, параллельно с учебными заданиями, которые выполнялись в соответствии с учебными планами академии, работать и самостоятельно, над собственными творческими композициями. Специально подбирал для композиций материалы из мифологических сюжетов, очень разных эпох, непохожих по драматизму событий, и компоновал, компоновал, компоновал... Выстраивая в композиции не только событийные факты, исходя из текстов, но, главное, — пытаюсь разрабатывать психологию этих событий, их внутренние коллизии. Виктор часто исполнял свои эскизы на больших форматах бумаги и картона, чтобы сразу приближаться даже форматом работы к ее возможной реализации замысла в натуре. Сюжеты этих работ он использовал из греческой, римской, русской, ассирийской, египетской, китайской и других мифологий.

Неугомонный студент в этих работах себя не ограничивал, исполнял их смело, оригинально, порой дерзко, не оглядываясь ни на друзей-студентов, ни на педагогов — такой у него был характер.

Но и этого ему показалось мало... Он начал копировать работы вели-

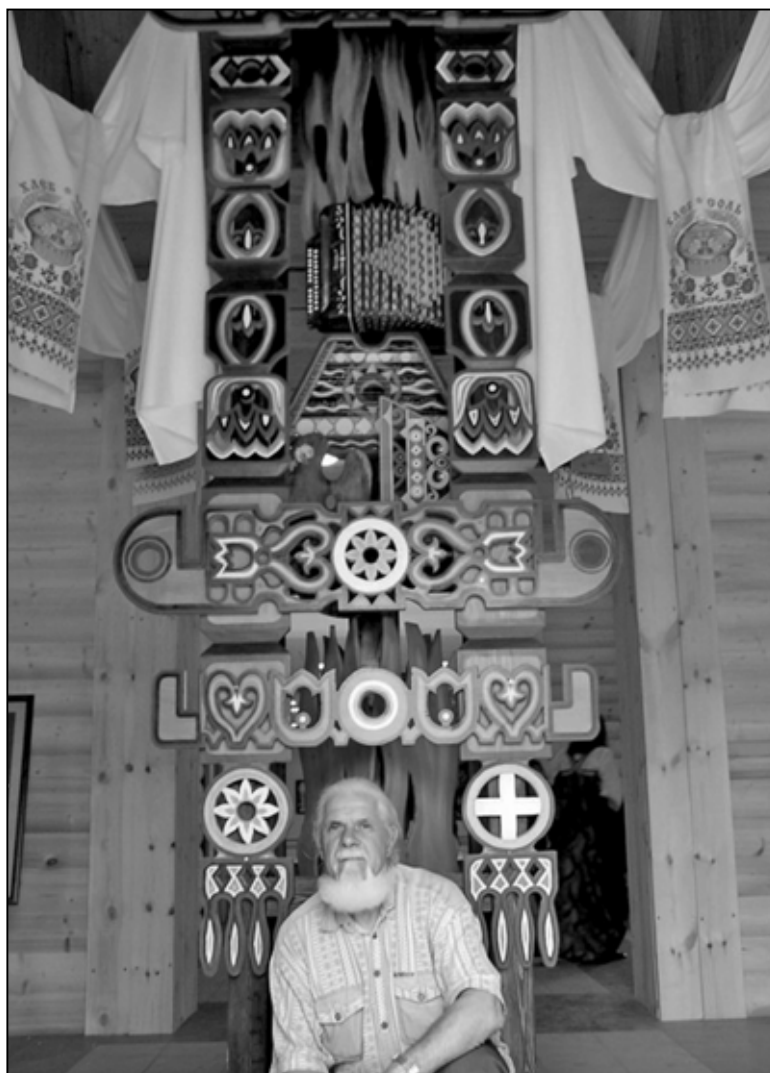
же их манифесты, и теоретические измышления...

Виктора поразили яркие находки художников начала 20 века! Особенно он был захвачен работами и высказываниями об искусстве самых известных по тем временам творцов авангардного искусства: Казимира Малевича, Василия Кандинского и архитектора Якова Чернихова, и осознал, что ему необходимы обширные знания не только по искусствоведению, но и по

*Нижегородский музей этнографии.
Главный фасад.
Дерево*

ких мастеров прошлых эпох — Микеланджело, Рафаэля, Тинторетто, Леонардо да Винчи, Рублева, Дионисия и многих-многих других...

В те советские времена не просто было найти материалы о новых течениях в изобразительном искусстве (В стране было узаконено только одно течение — соцреализм!). Авангардизм был категорически отброшен официальной доктриной социалистического реализма, как формалистическое течение, вредное и чуждое для советского человека. Молодой и очень устремленный южанин все же нашел и репродукции художников различных формальных направлений, и да-

истории, философии и прочим научным дисциплинам. Так Виктор оказался в университете, где прослушал курс философии. Особенно глубоким философом стал для него немецкий философ Гегель. Его труды он не просто читал, а по-настоящему штудировал. Гегель и его философская доктрина всю жизнь так и сопровождают творческий путь художника.

Думается, не случайна и тема дипломной работы, которую выпускник Академии художеств выполнял в интерьерах Совета Экономической Взаимопомощи в Москве. Называлась она в духе устремлений молодого художника — «История Человечества!»

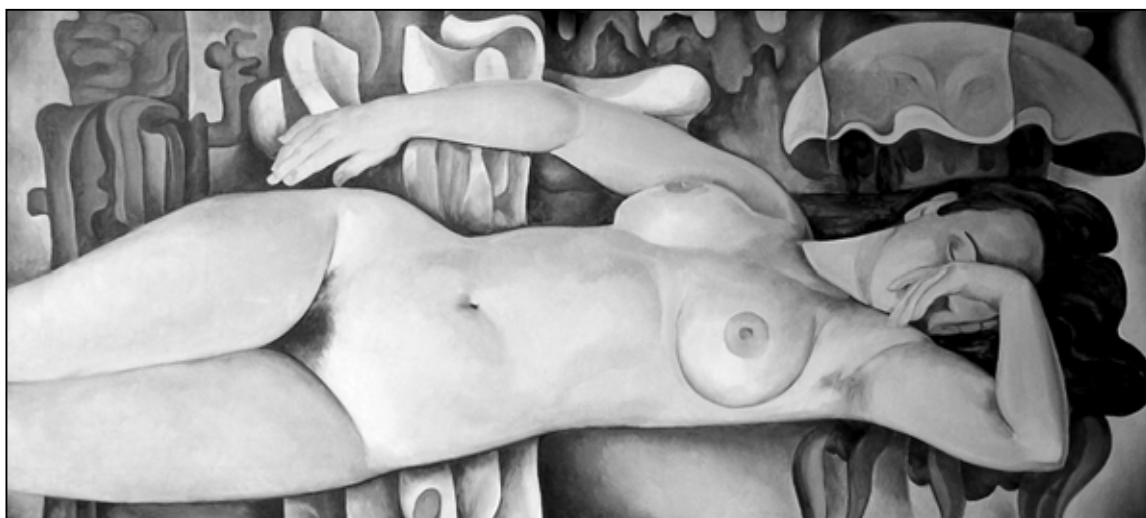
В 1976 году Виктор Прус переехал в Москву и поступил на работу в Комбинат монументального искусства. Для молодого художника началась настоящая практическая работа в искусстве... Он активно участвовал в выставках на Манеже, в группе архитекторов и художников, которых объединяли сходные творческие устремления и работы по одной темати-

ке — футуристические проекты — «Город Будущего»...

В 1993 году Виктор Николаевич выступил по Центральному телевидению, где впервые заявил о своей концепции Всеединства. Сам факт подобной программы Центрального телевидения говорит о том, что идеи художника Пруса, его работы, вызывают большой интерес и очень актуальны для нашей страны. Во время передачи было показано много работ Виктора, уже выполненных в натуре и проекты тех, которые еще были на этапе эскизных разработок. Телевизионная программа заняла — час эфирного времени!

В 2000–2006 годах он проводил Международный Конгресс-Фестиваль искусств. Эти уникальные общения ученых, искусствоведов, художников и других деятелей гуманитарных областей стали откровением для деятелей искусства, а можно сказать и значительней — культуры!

Виктор Николаевич Прус являлся и организатором, и куратором этих

Сон

поистине уникальных творческих мероприятий. Работа была трудной и потребовала от него много сил, ума и таланта. Всего этого у Пруса оказалось в избытке...

Надо отметить еще одну самую характерную особенность личности художника. Несмотря на занятость всяческими общественными делами, Виктор Николаевич никогда, ни на один день не прекращал своих творческих занятий. Потому что еще с молодых лет творчество превратилось для него во второе дыхание, без которого бы не стало и самой жизни...

Витражи в Оперном театре Днепрпетровска, работы в библиотеке города Нурека, в музее в Нижнем Новгороде... Виктор Николаевич принимал участие в росписи интерьера главного входа в храм Христа Спасителя в Москве. Глядя на эти росписи главного храма России, кажется, что именно для подобных работ он, что называется, «и родился и пригодился» величием своего творчества. И во всех работах Пруса видна творческая мощь и уверенная рука вполне сложившегося большого и оригинального мастера, с ярко выраженным личным взглядом на мир, и искусство, со своей ни на кого не похожей глобальной идеей творчества!

Виктор Николаевич еще в 1980 году создал «Манифест объединенной культуры». Именно тогда художник разработал концепцию своего видения задач современного изобразительного искусства и зафиксировал ее в виде манифеста. Именно этот

факт указывает на то, что в эти годы к нему пришла настоящая зрелость человека и художника. Вся мощь духа и личности Виктора Николаевича были в самом зените!

Что такое манифест? И почему художник обратился именно к этой форме изложения своих мыслей и идей? Манифест, как известно, — это публичное письменное обращение, в котором излагаются принципы и цели творчества художника, либо творческой группы деятелей культуры. И, конечно, не только культуры, но и иных сфер деятельности человека. Художник Виктор Прус оставил свою версию главных тенденций, целей и идей, творческих принципов и их продвижения в изобразительном искусстве. Это совершенно новые концепции, рожденные недюжинным талантом художник во благо развития русского национального искусства.

К сожалению полностью «озвучить» манифест не представляется возможным. Достаточно привести хотя бы несколько тезисов, отражающих магистральное направление идей художника... «...Мы должны осознать, что стоим у порога нового небывалого Взлета Спирали Всемирно-исторического искусства и нам предназначена Великая Роль на сцене ВСЕМИРНОЙ КУЛЬТУРЫ! НАШ ЛОЗУНГ — ЕДИНСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО и ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО в КУЛЬТУРЕ! УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ВЫШЕ СТИЛЯ!

Метод будущего искусства это — интегральный метаметод, который включает все методы Всемирного

искусства всех стран, всех народов, всех времен.

Идеальное искусство — это отражение жизни, преобразование жизни и сохранение жизни! НАШ ЛОЗУНГ — ЕДИНСТВО ЭТИКИ И ЭСТЕТИКИ ИСКУССТВА! НАША ПОЗИЦИЯ — УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА! ИСКУССТВО ДОЛЖНО ДАВАТЬ ЛЮДЯМ РАДОСТЬ! ...»

Виктор Николаевич с большим художественным вниманием относится к символам, знакам, эмблемам, словом, ко всей символической графике, пришедшей к нам из глубин тысячелетий. «Символ» — слово греческое. Это — условный знак неких понятий, идей или явлений. И хотя кажется, что эти понятия идентичны, их все же различают, порой придавая понятию «символ» более одухотворенное и более глубокое измерение. Знак и Символ — это основные понятия Семиотики, так как Семиотика и есть наука о знаках. Она изучает мир, культуру и социум как знаковые системы, с помощью которых осуществляется производство, хранение и передача информации.

Для Пруса эти символы — живые существа! Ведь эти графические и пластические изображения с абсолютным обобщением выражают идеи и целые пласты бытия. Одна из ярчайших работ художника — картина «Зодиак». Здесь символ каждого созвездия совершенно минимален по форме выражения, но содержательно невероятно емкий. Потому что эти знаки не лежат на поверхности вре-

мен — они гости из очень глубоких наслоений веков...

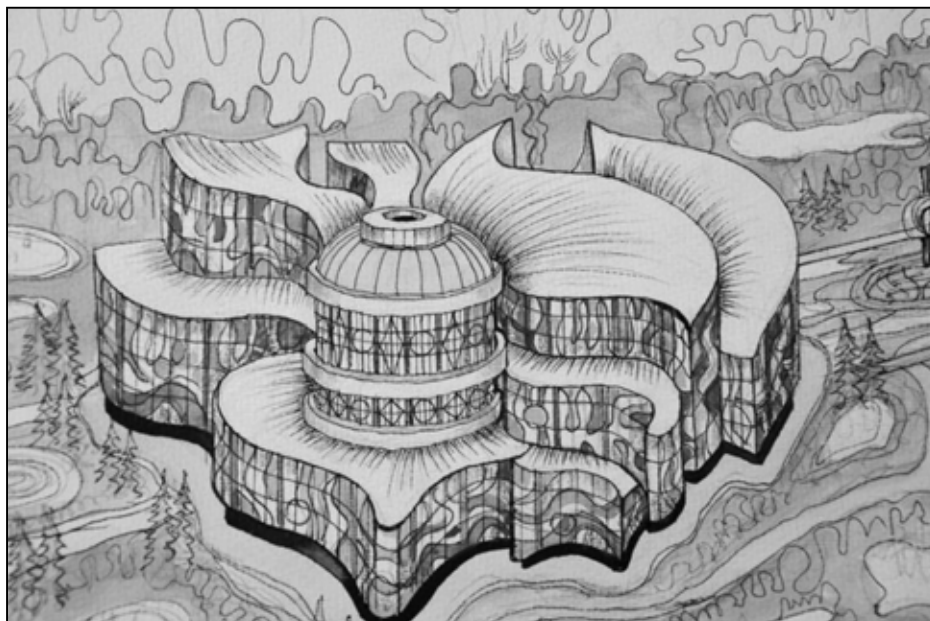
В этих пристрастиях Прус показывает себя поклонником и знатоком очень глубоких «корневищ» нашей культуры. И выявить их в сегодняшнем мире можно скорее и точнее всего именно этой формой символа, знака, емкого образа.

Этому направлению творчества Виктор Николаевич посвятил множество своих работ. Вечные символы очень активно декорируют, а в некоторых работах даже выступают конструктивными элементами композиций. Сказать проще, эти знаки-символы в живописных произведениях Пруса являются полноправными выразительными эстетическими средствами. Они всегда органично вплетены в живописную ткань произведения и дополняют его, завершают...

Но и этого всего оказалось мало художнику. У него вдруг обнаружилась еще одна яркая творческая стезя — тяга к действию, мистерии, к празднику! Он решительно вступил в эту творческую гала-жизнь, где дал полную свободу своим фантазиям. И теперь его материалом выразительных средств, кроме декорационных форм, красок, фактур, стали и сами участники его представлений, живые люди — артисты на коньках!

Он создавал феерические гала-представления на льду, являясь одновременно и сценаристом-драматургом, и режиссером-постановщиком, и художником-оформителем, художником по костюмам, декоратором,

*Проект
Культурного
центра России
на месте бывшей
гостиницы
«Россия»*

а порой — даже и артистом! Эти работы имели ошеломительный успех у зрителей!

Давно уже художников, которые занимаются не только одним искусством, называют дизайнерами или режиссерами массовых представлений, а с ироничной усмешкой — творцами из эпохи Возрождения, имея в виду самые разнообразные таланты художников той Великой эпохи в истории человечества. Но и в наше время подобные творцы появляются, как и в те незапамятные времена. Виктор Николаевич Прус — ярчайший представитель такого творческого многообразия талантов, умений и идей. Поразительны способности этого художника! Если посмотреть его скульптуры, в голову не придет, что занимается он этим эпизодически... Он знает и владеет практически всеми формами и техниками монументального искусства. Это — фреска, мозаика, сграффито, витраж, а еще — различные скульптурные работы ма-

лых форм. Пишет блестящие живописные портреты, жанровые картины и пейзажи. Выполняет архитектурные проекты, причем абсолютно профессионально, без корректировок на то, что он все же — живописец...

А керамика! Всего два-три года занимался Виктор Николаевич керамическими работами, но сумел выполнить в этой очень не простой технике и технологии просто изумительные образы-шедевры, которые вызывают восхищение, в том числе у профессиональных керамистов.

Ну, разве этот художник — не творец «Нового Возрождения»?!

Так как же его назвать? Полиглот от искусства? Он просто человек феноменального дара — из всего, что есть материального в мире, умеет создавать произведение искусства! Чародей, создающий из хаоса свою уникальную гармонию, в которой всегда виден его яркий, узнаваемый и очень индивидуальный почерк большого мастера! □

Незабытые игрушки

Из цикла «Русские мальчики»

1

Скоро, совсем скоро не останется на белом свете людей, которые бы помнили войну, знали горькое время голодух, похоронок, безутешных слез. А еще скорее покидают землю те, кто не просто помнил то горестное время, а стрелял во врага, был ранен, например, и все-таки выжил, поправился и прожил еще одну жизнь — мирную. Но ведь и у нее, у этой мирной, хотя и беспокойной жизни есть предел.

Что мы будем делать, когда покинет землю последний солдат той великой войны?

И как станем жить, когда покинет землю последний ее малыш, — не солдат, не взрослый, а просто тот, кто видел ее, кто запомнил ее подробности, ее детали, ее лица — и это лица не только близких людей. Тот, который — хоть самую малость — помнит время перед войной.

У того времени было странное имя: «ДОВОЙНЫ», и под ним подразумевался какой-то волшебный, ласковый мир нашего детства, много не знавшего, но верящего в свет добра.

И коли речь идет о тогдашних малышах, то ведь где-то должны же остаться их игрушки довоенной поры?

Или они тоже исчезают, как и люди?

Раньше людей.

Но какими они были, если были вообще? И можно ли забыть свои игрушки?

Особенно если они вместе с твоим собственным детством прошли сквозь целую войну? И целый мир?

Забыть можно многое. А игрушки забыть нельзя.

Вырастая, человек может рассмеяться над собой и в слишком уж свой самоуверенный час выбросить их, полагая, что вырос из своих игрушек. Выбросить-то может, а забыть — никогда.

2

За год до войны моего папу послали на ВСХВ.

Я очень долго приспособливался к этим четырем буквам, не похожим ни на одно слово, но обозначающим какую-то сказку. Как сказал потом папа, целый город из невиданных белых дворцов, называемых павильонами, из великого множества фонтанов, посреди которых стояли покрашенные золотом мужчины и женщины разных народов, а струи воды, вырываясь у них из-под ног, взлетали высоко в непременно безоблачное небо.

ВСХВ — это Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, и там выставлялось лучшее, что делали эти золотые люди, дружившие между собой.

Папа был городской, а не деревенский, работал на заводе слесарем, а не пахал землю, но его послали на ВСХВ как очень хорошего слесаря на очень хорошем заводе, и он, улыбаясь нам с мамой, его провожавшим, уехал в Москву на поезде, который проходил мимо нашего города.

Он уехал, а я заскучал.

Скучать-то мне, конечно, не полагалось: я ходил по утрам в детский сад «Октябренок», и там доставало разных забот — и рисование, и прогулки в ближайший городской сад, где нам давали полную волю дуреть на лужайках.

Еще мы рисовали всякие разности, по своему выбору, но дело шло лучше, когда наша воспитательница Варвара Клавдиевна предлагала нарисовать что-нибудь необыкновенное: паровоз, самолет, пароход...

А потом мы учили стихи и песни, повторяли их дома, и я уже выступал с публичными концертами на полукруглой деревянной эстраде во дворе бабушкиного дома, не говоря про собственный детсад.

Года в четыре еще я выучил Агнию Барто:

Идет бычок, шатается,

Вздыхает на ходу

Вот доска кончается.

Сейчас я упаду.

Я спросил папу:

— А что это за слово — Агния?

— Имя, — ответил он.

— А Барто?

— Фамилия.

Я еще узнал у папы свою фамилию. Он лохматил мне волосы, смеялся, искренне удивлялся:

— Неужели ты не знаешь собственной фамилии? Что ты будешь говорить, если потеряешься?

— Как потеряюсь? — спрашивал я, ничего не понимая.

— А вот так! Окажешься вдруг в чужом городе! Вокруг незнакомые люди. Ты плачешь. И тебя милиционер спрашивает: «Как твоя фамилия, мальчик?» И ты должен сказать, как тебя зовут и как твоя фамилия. И где ты живешь. А то никогда не найдешь нас с мамой.

Я ежился, не понимая, спрашивал, почему я потеряюсь? Зачем? И почему я буду в чужом городе?

— Ну, вдруг война! — шутливо сказал отец. — И вам придется уехать.

— Почему — вам? — задумчиво спросила мама. — А где будешь ты?

Отец почему-то помолчал, а потом ответил:

— Конечно, на войне.

Взрослые затихли.

Мамочка и папа не любили разговаривать про войну. Слушали черную тарелку, нависшую над комодом с не очень большим зеркалом на нем. Из тарелки неслись песни, сообщали разные новости, и тогда взрослые притихали.

Но потом продолжали говорить и жить, будто то, что сказали по радио, нас не касалось.

3

Зато я! В «Октябренке»!

Незадолго до Октябрьского праздника одна тысяча девятьсот сорокового года — и дальше вы поймете, почему я так точно помню такие далекие цифры — со мной начали твориться чудеса. Причиной всему стала моя бабушка — портниха.

Детсад готовился к праздничному утреннику, и она, ни с кем этого не обсуждая, сшила мне маленькую, но настоящую командирскую гимнастерку из темно-зеленой ткани, притачала к воротнику красные петлицы и пуговицы раздобыла, военные, с выпуклыми звездочками — ничего себе!

Добавкой ко всему был ремешок — узенький и не настоящий, не военный, без пряжки и золотого металла, но — все-таки! Я же был простой малыш в коротких штанишках, из-под них высывались длинные чулки на резинках, совершенно девчачьих. И, на тебе, мальчик — гимнастерка!

Но это еще не все, оказывалось!

Потому что бабушка достала из своей волшебной сумки — у меня аж душа взорвалась — маленькую буденовку с настоящей красной звездой на ней!

Она придирчиво оглядывала меня, как, наверное, скульптор осматривает свою работу, примечала недочеты, кивала сама себе головой, будто спорила и соглашалась сама же с собой.

При этом — не проронив ни слова!

Зато Варвара Клавдиевна! Она ни с кем не спорила, даже с собой! Даже про себя, мысленно! Она только восхищалась: восклицала, восторгалась, радостно смеялась!

Мне кажется, она даже слов-то никаких не произносила! Да и зачем какие-то слова, когда и так все ясно!

Она просто исчезла на минутку, потом в коридоре раздался какой-то невнятный звук, дверь пустующего кабинета заведующей распахнулась, и мы с бабушкой увидели, что воспитательница прикатила деревянного коня на колесиках. Из спортзала!

Конь заехал в кабинет, земля улетела у меня из-под ног, и я очутился прямо на коне.

Наступила тихая, какая-то необыкновенная пауза: вежливость, смешанная с благоговением, а я погляделся прямо с конем в большое зеркало отсутствующей заведующей — оно было длиной до самого пола, — и мне понравилось то, что там отразилось.

В коридоре слышались шаги, чьи-то разговоры, может, заведующая возвращалась с совещания, мало ли...

И Варвара Клавдиевна с бабушкой мгновенно переодели меня в обычную одежду, вежливо вывели коня, уложили форму в сумку, враз потерявшую свою волшебность. И бабушка удалилась, заключив с Варварой Клавдиевной тайное соглашение:

— НИ — КО — МУ!

4

Весь оставшийся день воспитательница поглядывала на меня.

И всякий раз по-разному.

Задумчиво. Вопросительно...

Сомневаясь. Печалась...

Но всякий раз — улыбаясь в конце концов!

Потом снова позвала в кабинет заведующей и спросила:

— Хочешь, мы с тобой к утреннику выучим еще и стихотворение. И ты его прочитаешь всем. Называется «Письмо Климу Ворошилову».

И прочитала его мне наизусть.

А я совсем не удивился, потому что не один раз уже слышал его. Только в виде песни. Ее пел какой-то мальчишка в круглой тарелке радио.

Мимолетно я заметил, что Варвара Клавдиевна предлагает мне выучить стихотворение не очень уверенно. Решил, что боится, сумею ли я его запомнить.

Но мысли маленьких людей им бывает трудно сформулировать, поэтому я просто хмыкнул. И она смущенно улыбнулась, догадалась, наверное, добрая душа, что сомневаться во мне не следует, хотя я и мал.

Варвара Клавдиевна была черноволоса, черноглаза и безгранично добра. У нее росли два сына — Герка и Валерка. Герка уже ходил в школу, а Валерка в нашу же группу детсада, да и жили они наискосок от нашего дома — почему я и знал кое-какие подробности жизни нашей воспитательницы. То она заскакивала к нам за лавровым листом для неожиданной ухи, то приносила почитать родителям новую книгу, то хвалила Герку за отличную учебу, а то и ругала его же за учебу плохую, — и всегда-всегда при этом улыбалась. Поэтому я ее никогда не боялся. В общем, воспитательница была хорошо знакома, конечно, прежде всего, с бабушкой и мамой, и уж только потом с отцом, который как-то деликатно всегда обходил эту мою главную воспитательницу.

Уж много-много лет спустя я сообразил, что сперва Варвара Клавдиевна хотела просто восхититься бабушкиной идеей — явить меня на утреннике в костюме командира. А потом придумала не просто на коня с колесиками посадить, но чтобы я еще с коня этого и письмо Ворошилову прочитал. Но не решалась на такой сюрприз без бабушкиного или родительского позволения. Но разве потребуешь от малыша, чтобы он, разучивая стихотворение, не повторял его в свободное от репетиций время? Например, дома.

Я и повторял, да пока обкатывал языком словечки и запоминал их, радио раза два спело песню на эти слова, и я мальчишке, который пел, подтягивал при родителях во время обеда.

— Ишь, ты, — еще удивился папа, — как хорошо ты знаешь эти слова!

— Меня Варвара Клавдиевна учит, — тут же выдал я воспитательницу, а бабушка бросилась на ее выручку:

— Да разве плохо? Такое длинное стихотворение выучил почти на зубок.

— Кто же спорит? — пожал плечами папа.

Премьера моя состоялась под гром аплодисментов. Хлопали, конечно, все воспитательницы, и поварихи, и уборщицы, и даже заведующая, которая с утра заняла свой кабинет, а на утреннике стояла впереди всех взрослых — их было не меньше, чем детей, — и хлопала, улыбаясь во весь рот и громче всех.

Взрослых было много, потому что пришли едва ли не все родители, а еще бабушки и некоторые дедушки, и даже какие-то начальники над всеми детскими садами.

Я со своим стихотворением оказался главным событием дня.

Конечно, я волновался, конечно, пару раз подумал, как бы не перепутать слова, но, сев на коня, хоть и с колесиками, да еще с деревянным ружьем за спиной, я, чтобы сразу привлечь всеобщее внимание, стал громко выкрикивать выученные стихи. Вообще-то это было не очень арти-

стично, но сам смысл стихотворения не просто позволял, а требовал его громкого исполнения. Что я и сделал.

И вот какое, — теперь всеми начисто забытое, — это было стихотворение:

*Климу Ворошилову
Письмо я написал:
— Товарищ Ворошилов,
Народный комиссар!*

*В Красную армию
Нынешний год,
В Красную армию,
Брат мой идет.*

*Товарищ Ворошилов,
Я его люблю!
Товарищ Ворошилов,
Верь ему в бою!*

*На работе первым
Был он кузнецом,
Будет он примерным
В армии бойцом.*

*Товарищ Ворошилов,
Поверь, ты будешь рад,
Когда к тебе на службу
Придет мой старший брат!*

*Слышал я: буржуи
Задумали войну,
Хотят они разграбить
Советскую страну.*

*Товарищ Ворошилов,
Когда начнется бой,
Пускай назначат брата
В отряд передовой!*

*Мой брат стреляет метко, —
Увидишь это сам,
Когда стрелять прикажешь
На фронте по врагам.*

*Товарищ Ворошилов,
А если на войне
Погибнет брат мой милый,
Пиши скорее мне.*

*Товарищ Ворошилов,
Я быстро подрасту
И стану вместо брата
С винтовкой на посту.*

Ясно, что на меня обрушились аплодисменты.

Не могли не обрушиться.

Потом заведующая больно жала мне руку, и еще какой-то толстенный дядька жал тоже больно, а потом бабушка осталась со всеми взрослыми гостями, хотя толпа поредела, потому что утренник закончился. Назавтра был выходной, 7 ноября, детей отпустили домой пораньше, и маленький народ, в сопровождении родителей, расходился по домам.

Отправились домой и мы — мамочка, папа и я.

Военный костюм с меня не сняли — бабушка не дала, пальтишко не застегнуто, на голове буденовка.

На меня все оборачивались. Кто-то улыбался, даже хвалил вслух родителей, но мои родители выглядели немножко растерянными.

Мама почему-то торопливо отговаривалась:

— Спасибо! Спасибо!

И мы все втроем прибавляли шаг. Папа молчал. Дома они в четыре руки переодели меня, и только тут папочка подвел итог.

— Ты молодец, — сказал он, — и стихотворение хорошее. Не только длинное. — Он помолчал и грустно прибавил: — Да и брата у тебя нет. Есть я. И хотя товарища Ворошилова я очень уважаю... Климента Ефремовича... но лучше, если бы никакие буржуи на нас войной не пошли.

Мамочка сказала по-другому.

— Ты знаешь, сынок, что я работаю в поликлинике. В лаборатории. Чтобы помочь тем, кто болеет, мы исследуем человеческую кровь. Но вот подумай — в один день, в один час, в один месяц...

Она вздохнула и задумалась. Я даже решил, что мамочка перестала говорить, но она продолжила:

— Много-много людей — и детей! — вдруг заболеют. Их ранят снаряды и пули! Какой там товарищ Ворошилов!

— Не говори так, — чуть повысил голос отец. — Все правильно прочитал наш сын. Ты молодец, мальчик!

5

Теперь уже могу утверждать точно: это было шестого ноября одна тысяча девятьсот сорокового года.

А папа-то уехал в Москву на ВСХВ летом. В каком именно месяце — забыл. Но про лето помню совершенно точно.

Дело было так.

Мы пошли провожать папу на вокзал, и там он знакомил маму с мужчинами и женщинами, которые ехали в Москву вместе с ним. Знакомил и меня. Сделал он это очень просто, поднял меня на руки и держал, пока все эти люди жали мне ладошку — аккуратно, вежливо, не сильно. Сразу было понятно, какие это деликатные люди.

Потом они взобрались в вагон проходящего поезда, а папа все не уходил в его глубину, стоял за спиной строгого проводника в фуражке и вытягивал голову, улыбаясь и что-то желая одними губами.

Мама молча махала рукой, и я тоже махал. Вагон громко звякнул чем-то железным и медленно покатился.

Поезд ушел, мы печально вышли с перрона и двинулись в сторону дома. Наверное, мы с мамой оба думали о папе, оба думали, что это хорошо — ведь папу послали на ВСХВ как лучшего рабочего... Но вот почему-то грусть не уходила, а, наоборот, подкатывала откуда-то к горлу.

Каким был мой папа? Я подумал об этом тогда совсем по-детски, даже по-малышовски.

Конечно, он был любимым и всегда добрым. Со мной он разговаривал очень ласково, но он так разговаривал со всеми. Он и с мамой никогда не спорил, но все делал по своему хотенью, без всякого «щучьего веления», как в сказке. Пилил и колол дрова для печки, рано утром, когда я только просыпался, его никогда не было, и мама объясняла мне: «Он на работе». Еще папа любил охоту, и иногда, в выходной, даже накануне выходного, исчезал с дядей Мишей, своим приятелем, но к вечеру воскресенья возвращался, чаще всего, с селезнем, и мама готовила похлебку.

Меня очень интересовало папино ружье, называемое двустволкой, и он объяснял мне, что с этим ружьем охотился еще его папа, значит, мой дедушка, который умер, когда я был совсем маленький. И вот дедушка-то был настоящий охотник, не то, что папа. Привозил по дюжине селезней весной, а то и пару гусей.

— Мы кормились его добычей, — непонятно выражался папа, потому что я не знал, как можно есть одних только гусей или одних только уток.

Но это мое малышовое непонимание решительно отодвигали папины слова:

— Вот вырастешь, сынок, и мы с тобой пойдем на охоту вместе!

Я пищал от восторга. Это простое обещание делало моего папочку самым главным человеком на свете.

Я просил дать мне подвигать шомполом в ружейном стволе, когда он возвращался с охоты, посмотреть в ствол, какой он — чистый или не очень, поперебирать латунные гильзы, поглядеть, как насыпается порох, забивается пыж, затем насыпается утиная дробь, и снова закручивается пыж, который надо сначала выколотить с помощью заточенного круглого приспособления и молотка из старого, ненужного валенка.

Когда ружье приводилось в порядок после каждой охоты, папа давал мне подержать его. Поначалу у меня не хватало силенок, и он не выпускал этой тяжести из своих рук. Но потихоньку я подрастал, становился сильнее, и пробил час, когда я смог удержать двустволку в руках сам, без папиной помощи.

Это было весной того, сорокового, года. Отец оглядел меня, в коротких штанишках и с настоящим ружьем наперевес, кивнул вполне серьезно и сказал:

— Уже совсем скоро мы пойдем с тобой на охоту.

— Когда! — крикнул я, захлебнувшись нечаянной радостью.

— Стрелять разрешается с шестнадцати лет... — ответил он, и я застонал, не очень-то еще разбираясь во времени.

А он утешил:

— Время летит быстро! — И, поглядев на меня повнимательнее, добавил: — Можно на охоту ходить, но не охотиться. Просто сходить!

Ну, ведь ничего особенного не сказал. Проговорил обыкновенные слова, но, сам того не понимая, влюбил меня в себя еще больше. Хотя разве можно полюбить за обещание чего-то далекого?

Да и вообще влюбиться за что-то?

Любят не за что. Любят просто потому, что любят!

Любят за то, что ты дорогой, ты кровинка родная, и тебя жалко, хотя, вроде, и жалеть бывает не за что.

Став взрослым, — и даже очень взрослым, — я вычитал у одного поэта слова: «Мирами правит жалость, любовью внушена...» Так что любовь и жалость ходят рука об руку — как детсадовцы на прогулке — делая людей человеками. И происходит это всю жизнь, до смерти, а не только с детьми.

Но у детей жалость всегда внушена любовью, а если жалости нет, то нет и любви...

И я отчаянно, как бы растворяясь в нем, любил своего папу, почти ничего не зная про него. А что нужно знать о любимом человеке? Да ничего! Просто — люби его!

Я и мамочку любил, шагая рядом с ней. Рука моя была в ее руке. Иногда эта рука подтягивала меня, чтобы я шел быстрее. Мы обменивались простыми словами, и это тоже была любовь.

— Ты устал? — спрашивала мама.

Я действительно устал, ведь у нас до вокзала приходилось идти пешком почти целый час. Но отвечал:

— Разве можно сегодня устать?

— Какой ты молодец! — улыбалась мама откуда-то сверху. — Совсем мужчина!

— Если бы я был мужчиной! — восклицал я.

— Ну, не торопись, — сбавляла она шаг. — Настанет твое время!

6

Я еще тогда, совсем маленьким, понял, что мой папа любит возвращаться неожиданно.

Конечно, в те времена мы жили по-другому, даже телефоны были только на почте, да в редких учреждениях, но не пойдешь же туда просить позвонить. Да и кому звонить-то, если ни у кого этой связи нет? Телеграммы? Их посылали только по важным случаям. А письма, хотя ходили исправно, шли подолгу.

Поэтому папа возвращался без всяких предупреждений, и всегда из-за этого получался праздник.

В тот раз из Москвы он вернулся очень рано, даже разбудил нас, но мы с мамой очень радовались, да и на работу — а мне в садик — идти не требовалось, приезд совпал с воскресеньем, и мы, громко разговаривая, умылись, позавтракали, и только тогда папочка торжественно сказал:

— А теперь завешиваем окна!

— Зачем? — удивилась мама, а я вытаращился на папочку в ожидании, конечно же, чуда. И оно совершилось.

Окна долго завешивали одеялами, папе пришлось применить гвоздики и молоток, и тут он вытащил из старого рюкзака какую-то коробку. Она походила на швейную машинку, только гораздо меньше, и сверху была полукруглой и с железной ручкой, почти как у машинки. Папа снял крышку, и перед нами предстал неведомый прибор: носик со стеклами, как у фотоаппарата, приделанный к металлическому коробу. Папа щелкнул пальцем по нему, раздался краткий звук легкого металла, и наш волшебник весело произнес:

— Знакомьтесь! Аллоскоп Аллоскопович!

— Кто-о-о? — дуэтом протянули мы с мамой.

— Аллоскоп, — серьезно пояснил отец. — Домашнее кино. Но показывает он не кинофильмы, а диафильмы. — Он как-то подчеркнул, выделил голосом эти слова, и мы окончательно притихли, не понимая разницы.

Он покопался в аппарате, накрутил туда что-то блестящее, как объяснил, из целлулоида, хлопнул, щелкнул, мама выключила свет, — ведь не в темноте же мы сидели, завесив одеялами окна, — и на простыне, которую папа прицепил к стене, началось кино.

Нет, конечно, совсем не кино. Аппарат совершенно изумительно и ярко показывал цветные картинки, а под ними были подписи. И эти подписи принялась читать мамочка.

— «Синяя птица», — проговорила она торжественно. — По пьесе Мориса Метерлинка. Студия «Союздиафильм».

С каждым словом мамина речь звучала все мягче, как будто она сама становилась добрее, хотя я никого не знал добрее мамочки. Будто взяла и враз превратилась в волшебницу. И слова она произносила какие-то удивительные. Ведь даже героев этой сказки звали именами, мной не знаемыми и сказочными. Мальчика — Тильтиль, а девочку — Митиль. Будто не имена звучат, а часики тикают: тиль-тиль-ми-тиль.

Так вот: приходит к ним соседка-старушка и дарит шапку с волшебным камнем. Тильтиль ее надевает, поворачивает, и весь мир становится другим: старушка оказывается прекрасной молодой феей по имени Бирюлина,

Кот и Собака не просто разговаривают, а еще и ведут себя, как люди — спорят, пререкаются. Огонь, Вода, Хлеб и все другое, что кажется людям бессловесным, вдруг говорят, страдают, радуются. И выходит, что все в мире имеет свою душу, все подряд переживает, все страдает и все ищет помощи — великой, ласковой, бесконечной. Кто принесет эту справедливую помощь? Ведь ее желает получить все, что есть и что составляет мир во всех его, кажется, безмолвных мелочах. И мудрая фея Бирюлина объясняет: всем поможет только Синяя птица. Но ее надо поймать, чтобы она всем помогла!

В самом начале Тильтиль и Митиль просто хотят есть, завидуя полному столу соседей, собравшихся на Рождественский праздник.

А в самом конце они помогают всем бедным и всему, что считается не живым. Но что имеет Душу.

Папа менял картинку, поворачивая круглую ручку, и мама читала подписи под ними.

И тут я спросил их обоих:

— А душа — это что? Когда разговаривают вещи?

Мама и папа неожиданно смолкли. Они всегда довольно быстро отвечали на мои вопросы, но тут воцарилась тишина. В этот самый момент на экране появилось и стало расплываться коричневое пятно. Папа вскрикнул и выключил Аллоскопа Аллоскоповича, быстро открыл заднюю крышку, откуда тянуло жаром, и воскликнул:

— Перегрелся!

Уже потом, подрастая, научившись управлять Аллоскопом сам, я узнал одно главное правило: пленка, на которой делались диафильмы, из целлулоида, а он, этот целлулоид, быстро вспыхивает от жары, которая направлена на него яркой-яркой, хоть и небольшой ослепляющей лампочкой. А потому медлить нельзя, а надо быстро читать подпись и внимательно разглядывать картинку. Задумываться, о чем-нибудь болтать, отвлекаться или отходить от аппарата строго воспрещается!

Пленку папа отремонтировал. Он достал ее из аппарата, вырезал ножницами прогоревшую картинку. Потом помазал краешки особым клеем и соединил их вместе.

Мама стянула одеяла, мы сели за стол, и папа стал подробно объяснять нам, как устроен прибор.

— А почему, — спросил я, — ты называешь его так важно: Аллоскоп Аллоскопович?

— Из уважения, — ответил мой любимый папа. — Вот он взял и поехал из Москвы, чтобы показать тебе диафильм. Почти кино.

— Спасибоочки! — воскликнул я, погладил Аллоскоп по спинке, а сам передвинулся к папе и обнял его за шею.

Еще я сказал ему:

— Это тебе, папуля, спасибо! За то, что привез Аллоскопа Аллоскоповича!

— Ладно, — согласился папа, — ну, так давай будем звать его родственному, просто — Аллоскоп! — И вдруг ответил на мой, я думал, забытый вопрос: — А душа — это невидимая сила. Людям она дает доброту, разум, чувство прекрасного.

— И ужасного, — сказала откуда-то из-за спины мамочка.

— Ну да, — ответил папа, — страх тоже откуда-то берется, наверное, из души. Ты знаешь, есть народы, которые верят, что, когда человек умирает, его душа переселяется в кого-то другого, в птичку-синичку, например, или в снегиря. А может, в доброго коня...

— Или в усталую лошадку, — пошутила мамочка.

Папа усмехнулся.

— Никто ее не видел, душу, но все верят, что она есть. Давай, мальчик будем верить и мы.

7

А потом он произнес совершенно неожиданное:

— Но ведь это еще не все.

— Господи! — охнула мама.

— Давайте-ка, — встал папа со стула, — мне тазик, например! И налейте в него водицы.

Мамочка шагнула за перегородку и вынесла тазик с водой на улицу. А я все сидел возле папы, смотрел внимательно, как он вынимает совсем небольшую коробочку, а из нее маленький катерок, совершенно синенький, с белой полоской от носа до хвоста и красной звездочкой на боку.

И вставляет в брюшко лодочки крохотную свечку, которая помещалась в такую же маленькую площадку с тоненькой длинненькой железной ручкой.

Мы вышли во двор, папа зажег спичкой свечечку в плошке, вставил ее в животик катера, тот подумал немножко и... вдруг поплыл!

Без шума, тихо, но быстро!

Тазик был круглый, и потому катер мчался вдоль круглого берега — быстро, без всяких рывков, но если бы этих железных берегов не было, он бы помчался прямо.

Я прыгал возле тазика, я скакал то на одной, то на другой ножке, я вешался на шею папе и целовал его в колючую щеку, потому что он приехал и сразу стал доставать подарки! Даже не побрился.

Ну а кораблик продолжал плыть и плыть, не останавливаясь. К нам подошла бабушка, качала головой, слова говорила хорошие, благодарственные, а потом подошла почтальонша, которая принесла журнал «Мурзилка» для меня — надо же, как все сошлось! Ну а потом стали подбираться мои приятели, хотя у небольших людей такие же небольшие приятели, и они поодиночке-то не ходят, а только в сопровождении старших. Приметив это, папа неожиданно предложил маме и бабушке:

— А если мы пойдем к Варваре Клавдиевне и попросим взять кораблик в сад? Пусть побольше ребят увидят этот кораблик!

Бабушка тут же уточнила:

— Да пусть она сама прямо сюда сейчас придет! Я ее позову! Вместе с ребятами!

И они появились все втроем — черноволосая Варвара Клавдиевна и Лерка с Геркой. Несмотря на то, что Герка уже учился, удивлялся он не меньше, чем младший брат, и мне улыбался вовсе не небрежной улыбкой старшего малышу, а даже как-то почтительно. Меня это смущало.

Ну да, кораблик привез не кому-нибудь, а мне мой папа с ВСХВ, и, значит, кораблик мой, но я не чувствовал тогда, еще не понимал, что значит — мой или не мой. Мне было бы понятнее просто смотреть, просто удивляться и просто радоваться невиданному кораблику, без всяких там мыслей — чей он и кому принадлежит.

Варвара Клавдиевна, сверкая черными глазами, подталкивала Герку и Лерку к тазику, хотя они слегка упирались, и хвалила за что-то отца и мамочку, не обходя, конечно, бабушку, которая и позвала эту семью, а теперь улыбалась, довольная.

Катер воспитательница моя не взяла, его принесла мама, когда утром повела меня в сад, и уж тогда Варвара Клавдиевна устроила настоящее представление в большой, настоящей ванне. Ребята из разных групп, сопровождаемые своими воспитательницами, приходили смотреть, как плавает удивительный бесшумный катер с красной звездочкой на борту, прибывший к нам с Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Варвара Клавдиевна всякий раз, поставив новую свечечку и запустив катер, удалялась по своим воспитательским делам, а я так и вообще жил своей жизнью — ходил, разговаривал, ел... Но постоянно возвращался в ванную комнату.

Катер плыл и плыл, его окружали ребята из других групп, и они не знали, что я имею отношение к этому чуду, так что события подавали мне пример, как же по-разному можно удивляться.

Одни стояли молча, другие кричали, третьи брызгали на катер водой из ванны, по которой он плыл, но огонек свечки помещался внутри, и те, кто

брызгал, туда не попадали. А некоторые попадали, и катер останавливался. Один раз это произошло при мне. Я крикнул, вернее, просто издал возглас удивления. Может, крикнул «Ай!», как будто мне самому стало больно. Или, может, «Эй!», стараясь одернуть нахального шалуна. Но меня перекрыл общий гам, прибежала воспитательница той группы, потом появилась Варвара Клавдиевна, и всех быстро вывели. Всех, кроме меня.

— Вот видишь, — повторяла моя воспитательница. — Вот видишь! — и не договаривала, не объясняла, что я вижу. Она достала кораблик, протерла его и сверху, и изнутри, сменила свечечку, зажгла ее, и катер поплыл дальше.

Снова привели кучку ребят.

В тот день я ходил без спроса по всему садику, и никто меня не останавливал, ничего не спрашивал и ничего не требовал. Только все улыбались. По крайней мере, взрослые. И я потихоньку пробрался на узкую лесенку, ведущую на чердак. Дверь туда была похожа на люк, ведущий снизу, да еще запиравшийся тяжелым железным засовом, так что малыши туда залезть не могли. Но посидеть на лесенке, ведущей вверх, могли даже очень.

И я поднялся туда, сел на ступеньку и задумался.

Я думал про Тильтиля и Митилю, про Синюю птицу и про Души, которые есть у всего. И у кораблика, значит, была Душа. И у Огня, который что-то согревал в кораблике с помощью этой Души. Душа кораблика позволяла ему плыть.

Мне очень нравилась невидимая тайна обо всем: у всего есть Душа. А уж про людей и говорить нечего.

Тот день тянулся отчего-то медленно, тягуче, будто мед с ложечки, когда достаешь его из банки. И я подумал, что мальчишка плеснул водой и погасил кораблик просто от удивления его Души, ведь она у него еще никогда не видела таких чудес. И я тем утешился, облегченно спускаясь по таинственной лестничке и снова приближаясь к ванной комнате, где слышались громкие голоса.

Там были те, кто постарше. Этих ребят осенью провожали в школу, и они считались взрослыми, по сравнению с нами.

— Ой! — воскликнула Варвара Клавдиевна, заметив меня. — Вот и Коля! Это его кораблик, спасибо ему, он принес его, чтобы вы все порадовались! Ведь, правда, как здорово!

Я стоял, наверное, покраснев. Зря Варвара Клавдиевна меня хвалит, я-то тут при чем, это же папа предложил, а сначала — привез.

Их было человек семь, старшегруппников, большинство — мальчишки, и один из них в этом месте вдруг истошно как-то захохотал. Я знал, его

звали почему-то Черемис, наверное, фамилия Черемисов, — и вот он гаркнул, прерываясь, будто бы заикаясь:

— Смотрите! Как тонут! Ваши! Корабли!

Затем резко наклонился к воде, зачерпнул ее двумя руками и бросил на катер. А потом еще и еще, с какой-то яростью и злостью. Огонек в катере погас, а пригоршни воды перевернули его вверх дном.

Я опять бессвязно вскрикнул, закричала и остальная ребятня, возмущенно выкрикивала что-то Варвара Клавдиевна, а Черемис злобно бросил мне:

— А чего хвастаешь!

И, уже обращаясь ко всем, крикнул:

— У него есть! А я что — рыжий?

Я не понимал, что должен делать. Как отвечать — и отвечать ли? Что говорить — и говорить ли?

И я беспомощно заплакал.

8

Домой в тот раз мы шли втроем. Я и бабушка, как положено, но с нами отправилась и Варвара Клавдиевна, ведь она с Геркой и Валеркой жила наискосок от нас.

Взрослые, честно говоря, когда идут рядом с маленькими, почему-то забывают, что эти маленькие — такие же люди. Хоть и не все понимающие, но все слышащие и обо всем думающие — пусть и по-своему, по-малышовски.

Ну, и тогда я послушал взрослые рассуждения о неведомых мне предметах.

— Выходит, — начала бабушка, — ошиблись мы с вами?

— Почему же, — возразила Варвара Клавдиевна, — порадовали всех ребят. Кроме одного. Ну, мало ли что на кого накатит? А разве у нас, взрослых, не так?

— Так-то так, — глубокомысленно размышляла бабушка, — но вы же знаете поговорку: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Знающие люди утверждают: дети продолжение взрослых, и они часто выговаривают то, что думают их родители. Даже повторяют их.

— Как глубоко копаете! — восхитилась воспитательница. — А надо? Ну, брякнул мальчишка, просто прорвало! Так, может, правильнее забыть?

Я и хотел забыть.

Только не забывалось.

Вечером бабушка предложила мне посидеть на улице, а сама увлекла маму и папу домой, чтобы рассказать о странной сцене. Я даже облегчен-

но вздохнул, что меня освободили от обсуждения, и снова сидел перед нашим круглым тазиком, где катерок упорно и надежно плыл и плыл вдоль круглых берегов.

Я успокоился, отодвинулся от события в детском саду. И снова стал думать про Душу маленького огонька внутри кораблика, про Синюю птицу, которая приносит счастье не только людям, но и всему остальному, что есть в мире.

Вот низко надо мной носятся стрижи, значит, всегда говорит папа, будет дождь. Но ведь стрижи откуда-то знают это лучше людей. И не только знают, но и предупреждают своими криками, беспокоятся за нас, а мы их не понимаем, потому что у нас нет шапки с волшебным камнем. Но, может, надо и без шапки что-то понимать и чувствовать?

А огонек внутри кораблика? А вода, по которой он плывет? А круглый эмалированный тазик, где купали меня, когда я был совсем маленьким, и тазик с тех пор как бы мой добрый родственник, со мной он знаком, но кораблики, пусть и игрушечные, по нему еще не плавали. Интересно, что бы он сказал сейчас, будь у меня волшебная шапка?

И я попробовал сказать что-нибудь от имени тазика. Сморщил лоб и вгляделся в него. Ну, наверное, он бы сказал:

— Что это вы там придумали? Во мне можно купать тебя, если ты маленький! Стирать платки и носки — добро пожаловать! Замачивать рубашки твоего папы, наконец, когда он, усталый, приходит домой с завода. Но кораблики не плавают в тазиках! Им нужны лужи! Ручьи! Речки! Даже, может быть, океаны!

— Нет, — возразил бы я, — для океанов этот катерок слишком мал, да и свечка в его пузике мала для больших морей! Так что самое подходящее — это ты. Видишь, что сегодня получилось! Даже ванна в детском саду и много детей, его разглядывающих, оказались ему велики!

И тут бы тазик вздохнул и проговорил бы:

— Нет, не размеры всему помеха! А предрассудки!

— Что это? — спросил бы я.

— Это когда люди одни и те же вещи понимают по-разному.

Такие слова и такие мысли пока не принадлежали мне, и я задумался, то ли размышляя о непонятном, то ли засыпая.

А катерок упорно и молчаливо крутился по тазу.

Не скрипнув, у меня за спиной отворилась наша простецкая деревянная дверь, покрашенная в светло-коричневый цвет, — а ведь она всегда скрипела, — и бабушка, мама и папа, не издав ни единого звука, будто тени, переместились на бревнышко передо мной. Папа закурил свою «Звездочку», неслышно чиркнув спичкой. Он почему-то любил эту «Звездочку» —

там были нарисованы два вооруженных бойца на мотоцикле — один за рулем, второй — в коляске, с пулеметом, а за спиной большая красная звезда, и папа всегда говорил, когда речь заходила о папиросах:

— Нам «Казбеков» не надо! Нам подавай «Звездочку»!

«Казбек», кто не знает, дорогие папиросы в коробке.

Так что папа зажег дешевую «Звездочку», раскурил ее и покрутил ею: уже настали летние сумерки, а у него это здорово всегда получалось: крутить для меня круги, линии, квадраты, зигзаги и прочие фигуры папиросным огоньком в темноте.

Молча, без разговоров.

И я, будто в сказке, забыв беспокойный день, смотрел на линии, которые рисовал папа, и маленькое сердце мое трепетало, как взрослое.

9

И тут случилось совсем неожиданное!

Папа вдруг ткнул папироску в землю, вскочил и воскликнул, что было совершенно не похоже на него:

— Боже! Я же забыл еще один подарок! И, может быть, самый главный!

Он исчез в нашей двери, в комнате пробыл какие-то полминуты, потом над дверью вспыхнула наша уличная лампочка, развеяв мрак, и папа, вышедший на улицу, протянул мне мишку. Игрушечного медведя.

Конечно, я схватил его, конечно, поцеловал в нос, конечно, мама и бабушка издали возгласы удивления и радости, а я дал им полюбоваться медвежонком, и, ясное дело, медвежонок улегся спать со мной на подушку, когда настал этот миг.

Он был — и есть! — не большой, но и не маленький, а сделан из какой-то редкой нынче материи — коричневой и в крупный рубчик. Глазки — маленькие пуговички, а на шее толстая красно-синяя ниточка из шерсти.

Вот и все. Но разве этого мало!

Я обнял папочку, а он поднял меня и прижал к себе. Так получилось, что одной рукой я обнимал моего папочку, а другой медвежонок из Москвы, которого он мне подарил летом одна тысяча девятьсот сорокового года.

Не напрасно мама сказала мне, откуда-то из полумрака:

— Это тебе ко дню рождения!

— Нет, — сказал папа, — это просто подарок.

Я же засыпал у папы на руках.

Я улыбнулся ему, улыбался мамочке и бабушке, улыбался Аллоскопу Аллоскоповичу и катерку, движущемуся — надо же! — не от трескучего моторчика, а от молчаливой свечки.

И у всего-всего-всего, что и кто меня окружает, была Душа, понимающая меня.

10

А что же Черемис? Или мне стоило забыть о нем? Но ведь если есть Душа у свечечки, у маленького огонька, и даже у тазика, почему у Черемиса не должно ее быть?

Пока не закончилось лето, я сталкивался с ним в нашем садике — невзначай оказывались друг перед другом в физкультурном зале или в столовой, например. Он тараторил на меня, всегда молча, а я отводил глаза и обходил его, если мы двигались навстречу друг другу. Когда те, кто подрос, перешли в школу, Варвара Клавдиевна, ни к кому не обращаясь, сообщила, что многие детсадовцы идут вовсе не напрямую в первый класс, а в подготовительные группы, и только уж через год, как следует подготовив к занятиям, их переведут в первоклассники.

Вообще-то наша воспитательница очень заботилась о нас, предупреждая и детей, не очень смысленных, и родителей: надо, мол, еще в детсаду выучить азбуку и читать маленькие книжки с большими буквами. А если еще и научиться считать до ста, то подготовка получится очень полезной.

И уж только потом, глубокой осенью, кто-то сообщил, что Черемис-то и оказался в подготовительном классе. Ну а мне рано было думать о школьных заботах.

Ко мне совсем скоро приблизился тот самый октябрь в «Октябренке», где на глазах у всех и громким голосом, я почти прокричал то самое стихотворение — «Товарищ Ворошилов, народный комиссар». И на стенке в нашей комнате, в простенькой картонной рамочке появилась большая фотография, где я сижу на коне с деревянным ружьем за спиной, в красноармейской гимнастерке и в буденовке.

Мамочка, глядя на эту фотографию, всегда улыбалась, но как-то очень сдержанно. А папа кивал головой бодро, но почему-то вздыхал. И я у них однажды спросил со всей прямоотой:

— Вы не хотите, чтобы я стал красноармейцем?

Лица у них вытянулись. Оба смотрели на меня с удивлением. И оба высказались уклончиво.

Мама сказала:

— До этого еще далеко! Решишь сам.

А папа вообще ушел от ответа:

— Как быстро ты растешь, сынок!

— Да я медленно расту, — возразил я папе, а он, погладив меня по голове, произнес:

— Быстро, быстро, поверь нам с мамой. Может, быстрее всех.

Тут я засмеялся — ведь на самом-то деле я ничего еще не хотел, — подскочил к ним обоим, и они меня просто обняли.

11

Вот, может, и вся история моих довоенных игрушек.

На новый, одна тысяча девятьсот сорок первый год, мама купила несколько мандаринок в бумажных обертках и подвесила их вместе с елочными игрушками на елку. А я их потом съел — и ведь нельзя считать, что я съел игрушки?

Алоскоп мы сначала включали чуть не каждый вечер, ведь папа же привез с ВСХВ целую коробочку диафильмов, и я узнал про «Огниво» и «Маленького Мука» не в книжках, а на простыне, которую вывешивала мамочка вместо экрана.

Но из всех сказок той поры «Синяя птица» оказалась важнее всех. И когда я чего-то не понимал в своей, лишь начинающейся, жизни, я думал про Душу, которая есть у всего, что нас окружает. Это меня каким-то образом ПРИМИРЯЛО со всем, что вокруг.

Наверное, поэтому я не любил ничего ломать, хотя бы ветки деревьев или кустов — ведь им больно! Никогда и подумать не мог, что можно швырнуть камнем — или хотя бы камушком! — в кошку или бродячую собаку, полезть в драку с тем, с кем в чем-то не согласен, или ответить бранью на ругань из уст такого же, как ты, малыша.

Я очень верил, что МИР лучше ВРАЖДЫ.

А потому, наверное, казался кому-то слабым. Но не я же один такой был, — только все по разным причинам, — и Варвара Клавдиевна старалась сделать нас сильнее.

Мы занимались гимнастикой в зале, долго гуляли перед обедом и дневным сном, вырабатывая выносливость, но любимым ее делом было пение — ни одного дня мы не прожили в детсаду без песен.

Все, что было на слуху, например, пелось по радио, через день или два уже распевала наша группа под аккомпанемент тетеньки у пианино. И это, правда, помогало. Разве можно скучать и слабеть, если поешь, например, такие слова:

*На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые родины стоят.*

По крайней мере, я оживал: ведь часовые родины стояли на тех суровых берегах в буденовках, как у меня, и я-то уж знал, что это такое.

Детская память чиста.

Она свободна от лишних знаний.

И, наверное, поэтому мы запоминали длинные стихотворения, которые сопровождала музыка, не всегда, конечно, понимая их глубокое значение.

Но если ты часто их повторяешь, а еще лучше — поешь, музыка слова эти укрепляет, а всякого, кто поет, делает увереннее.

Вот мы и пели:

*Если завтра война, — всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока.
Всколыхнется страна, велика и сильна,
И врага разобьем мы жестоко.*

*На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война, если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!*

Иногда, когда хорошее настроение, например, после ужина с папой и мамочкой, я запевал что-то из песен, выученных в детском саду. И — удивительное дело! — папа всегда пел вместе со мной, оказывается, он тоже знал все эти слова, и про «часовых родины», и «если завтра война».

Но вот мамочка нас не поддерживала.

Она или выбегала на кухню, или опускала голову и закрывала глаза. А сквозь закрытые веки глаз выкатывались слезинки.

Я не понимал, почему она плачет. Ведь песни такие бодрые, а слова — правильные, и они дают силу даже мне, не говоря, наверное, про папу, а ей отчего-то больно.

Это же всем известно, что люди плачут, когда они, например, стукнутся, и им больно.

12

За Новым годом, с мандаринками в бумажках на нашей небольшой домашней елочке, постепенно пришла весна. Папа ходил на охоту с дядей Мишей и опять принес селезня, а я горевал обиженно, когда он не согласился взять меня с собой. Ведь обещал!

— Конечно, обещал! — отвечал мне бодро папа. — И сдержу свое обещание. Но пока тебе рано! Пойми! Тебе только шестой год! А надо очень далеко идти пешком.

Мы с мамой и бабушкой проводили его до угла и смотрели, как он со своим другом уходит в сторону солнца, на закат, и исчезает в его бронзовых, слепящих лучах, потому что солнце закатывалось за горизонт.

Через день, когда он вернулся, и мы опять всей семьей ели вкусную похлебку, я зачем-то спросил:

— А почему ты всегда приносишь селезня, а не утку? — Уже разобрался, что селезни — это мужчины, а утки — женщины.

— Уток весной бить запрещается, — ответил папа. — Ведь утки скоро снесут яички, как курицы, из них вылупятся детки — и селезнята, и утята. И род утиный продолжится, и мальчиков, и девочек утиных прибавится. А папу их, селезня, можно отправить в кастрюлю.

— Перестань! — дернулась мама.

Но отец улыбнулся ей и сказал:

— Но ведь и у людей так же! — Но все-таки смягчился: — Главное, деток сберечь! И утиных тоже! И всяких других!

Больше спорить не стали.

И еще одна удивительная подробность засела мне в память о том коротком времени — когда я научился помнить, что со мной происходило, и до страшной беды, до войны.

Первого мая одна тысяча девятьсот сорок первого года, как и всегда, объявлялась праздничная демонстрация. Папочке требовалось быть там обязательно, в колонне завода, где он работал. Кроме того, он был партийным, и, как сказал мне тогда, партия — это люди, много-много тысяч и миллионов взрослых дяденек и тетенок, которые выбирают общее дело и это дело делают, чтобы жизнь всего народа — и детей тоже — стала лучше.

А в тот день, когда мы шли на демонстрацию, с каждым шагом к своему заводу папа становился веселее, энергичнее, даже, кажется, руки его — одной рукой он сжимал мою ладошку — становились крепче и тверже.

И вот когда мы подошли к площади, на которой музыканты играли марш, а над толпой колыхались большие красные флаги с серпом и молотом, какой-то худой и черноволосый мужчина закричал, обращаясь к моему папе:

— Вот он! Наконец-то! А то мы его заждались!

Папа громко засмеялся и так же громко ответил:

— Видите, я не один!

И тут же нас окружила целая человеческая гурьба. Мне жали руку взрослые дяденьки и тетеньки, хвалили разными словами, а тот дядька крикнул папе:

— Но ты же должен нести знамя! Тебя выбрали!

И папа вдруг ответил:

— Вот мое знамя!

Он ловко снял с меня легкое пальтишко, надел мне на голову буденовку и вскинул махом себе на плечи.

Я-то привык к этому, а тут взрослые люди, может, первый раз увидели маленького человека в гимнастерке, с петлицами, в буденовке со звездой и с блестящим ремешком!

Наверное, они и так сильно удивились, но я еще и вытянулся у папы на плечах, как полагается командирам в кавалерийском седле, и поднес руку к виску.

Вот дела! Оркестр, который только что громко играл, даже смолк, и я сверху увидел, что музыканты смотрят на меня с удивлением. Странно смотрят, будто поражены чем-то. Но это длилось недолго, какое-нибудь мгновение, а потом барабанщик с огромным барабаном бахнул в него, и оркестр заиграл знакомую мне мелодию. И я запел своим слабеньким, конечно же, в этом грохоте голоском.

Но это оказалось совсем не важно, потому что пела вся площадь, все дяденьки и тетеньки, стоящие подо мной — ведь я-то был все-таки над ними, на плечах у папы, — и сильным, крепким, может быть, даже решительным хором, и одним громадным голосом, одной Душой, — да, одной общей Душой, — мы пели:

*Если завтра война, если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!*

И тот худой и длиннолицый подошел к нам, пожал папе руку и вдруг сказал, показывая на меня:

— Ты прав, друг! Это и есть наше лучшее знамя!

А дальше я окунулся в шипучий и колючий океан! Будто я купаюсь в сладкой газировке, она обволакивает меня, в ней можно купаться и можно ее пить. Да еще и мурашки по мне ползают! Я даже смело подумал, что это моя маленькая Душа ликует от небывалого: этого неба чистого, громкого голоса тысяч взрослых людей, шелкового трепета красных знамен, а еще моей высоты, откуда я вижу невиданные раньше просторы улиц, домиков и домов, людей, стоящих на обочинах дороги, которые кричат и машут шапками.

И ведь все это — мне!

Вернее — нам. Всем нам!

Перед нами в один миг выстроился целый ряд молодых парней с красными флагами! Они трепыхались, метались, эти флаги, громко хлопали от ветра. А потом разом двинулись вперед. И папа, со мной на плечах, оказался сразу за ними. Он попробовал, было, свернуть в сторону, к краю дороги, но ему замахали руками, закричали, велели идти спокойно в колонне. И мы с папой пошли за флагами.

Я обернулся. За нами двигались люди, много-много взрослых. Они смеялись, перекрикивались, пели — всякому ясно, что у них радостное настроение.

Но мы с папой оказались как-то оторванными от всех.

Впереди — будто занавес из трепещущих флагов. Позади — огромный оркестр, который гремит настоящим громом. А дальше — колонна веселых людей.

Мы — в промежутке.

Нет, не успел я огорчиться или просто испугаться такого нашего нечаянного расположения. В какой-то миг флаги перед нами расступились, и кто-то крикнул папе:

— Вперед!

И папа почти бегом вынес меня вперед, обогнал знаменосцев и пошел перед ними.

Мой любимый папа со мной на плечах шагал впереди всех.

И я снова вытянулся и поднес руку к буденовке.

13

А еще через один месяц и двадцать два дня, в воскресенье, к нам пришли гости — дядя Миша, с которым папа ходил охотиться на селезней, и его жена тетя Лена.

Рядом с домом доцветала вишня — белоснежные цветы ее уже начинали осыпаться, но все равно она сияла какой-то светлой радостью.

Взрослые принесли стеганые одеяла, чтобы нас не просквозила земляная сырость, посидели, поговорили о каких-то своих взрослых делах, которые я не умел слушать, а потом папа с дядей Мишей решили сходить с бурачком за пивом: совсем близко, на углу, в подвале, была пивная.

Они вернулись быстро, и я, взглянув на папу, понял, что пришла беда.

Губы у него сжались и побледнели. И хотя он смотрел на меня, яобразил, что он меня не видит.

— Война! — тихо произнес папа и ушел домой, переодеваться.

Мама побежала за ним. Когда папа вышел переодетый, как на работу, гости уже ушли, не попрощавшись.

Вечером, вернувшись, папа сказал:

— Мне дают бронь. Но я записался добровольцем.

Бабушка тогда заплакала, а мама опустила голову.

Так началась война.

Она по-разному началась для всех.

Но во мне этот сад и цветущая вишня остались навсегда.

Навсегда, пока есть я.

Они и исчезнут только вместе со мной.

И так происходит со всеми.

Всегда.

14

И с этой вишней, со стегаными одеялами на поляне остались незабытыми довоенные игрушки.

Конечно, Аллоскопа Аллоскоповича не назовешь игрушкой, это целый аппарат. Но цветные сказки на простыне, развешенной по стенке, я помню, будто видел их вчера. А Тильтиль и Митиль смотрят и смотрят на меня, как будто спрашивают:

— А ты, мальчик, помнишь, что у всего есть Душа?

Мне стыдно говорить, что я уже давно не мальчик, но так отвечать неправильно, если речь идет о Душе.

Душа же всегда одинакова, или, вернее, равна.

Душа дается при рождении и отнимается в конце жизни — это у людей.

А у вещей конца жизни нет, если их не ломают. Или они не ломаются сами, не превращаются в рухлядь или в пыль.

Я много-много лет, по крайней мере, всю войну, смотрел с мамочкой Аллоскоп. Потом его вытеснили кинотеатры и кинофильмы, и он спрятался в чулане, среди ненужных вещей — прости, товарищ!

Исчез из моей жизни и кораблик, который прибыл ко мне из страны ВСХВ.

Но вот медвежонок с сине-красной ниточкой на шее по-прежнему со мной. Он сидит в моем книжном шкафу, за уголком, и поэтому как бы пребывает в полумраке. Но я знаю, что он там, и когда мне очень хорошо или когда очень плохо, я достаю его и смотрю, изменился ли медвежонок, как изменился сам я.

Сначала он смотрит на меня пустым стеклянным взглядом, и я знаю, что он обижен на меня. Обижен справедливо. Уж очень долго я не встречался с ним, не говорил с ним, не рассказывал ему про свои радости и печали.

Я знаю, что его Душа все знает обо мне и с обидой понимает мою неправильную привычку — когда мне плохо, приходиться к нему, а когда хорошо, то и вовсе про него не вспоминать.

И я перед ним извиняюсь, как могу и умею.

Я повторяю, вздрагивая всякий раз, от страшной глубины этих слов, сказанных людям:

«СЕРДЦЕ МУДРЫХ — В ДОМЕ ПЕЧАЛИ,
СЕРДЦЕ ГЛУПЫХ — В ДОМЕ РАДОСТИ».

Медвежонок смотрит стеклянным взором, но я знаю, что мне надо донуть на его глазки и потереть их, — обязательно своим рукавом, — и еще раз, и еще. И тогда эти глазки посмотрят на меня совсем по-другому. Они вспомнят меня. Узнают.

Медвежонок не умеет говорить, но я знаю, что бы спросил он, если бы мог. Он спросил бы меня:

— Не забыл?

— Не забыл! Прости, прости, прости меня! Но я не забыл свои игрушки.

А значит, жизнь.

И не только свою.

Вместо эпилога

А где же Черемис?

Он учился в другой школе, на два года старше меня. Когда я был в первом, он зацепил меня.

Появился в конце войны — начале мира такой хулиганский прием у детей, обозначающий не то нелюбовь, не то превосходство, но уж никак не безразличие.

Ты, допустим, идешь по тротуару, а тебе навстречу некий тип такого же возраста, впрочем, порой и слабее. Он смотрит куда-то в сторону, потом выравнивает курс и цепляет тебя своим плечом. И раз уж этот удар запланирован, он всегда сильнее и поворачивает тебя против хода.

Такой вот способ не сбить тебя с ног, но показать, что ты на них не крепко стоишь. В общем, выразить отношение — не ударом, а обманом.

Так вот я шел себе и шел по улице, о чем-то своем размышляя, и вдруг меня развернуло вокруг самого себя, я едва удержался и понял, что это Черемис. Он еще вполоборота повернулся, чтоб я не сомневался.

А уже совсем после войны, в пятом классе, я занялся русским хоккеем, записавшись в детскую спортивную школу. Через полгода тренировок мы начали играть с разными командами, и настал час сразиться с «коровцами», что означает — «Клуб Октябрьской революции», где тренировались дети железнодорожников.

Я играл в защите, уже пристойно владел клюшкой. Русский хоккей, чтобы было ясно непонимающим, совсем не похож на канадский. Тут обходятся без шайб, и разыгрывается мячик, небольшой и жесткий, а забить его надо в ворота пошире, чем футбольные. Да и членов команды побольше.

Я уже играл не первый матч, имел скромный, но опыт, мне нравилось «шарить» в коньках, да еще и воевать за мяч, но до ударов по воротам дело не доходило, потому что, повторюсь, я играл в защите.

В тот раз играли вечером, при свете железных ламп-абжуров, лиц не только противников, но и своих было не разобрать — только по цвету спортивных фуфаяк приходилось отличать одних от других.

Мы играли в красном, «коровцы» в белом, хотя, наверное, следовало бы сделать наоборот, но, независимо от цвета, мы были определенно слабее, и счет складывался не в нашу пользу.

Капитан и тренер взяли тайм-аут, собрали нас и сказали то, что мы и сами знали, без них. А «коровцы» переставили игроков.

И тут я увидел, что против меня играет здоровый парень, явно старше и опытнее. Он обходил и обходил меня, этот нападающий, лицо которого было в тени, и бил, бил по воротам. Но не попадал. Это, видно, кто-то охранял меня. Может, Душа мячика, которая не хотела жестокой несправедливости для ребят в красной форме.

И вдруг меня осенило!

Есть проверенный способ остановить нападающего, который выше, тяжелее, опытнее тебя, быстрее катит, азартно бьет.

И когда он снова попер на наши ворота, я полетел ему наперерез и при этом чуть присел. Понятно, что он налетел на меня и грохнулся.

В полумраке сверкнули глаза, и я ахнул:

— Черемис!

Но он ничего не произнес. Такая атака защитника дозволялась правилами, но больно приходилось обоим. И нападавшему — ведь он не только терял мяч, но и с силой грохался об лед. И уж, ясное дело, защитнику — он подставлялся под несущийся поезд. То есть — мне!

Черемис отъехал, атака началась снова, мы проиграли, но когда я выходил из раздевалки, мой противник с детсадовских лет вдруг выдвинулся из круга своей команды, шагнул ко мне и произнес без всякого издевательства:

— Ну, ты даешь!

Мячик с той игры тоже хранился в моем родительском доме.

И тоже исчез.

Но я его помню. □

Алексей Борычев

ЛУКОШКО ЗВЕЗД

Под пеной заката — печали волна.
Стеклянные бусинки боли.
Стирает молчанье разлуки струна
И синие звуки гобоя.
Шипит бесконечная лава дорог
И лунные блики танцуют.
Пью залпом крутой одиночества грог —
Несбывшийся хмель поцелуев.

А где-то есть дом... В нем рыданье и смех,
Объятый свеченьем уюта.
И тихие ноты мерцают во тьме
И мне, и тебе, и кому-то...
Во мхах соберу в полуночном лесу
Колючие звезды былого.
Лукошко со звездами в дом принесу,
И вспыхнет полночное слово!

НЕ СТАЛО...

Я хлеб сырых небес цветами запивал
И звездные лучи вдыхал душой полночной.
Кружился певчих дней пестрящий карнавал,
И было так легко! Так шелестно! Так сочно!

Но вот огонь остыл. В кружении недель
Так стало не хватать искрящихся мгновений.
И жизнь теперь — не та, и цель теперь — не цель.
И нет ни торжества, ни счастья вдохновений!

Идет он, большой, богатый,
Поющий молчаньем птиц.
С ним время, как пес лохматый,
С глазами, ясней зарниц!

Идет, в доброту обутой,
И — шариком — день в руках.

И весел, и пьян, как будто.
А волосы — в облаках.
Смеется над всем, смеется.
Идет себе налегке.
Земля. Небеса. И солнце.
И время — на поводке...

А БЛИКИ ПЫЛАЛИ...

А блики пылали, порхали, мерцали
По тонким стволам, по ручьящимся водам,
И мир становился то желтый, то алый,
Блестя кристаллом весенней свободы.
И капелек бисер озвенивал ветки
Апрельской мелодией яркого света,
И солнечный лучик, стреляющий метко,
Попал в мотылька лилового цвета...
И в капельной дымке — и чаща, и солнце.
И кто-то невидимый, кажется, рядом.
Но нет никого, только вяло и сонно,
Прощаясь, искрят огоньки снегопада.
Рисуются праздно овалы восторга.
Ах, как же чудесно, волшебю и тихо!
Как время прозрачно! Как много простора!

БУДТО...

Бесполезная пустота.
Кто-то... Что-то... А, может, нечто...
И весна, как всегда, не та.
Беспричинно бесчеловечна.

Все прямые в одну слились.
Все окружности разомкнулись.
Вне сознанья блуждает мысль,
Будто пьяный средь темных улиц.

Будто все, что могло — сбылось.
Будто то, что сбылось — не сбылось.
Времена — будто в горле кость.
Ну а скука — страданья милость.

Вечерами — туман, цветы...
И открытое в сад окошко...
Нет полнее той пустоты,
От которой пьяны немножко...

ПОКА ЕЩЕ...

Пока еще — льдистою розою — солнце...
Пока по лесам — снегопадное время...
Но тенью весенней пространство смеется,
Бросая на снег лиловатое семя.
Оно отлежится, весной прорастая,
И рыхло набухнут сырые сугробы,
И мартовских бликов душистая стая
В ручьином вине восхитительной пробы
Легко заблестает, легко заискрится...
Все будет по-новому, старое даже!
Забытой мечты золотистая птица
Сверкающей песней о счастье расскажет.

ТАК ЧАСТО В ДОМЕ БЬЮТСЯ ЗЕРКАЛА...

Так часто в доме бьются зеркала.
И солнечные зайчики играют
Осколками разбитого стекла,
Лучами разбегаются по краю
Осколков... Комната белым-бела.
И в ней, почти прозрачные, летают
Апрельские предвестники тепла,
Как будто птиц сияющие стаи.
А я сюда почти не захожу.
С меня довольно света, звона, блеска...
От ветра колыхнется занавеска,
Повеет ландышем, дыханьем леса...
Я так привык не к жизни — к миражу! —
Что вне его не вижу интереса.

Юрий Осипов

ПУТЬ ЭНТУЗИАСТА

Буйный поэт-футурист и такой же художник, один из первых русских авиаторов, Василий Каменский начинал с Владимиром Маяковским и Велимиром Хлебниковым. Впоследствии он стал парализованным, прикованным к инвалидному креслу и телевизору, и скончался в советской Москве 77 лет от роду, оставив внушительное литературное наследство, которое ныне частично опубликовано: романы, пьесы, юмо-

ристика, статьи, и все самого высокого сорта. Яркая страница в истории отечественной культуры и поэзии начала прошлого века. А еще горы не опубликованного ждут своих исследователей. Явно, недооцененный, как у нас часто бывает, мастер.

Его тянуло к личному участию в любой области искусства, литературы, жизни, политики. Он бесстрашно поднимался в воздух на хрупких аэропланах конструкции Блерио и Фармана. Во время одного полета разбился и получил тяжелые увечья. Его, председателя одного из забастовочных комитетов уральских рабочих, держали около года в тюремных стенах. Ему выпало во время Октябрьской революции выступать с чтением стихов на тех же митингах, что и Ленину, причем с вождем мирового пролетариата он был лично хорошо знаком.

Первый советский поэт, избранный после революции членом Моссовета и награжденный орденом Трудового Красного Знамени, чьим именем называли пароход на Каме, Василий Каменский смолоду легко и успешно брался за кисть, будучи активным участником всех ранних художественных выставок русских футуристов. Дебютировал он в живописи импрессионистической картиной «Березки», проданной вместе с остальными девятью его стартовыми полотнами на том нашумевшем вернисаже.

Трудно поверить, но по образованию Каменский был агрономом, окончившим в Москве Высшие сельскохозяйственные курсы. Поэтому кроме новаторских стихов и прозы у него есть также сухие статистические отчеты (например, «Липецк в 1922 году»).

Поистине возрожденческая широта натуры и интересов тянула Каменского и на театральные подмостки, где он профессионально выступал под псевдонимом Васильевский. Его многообещающую карьеру твердой рукой оборвал не кто иной, как сам Мейерхольд, заявивший, что такого поэта «нельзя убить в театре». При этом Каменский выступил в драматургии автором первой советской пьесы — «Стенька Разин», переработанной в 1919 году из одноименной поэмы (знаменитая «Мистерия-буфф» Маяковского тогда еще только писалась). А затем были «Пугачев» и «Болотников». Пафос стихии народного бунта брал его за душу сильно.

«Разин» Каменского буквально заполонил все тогдашние эстрадные площадки, театральные и клубные сцены молодой республики Советов. Актеры переписывали текст пьесы друг у друга. Пьеса ставилась как модернистские стихи, вызывавшие восторженный отклик в зале:

*Сарынь на кичку!
Ядреный лапоть пошел шататься
По берегам...*

Думается, Каменский очень подошел бы любимовской «Таганке».

В его творчестве хватало неудавшихся проб и экспериментов. Но это не минус, а скорее плюс таланта, стремившегося до отказа использовать все ему щедро отпущенное, в том числе, драгоценное время. Революция пришла к Каменскому, как и к Маяковскому, прежде всего, раскрепощенным Словом, поставленным на службу задачам дня.

Эти задачи проступают сквозь неразборчивый поток рифм и созвучий — производное от замечательных попыток освоения фонетических богатств русского стихосложения. В домике близ Перми ежедневно выливались стихотворные потоки, которые включали обороты и выражения, подслушанные автором у грузчиков Камы, на берегах которой он провел детство и юность, и куда потом не раз возвращался.

«Жонглер», длинное, идейно принципиальное стихотворение Каменского наделало много шума в читательских кругах и у критиков предреволюционной поры тем, что показало возможность создания поэтического произведения при помощи одного ритма, без слов, и доказало, что в поэзии ритм зачастую важнее слов. Это было подлинное открытие на переломе культуры. У продвинутой молодежи «Жонглер» имел колоссальный успех. А ведь Каменский написал еще десятки стихотворений, открывших новые пути национальной поэзии и обеспечивших ему в истории русской лирики начала XX века почетное место рядом с Маяковским.

Не довольствуясь поэтическим творчеством, Каменский, подобно универсалам прежних эпох, смело брался за прозу, пробуя свести в романе вокруг общей темы «русского бунта» литераторов разных направлений и чаяний — от Амфитеатрова до Цветаевой. И хотя роман о Разине заметно уступал пьесе, он не прошел незамеченным, отразив общественные ожидания накануне революции Семнадцатого.

К экспериментальной прозе можно причислить и лирический роман «Землянка» (1910 г.), чья издательская катастрофа в буквальном смысле привела автора в небо. Целых два года он не будет писать ни стихов, ни прозы, всецело поглощенный юной авиацией...

Об этом и последующих периодах жизни Каменский оставил красочные воспоминания. Многие, включая Маяковского, считали его гени-

ем, и сам автор придерживался о себе такого же мнения, написав толстенную сенсационную «Его-моя биография Великого футуриста». Потом будут еще мемуарные книги «Путь энтузиаста» и «Жизнь с Маяковским».

Он не старел душой, продолжал писать стихи и поэмы, очерки и рассказы, посвященные уральской деревне. Перед войной возглавлял в Перми Центральный театр воднотранспортников, вынашивал идею создания «плавучего» театра. Годы, однако, брали свое. В 44-м в тбилисской больнице ему ампутировали ногу, через год — вторую. Сказались последствия давней авиакатастрофы в Польше. В 48-м его сразил инсульт, лишивший поэта не только способности двигаться, но и речи. Супруга и трое сыновей делали все, чтобы Василий Васильевич не чувствовал себя оторванным от жизни. А он и не чувствовал, радуясь, что сохранил руки...

Каменский, не переставая трудиться, прожил еще 14 лет, а после смерти был похоронен на Новодевичьем кладбище. Его дом в уральском селе Троица, переданный им в дар местной библиотеке, превращен в мемориальный музей. *«Пожалуйста — \ Громче смотрите \ Во все колокола и глаза — \ Это я — ваш покоритель \ Воспевающий жизни против и за».*

Василий Каменский родился в апреле 1884 года в поселке на границе нынешних Пермской и Свердловской областей. Причем, как утверждают источники, на свет он появился в каюте одного из ходивших по Каме пароходов, капитаном которого был его дед по материнской линии.

Родителей своих мальчик почти не помнил — они умерли, когда ему не исполнилось еще и пяти лет. Воспитывался он у сестры матери, посещал приходскую школу, а затем городское двухклассное училище.

В 11 лет начал писать стихи. За скудными фактами биографии открывается трагедия ребенка, рано осиротевшего в жестоком мире и ищущего в собственных стихах прибежище одинокой душе.

С учебой в начальных классах тоже пришлось по семейным обстоятельствам расстаться. Вася устроился на работу в бухгалтерию Пермской железной дороги. И так бы, возможно, продолжал служить там, если бы не театр, круто изменивший его судьбу. То была провинциальная

гастрольная труппа, и юноша, очарованный ее спектаклями, решил бросить службу и стать актером, как ни отговаривали будущего футуриста друзья и родные.

Под псевдонимом Васильковский он поступил в труппу, а дальше актерская стезя привела его в Николаев, где гастролировала труппа В. Мейерхольда. Это был уже знак свыше. Каменский перебрался к великому новатору театра, получил роль и начал добросовестно ходить на репетиции. И тут произошел второй счастливый случай. Недовольный поэтическим монологом в своей роли, Василий предложил режиссеру собственный вариант, после чего проницательный Мейерхольд посоветовал юному поэту оставить театр и целиком посвятить себя литературе. Каменский так и поступил, уехал обратно домой и вновь устроился работать на железную дорогу.

Там он сблизился с марксистами, принял участие в революционных событиях 1905-го года, был избран в Стачечный комитет, а вскоре после этого отправлен в тюрьму поблизости от Нижней Туры. Тюремное заключение мало изменило молодого человека. Выйдя на свободу через год, он вновь пустился в странствия: из Перми — в Севастополь, а оттуда — аж в Персию! Оказавшись в Петербурге, Василий экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил на... Высшие сельскохозяйственные курсы.

Странный выбор, тем более что на курсах агрономов он начал заниматься живописью и принимать участие в художественных выставках. На выставке 1909 года имела успех его картина «Береза», написанная в пуантилистской манере. Однако профессиональным художником Каменский так и не стал. А вот с литературой вышло по-другому.

В писательские круги нахальный дебютант попал благодаря известному журналисту В. Шибуеву, который в 1908 году задумал издавать альманах «Весна», где должны были печататься произведения начинающих авторов. Непостижимым образом Каменский осенью того же года сделался соредактором альманаха и непосредственно соприкоснулся как с литературными новичками, так и с маститыми литераторами. К первым относились получившие в будущем широкую известность Н. Асеев, И. Северянин, А. Аверченко. Ко вторым — А. Блок, А. Ремизов, Ф. Сологуб, А. Куприн. Причем именно Каменскому обязан своей первой публикацией «Председатель Земного шара» Велимир Хлебников...

1910 год явился переломным в судьбе Каменского и ряда его соратников по новому искусству. В мае того года на оборотной стороне обоев двух разных оттенков (протест против роскошных дорогих изданий), с названием, набранным на листе бумаги и наклеенным на обложку, карманным форматом, тиражом 300 эк-

земпляров был напечатан первый литературно-художественный сборник русских футуристов «Садок судей». Сборник открывался текстом Каменского «Жить чудесно», который выполнял роль манифеста группы футуристов, назвавших себя, с легкой руки Хлебникова, бюджетлянами (то есть теми, кто БУдет, людьми будущего).

Критика особенно выделяла в «Садке судей» непревзойденную, насквозь музыкальную прозу хлебниковского «Зверинца» и стихотво-

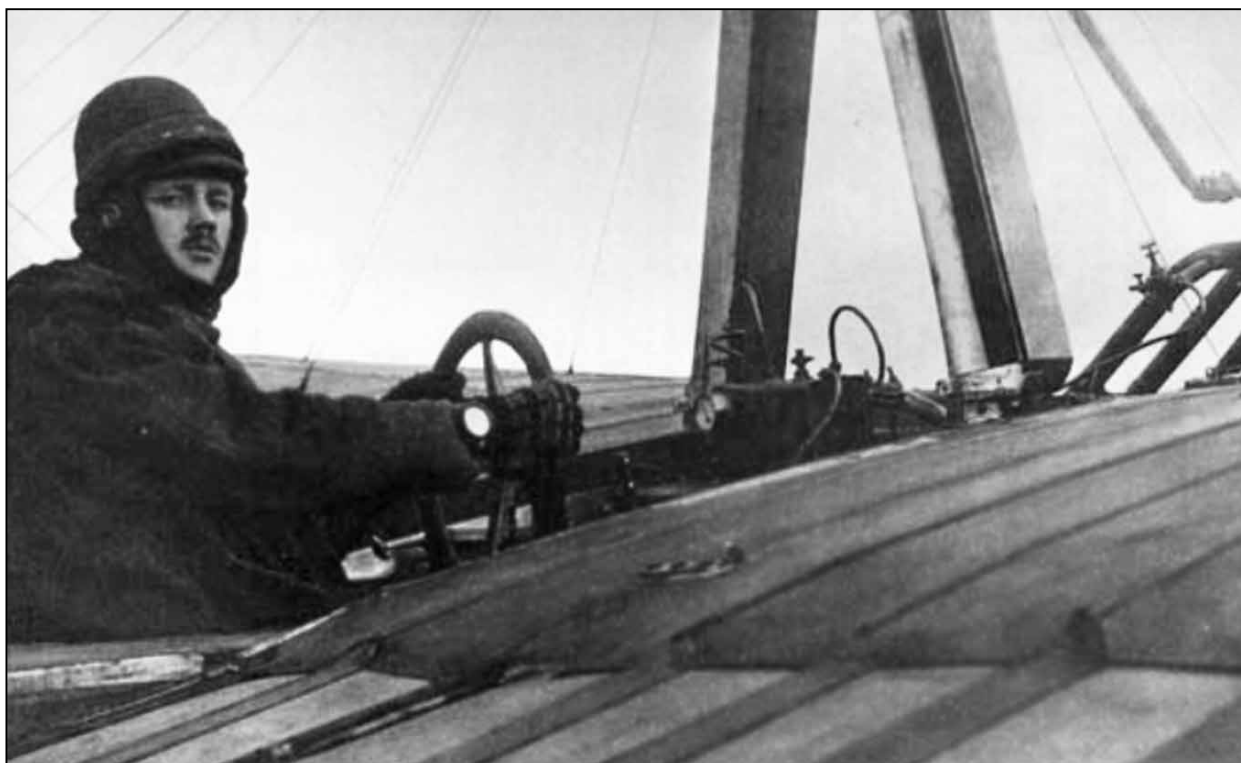
рения В. Каменского. По словам Н. Гумилева, «его бесчисленные неологизмы, подчас очень смелые, читатель понимает без труда и от всего цикла стихов уносит впечатление новизны, свежей и радостной».

В целом же критика приписала сборнику явную конфронтацию с традиционным литературным миром. Валерий Брюсов находил, что он «переполнен мальчишескими выходками дурного вкуса, и его авторы, прежде всего, стремятся поразить читателя...» Немудрено! Книга была

набрана без «ъ» на конце слов, без букв старославянского алфавита «фиты» и «ижицы», а также без знаков препинания. В ней отсутствовали титулы и оглавление, поэтические и прозаические тексты шли единым потоком, заголовки и фамилии авторов помещались в виде ремарок на

размахивали экземплярами сборника».

Уверовав в собственные творческие силы, молодой поэт и художник неожиданно решил, что должен стать летчиком. Авиацией тогда грезили буквально все, но доверить жизнь хрупкой «этажерке»

полях, названия заменялись порядковыми номерами...

Футуристы распространяли сборник неожиданными способами.

Например, уходя с одного из литературных вечеров на знаменитой «башне» Вяч. Иванова, братья Бурлюки «насовали всем присутствующим в пальто и шинели в каждый карман по «Садку», а Каменский и Николай Бурлюк, читая стихи во время своих выступлений,

были готовы единицы, которые в глазах публики недаром выглядели героями. Каменский поехал учиться летному делу за границу, подружился с известным авиатором В. Лебедевым и приобрел с его помощью во Франции аэроплан «Блерио». Пока машину доставляли в Россию, Василий побывал в Париже, Риме, Берлине, Вене. В Варшаве сдал экзамен на пилота и сразу принялся бесстрашно совершать

показательные полеты в разных городах.

29 мая 1912 года его биплан на глазах массы зрителей упал в болото в окрестностях польского города Ченстохова. Газеты с прискорбием сообщили о гибели отважного авиатора и талантливого поэта. Но Каменский выжил, хоть и получил многочисленные тяжелые травмы. А вот самолет восстановлению, увы, не под-

менского. После завершения строительства в Каменке он отправился в Москву, познакомился там с Маяковским, и в результате они вместе с Хлебниковым и братьями Бурлюками совершили сенсационное концертное турне футуристов по России. На следующий год Каменский стал редактором «Первого журнала русских футуристов», который издавал Давид Бурлюк, и выпустил

В его творчестве хватало неудавшихся проб и экспериментов. Но это не минус, а скорее плюс таланта, стремившегося до отказа использовать все щедро ему отпущенное, в том числе, и драгоценное время. Революция пришла к Каменскому, по его мнению, прежде всего, раскрепощенным Словом. Многие, включая Маяковского, считали его гением, да и сам он придерживался такого же мнения о себе, что подтверждает сенсационная «Его-моя биография Великого футуриста»

лежал. И тогда Каменский в который уже раз круто сменил род деятельности: купил под Пермью участок земли и основал хутор Каменку, заодно попробовав себя в качестве архитектора и строителя. Кроме того, сконструировал аэроход — некую разновидность глиссера, способного передвигаться не только по воде, но и по снегу. И — успешно испытал его.

Осень 1913 года явилась еще одной вехой судьбы Василия Ка-

менского. После завершения строительства в Каменке он отправился в Москву, познакомился там с Маяковским, и в результате они вместе с Хлебниковым и братьями Бурлюками совершили сенсационное концертное турне футуристов по России. На следующий год Каменский стал редактором «Первого журнала русских футуристов», который издавал Давид Бурлюк, и выпустил

*Девушки босиком —
О, поэтические возможности —
Как северное сияние —
Венчающие
Ночи моего одиночества.*

«"Футурист-летчик" призывал читающую публику: *Громче смотрите \ Во все колокола и глаза — \ Это я — ваш покоритель \ Воспевающий жизни против и за*». Эпатаж читателей служил программной установкой творчества эгофутуристов, и грянувшую революцию Каменский, подобно многим своим товарищам по искусству, воспринял, прежде всего, как распахнувшиеся ворота в неограниченный простор для творческого самовыражения. В 1917-м он пишет знаменитый «Декрет о заборной литературе», расклеенный в первые дни советской власти по всей Москве.

После же Октября у Каменского, однако, пропало желание эпатировать читателя, его стихи сделались простыми и искренними. Поэт и сам совершенно искренне верил, что живет в счастливой и передовой стране, поэтому достаточно легко и органично завоевал себе видное место на советском поэтическом Парнасе, где царил Владимир Маяковский. Причем, в отличие от Маяковского, Каменскому даже не понадобилось «наступать на горло собственной песне». Вот только с формальными поисками в области Слова он не мог расстаться. В 1918 году выпустил сборник стихов под красноречивым названием «Звучаль веснянки», продолжая в нем также экспериментировать со строфикой и рифмами.

Тогда же поэт попробовал себя в роли киноактера, снявшись в филь-

ме «Не для денег родившийся». (Его великий друг и кумир Маяковский, как известно, тоже играл в кино и писал киносценарии). Кипучая, жизнедеятельная натура Каменского не могла удовлетвориться одной лишь творческой сферой. Ему пришлось по душе быть избранным в Московский Совет рабочих и солдатских депутатов, и он нередко засиживался на заседаниях до глубокой ночи, возвращаясь домой с заряженным револьвером в кармане по пустынным улицам.

Не менее важной представлялась Василию Васильевичу работа на посту председателя Всероссийского Союза поэтов, который он организовал в 1918-м и который успешно просуществовал до 1929 года. Мало того, он стал еще культработником Высшей военной инспекции и в этом качестве был командирован на Южный фронт, где угодил в плен к белым и до взятия Крыма красными сидел в ялтинской тюрьме... Затем уехал на Кавказ, в Тифлис, вспомнив там бывшее, устроился работать бухгалтером, но вскоре окончательно вернулся в Россию.

Сотрудничество с ЛЕФом Маяковского поддерживало близкие отношения двух поэтов, причем Маяковский всегда проявлял о Каменском дружескую заботу. До славы Маяковского Каменскому, разумеется, было далеко, но он уверенно шел своим путем. Роман «Пушкин и Дантес» (1922 г.), поэмы «Емельян

Пугачев» (1931 г.), «Иван Болотников» и «Встречи с миром» (1934 г.) принесли ему настолько широкую известность, что, когда отмечался двадцатипятилетний юбилей его творческой деятельности, один из камских пароходов получил название «Каменский».

Василий Васильевич прочно осел на Урале, в родной Каменке, отстроив на хуторе небольшую усадьбу. Его порой шутливо называли уральским Леонардо да Винчи. Он писал, рисовал, преподавал, охотился и рыбачил, конструировал, летал, занимался агрономией, вел агитаци-

онную работу, да еще играл на сцене... «Стихи конструктивизма» у него не иссякали. Они предлагали читателям поэтические ребусы с набором слов, букв, звуков, цифр, которые нужно было сложить в единую поэтическую картину.

С годами он мало менялся. По-прежнему вдохновлялся стихией русского бунта, восхищался Пушкиным и авиацией, будучи при этом беззаветно преданным советской стране. Трагический уход из жизни Маяковского воспринял очень тяжело, выпустив в 40-м году книгу «Жизнь с Маяковским». Каменскому

довелось еще ходить мимо бронзового памятника великому другу, по площади, носящей его имя, и понимать: ему-то памятник не светит. Это, однако, поэта не слишком угнетало, он верил, согласно есенинской строке, что и его «пенье сумеет бронзой прозвенеть». Роман в стихах «Могущество» (1938 г.), посвященный «сталинским соколам», стал своеобразной «лебединой песней» Каменского, хотя автор много писал и в последующие годы.

В начале сороковых он начал работу над поэмой «Ермак Тимофе-

которая давала послабления изображению народных восстаний. На фигуре же Разина, как выше отмечалось, сходились многие литературные корифеи: Амфитеатров и Цветаева, Хлебников, Есенин... Кстати, первой русской «фильмой» оказалась забавная «Понизовая вольница» — иллюстрация популярной песни «Из-за острова на стрежень...» Первая стихотворная советская пьеса «Стенька Разин» Каменского оставалась его любимым детищем. Пьеса имеет ряд вариантов, лучший из которых датирован 1928 годом.

В судьбе Каменского 1910 год оказался переломным — тиражом 300 экземпляров был напечатан сборник русских футуристов «Садок судей», который открывался текстом Каменского «Жить чудесно». Этот текст стал своеобразным манифестом группы футуристов, назвавших себя, с легкой руки Хлебникова, **будетлянами (то есть теми, кто будет, людьми будущего)**

евич», которую закончил в 47-м. В этом полифоническом произведении поэт вновь показал себя новатором русского стихосложения, чутко прислушивающимся к перепевам народной речи. Ранее новаторским произведением лирической прозы, перемежающейся стихами, явился роман «Стенька Разин».

Сама тема романа оказалась знаменательной. Тут можно было не оглядываться на препоны цензуры,

*Если ты одинока — зови.
Я прилечу одиноким
Венчанием,
Ветром в долине любви.*

Всю жизнь Каменского отличало трепетное, истинно рыцарское отношение к Женщине. Как настоящий поэт, подобно своему другу Маяковскому, он влюблялся самоотверженно, без оглядки и расставался тяжело, мучительно. Впрочем, таких лю-

бовных разочарований выпало на его долю немного.

«Сначала я приняла его «бракосочетанье слов» — а затем и его предложение руки и сердца. Я целый год говорила, что замуж не собираюсь. И вдруг вышла... Познакомились на пароходе в 1918 году, поженились в Царицыно — все в пути. Каменский говорил про себя: поэт — перелетная птица».

полномочным представителем в различных творческих организациях.

Первый же любовный роман, увенчавшийся ранним браком, случился у поэта «на заре туманной юности». Дочь купца Югова, Августа, тоже училась в пермской гимназии. Василий часто провожал ее домой и исписывал посвященными ей стихами целую общую тетрадь. Потом наступила разлука. Вновь встретились они, ког-

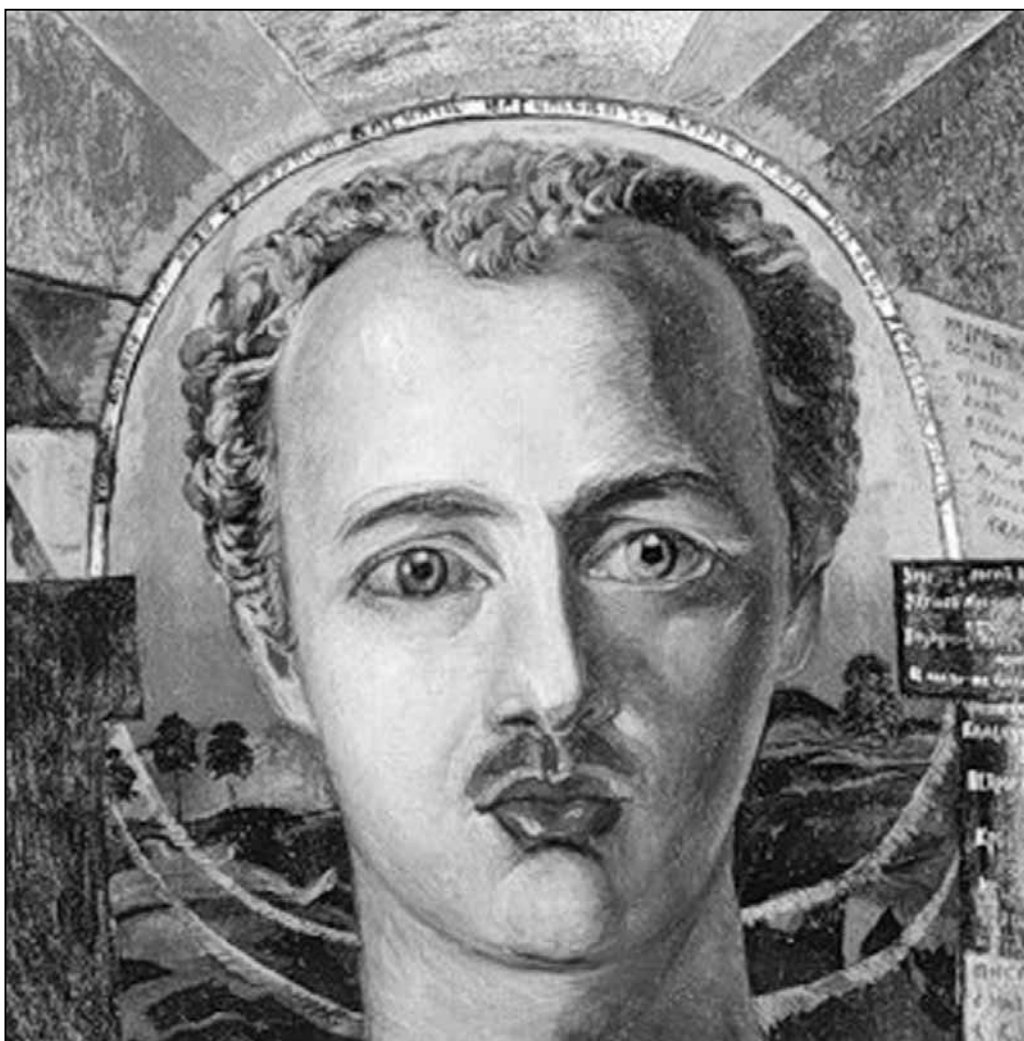
*Дом-музей
В.В. Каменского
в Троице*

Валентина Козлова, вторая жена Каменского, стала для него не только любимой женщиной, которой он посвящал стихи, но и верным другом, соратником. А после того как в результате тяжелой болезни он обезножил, Валентина Николаевна сделала «ногами» прикованного к постели мужа, его литературным секретарем и

да Августа была уже молодой вдовой с двумя детьми и немалым наследством от покойного отца. Однако женитьба на ней отнюдь не стала для Каменского браком по расчету.

«Семейная жизнь расцветала вместе с весной нежно и цветисто», — напишет он позднее в книге «Его моя биография...» На деньги жены

*В. Камен-
ский.
Портрет
работы
Д. Бурлюка*

поэт издал роман «Землянка» и коллективный культовый сборник «Садок судей», купил аэроплан и учился летать. И хотя их союз продержался только четыре года, он остался в памяти Каменского ярким, волнующим периодом жизни. Можно сказать, что первая жена буквально «окрылила» его.

Между прочим, со второй женой, Валентиной Козловой, которой посвящен «Плен изумрудный» (у нее были зеленые глаза) и другие стихи, Василий Васильевич поначалу тоже расстался. Жить с ним было непро-

сто, вспоминала вдова поэта. Он, по ее словам, всегда отличался бурными увлечениями. «Мы расстались... в 20-е годы, не «навечно», перед войной мы снова сошлись».

В конце 20-х у Каменского появилась еще одна, гражданская, жена — пианистка А. Касторская. Она изводила его разными причудами, закатывала сцены ревности, сама давала поводы ревновать ее. В своих воспоминаниях, опубликованных накануне 100-летия со дня рождения поэта, Касторская, как утверждает Козлова, наговорила о нем много неправды.

Валентине Козловой, «насквозь городской жительнице», выпало на долю обустроиваться с неугомонным мужем в глухом селе Троица тогдашнего Пермь-Сергинского района. В единственной своей шубке лазила на сеновал, таскала дрова для печей, угли для самовара, готовила в чугунах еду, сажала огурцы... Местные власти выделили им бывший дом священника. Верный себе, Каменский перестроил дом, придав ему

и орденоносца заступиться. Но что он мог? Да и не очень-то хотел, разумеется, по собственным убеждениям безбожника-футуриста. А вот всякие праздники очень любил и умел устраивать для односельчан — и новогодние (с разрешенными в 30-м елками), и на свои дни рождения, с зацветающей к этой дате черемухой. В праздники накопал игрушек для деревенской детворы, вообще был очень щедр. Обожал прини-

После Октября у Каменского пропало желание эпатировать читателя, его стихи стали простыми и искренними. Поэт и сам искренне верил, что живет в счастливой и передовой стране, поэтому достаточно легко завоевал себе видное место на советском поэтическом Парнасе, где тогда царил Владимир Маяковский

образ корабля, с рубкой и палубой. Прорубил внутри несколько дверей (тесно ему было в замкнутом пространстве), зимой от них тянуло холодом, и пришлось класть еще печи. Расписал причудливыми узорами стены и ворота. Зачем-то привозил из дальних поездок попугаев и других экзотических птиц. Сам чувствовал себя птицей в клетке, если долго засиживался на одном месте.

При нем, вспоминает В. Козлова, по распоряжению властей снесли в селе церковь. Старики и старухи просили Каменского как депутата

мать друзей, и к нему постоянно приезжала уйма гостей.

Была среди них известная певица, народная артистка СССР Мария Максакова. «Ваши стихи пахнут яблоками», — говорила она ему. Они дружили много лет, и Каменский даже предлагал незамужней певице удочерить ее Людочку, которую та воспитывала одна.

Особенно дорожил поэт старыми друзьями, берег многолетние дружбы. С уехавшими в Америку Давидом Бурлюком и его женой постоянно переписывался, страшно хотел

повидаться, но денег на дорогу не было. А вот когда, уже после смерти Сталина, в 50-е годы супруги Бурлюки приехали в Советский Союз, Василий Васильевич от встречи с закадычным другом бурной молодости, которого не видел более тридцати лет, неожиданно отказался, стесняясь своей бедности (у Бурлюка-то в Штатах имелся процветавший издательский бизнес, у его жены — модное ателье)...

В. Козлова помнит, как муж долго смотрел в день прибытия Бурлюка на ресторанный салфетку с набросанным рукой Давида шутивным рисунком и посвящением: «авиатору плоти и духа».

В пермском селе, где жил и работал последние двадцать лет Василий Каменский, у каждого жителя найдется свое предание о поэте. Одни, к примеру, вспоминают со слов родных, что однажды он, якобы, сорвал посевную, споив всех крестьян. Другие утверждают, что Каменский соблазнил их бабушек. Но все сходятся на том, что благодаря ему Пермь впервые увидела аэроплан.

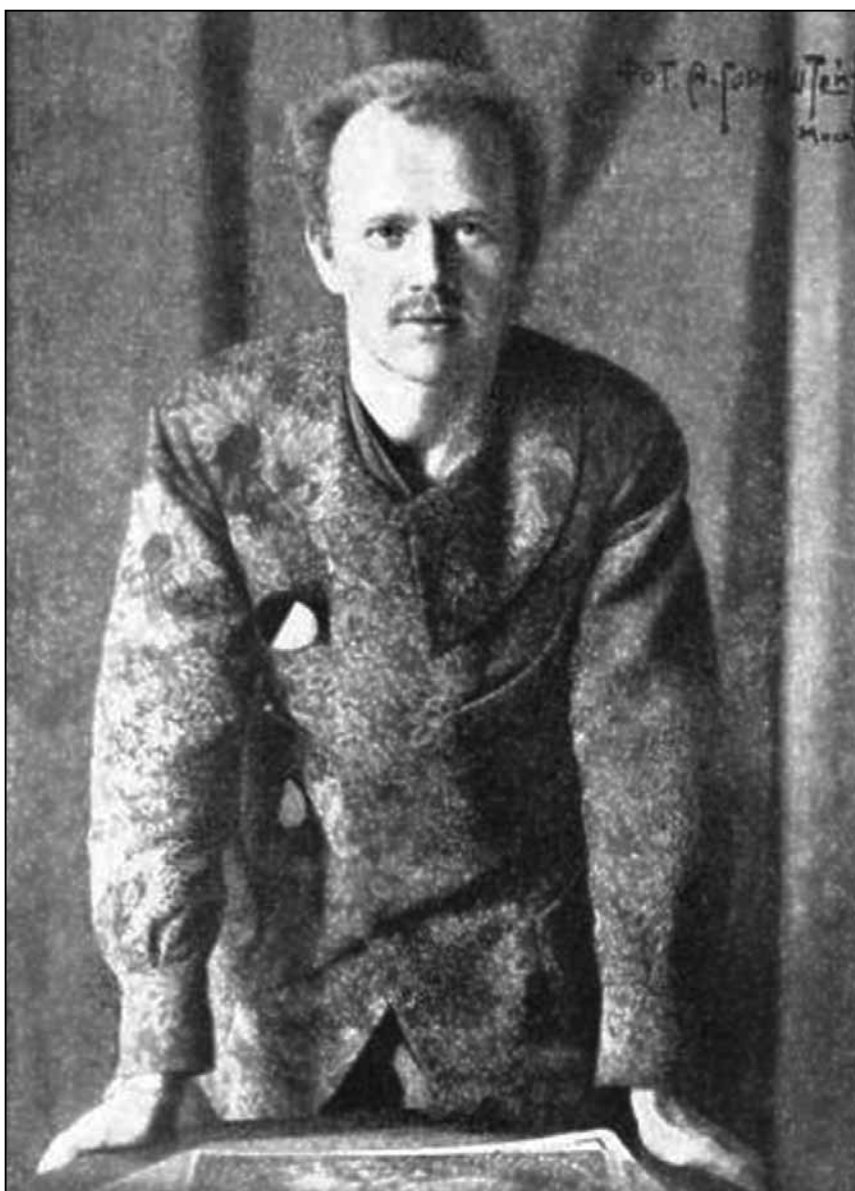
После злосчастной аварии в небе Ченстохова Василий Васильевич вышел чудом. Однако летной профессии не изменил, построил новый аэроплан и спокойно живописал свое трагическое происшествие: «...совершая публичный полет в сильный ветер (перед грозой) я перевернулся с аэропланом на большой высоте,

камнем упал и тяжело разбился. Меня увезли в госпиталь. 11 часов я был в глубоком бессознании. Свой аэроплан расшиб в щепки...»

На стенде мемориального музея в бывшем доме Каменского, который он завещал родному селу, можно увидеть созданный им футуристический макет той памятной авиакатастрофы. Шутливое ретроспективное объяснение макета дал сам его автор: «На фоне железного листа, прикрепленного к крючку этак на вершок от стены, свешивалась на проволоке пятифунтовая гиря с нарисованным на ней лицом. Внизу, под гирей, в луже крови (сурика) — обломки аэроплана. Для достижения полного впечатления надо было трясти за угол «картины» — тогда голова ударялась об железо и вообще получался гром грозы».

В этнографическом парке реки Чусовой установлен своеобразный памятник Каменскому в виде парящего в воздухе аэроплана, а на стене одной из многоэтажек нового микрорайона столицы края местный художник изобразил красочный портрет бесстрашного авиатора. В Перми его любят.

...Карандаши, блокноты, печатная машинка, книги, газеты, кукла-персиянка и неожиданный портрет Есенина. Они встречают посетителей дома-музея на втором этаже, в комнате-каюте «капитана», где притулилась к стене узкая кровать, на ней обездвиженный и парализованный поэт встретил свою кончину. А еще —

старый граммофон, его хозяин дома вытаскивал на веранду и заводил на полную громкость, извещая, таким образом, односельчан о своем очередном возвращении в Троицу...

Среди многих фотографий Каменского есть в его мемориальном музее одна — 1918 года, которая наиболее дорога вдове поэта, Валентине Николаевне. Молодой и дерзкий, смотрит он на снимке прямо в объектив камеры, опершись руками о

край стола. Одет, бросаая вызов обывательским вкусам, в костюме, пошитый из гобелена (неизменную полосатую кофту футуриста он тоже возил с собой по гастрольным турне, пока ее не сперли в Сочи). У этих двоих еще все впереди — и расставание, и новая встреча, и радости, и горести... На обороте фото — дарственная надпись: «Хочу верить, что встретились для единственного счастья и любви и творческих дней. Вале-Вася»... □

Не будите спящую собаку

17

После спектакля Николая Ни Двора увязался с нами гулять. Причем Боб, как ни странно, не был особенно против такой компании, а я... Кто я такая, чтобы возражать?

Самые авторитетные источники утверждают — а жизнь их подтверждает, — что завязавший алкоголик не может выпить уже ни капли, иначе сорвется. Но нет правил без исключений. Видимо, талант и впрямь сам себе устанавливает законы — и не только в искусстве, но и в обыденной жизни. Трезвость Николая ничуть не отдавала фанатизмом. За пятичасовую прогулку он с удовольствием употребил литр пива, причем стремления «продолжить и углубить» отнюдь не замечалось. Веселились мы от души. Вплоть до взятия интервью у постового, который, кстати, совсем не возражал, а на мое и Николая удостоверения «ПРЕССА» глянул в полглаза, для галочки. Зато двадцать минут жаловался в мой диктофон на тяготы милицейской службы и дурость начальства — только попросил не называть фамилии. Дальнейшее путешествие... Впрочем, пожалуй, хватит.

К тому моменту, как зазвонил телефон, мне удалось проспять часа четыре, максимум пять. Даже для одного глаза не совсем достаточно, а их у меня

Окончание. Начало в №4, 2020.

два, и оба спать хотят. Когда грубая действительность в лице телефонного звонка громко и беспардонно вторгается в твои прекрасные грезы, хочется сказать в трубку много разных слов, большинство которых для телефонной беседы совершенно не пригодны — хотя бы потому, что противоположная сторона лишена возможности в ответ швырнуть в тебя чем-либо тяжелым.

А может, все наоборот, и телефон в роли будильника — лучший из возможных тренажеров, способствующих воспитанию человеколюбия или хотя бы приличных манер. Обычно через полминуты после каждого «телефонного» пробуждения я преисполняюсь гордости и самоуважения. Ах, какой я молодец, я вновь победила звериные инстинкты и сумела удержаться в рамках общепринятой вежливости! Вы не понимаете, чем тут гордиться? Ну, значит, вы произошли от ангелов — те, насколько я понимаю, вообще не спят.

Некоторые, впрочем, особо наблюдательные, вроде любимого Ильина, опознают мое состояние даже по телефону:

— Разбудил, что ли? Ну, извини, с меня выкуп. Чем пожелаешь?

— Ватными затычками! Или из чего там беруши делают? Вот мне полмешка, пожалуйста. Давай говори уже, чего сообщить-то хотел? Вряд ли ты позвонил только ради того, чтобы мой голос послушать.

— Почему же? Я что, уже и соскучиться не могу? — продолжал издеваться лучший в мире майор.

— Можешь, можешь, — довольно неласково буркнула я. — Но тогда позвонил бы ближе к вечеру. В это время суток в моем голосе теплоты и нежности маловато, нечего слушать.

— Спрячь коготки, киска, никто замуж не возьмет.

— Вот спасибо, утешил. А то я сижу и вся по маковку в панике — того и гляди, под венец потащат. Но раз правоохранительные органы считают, что «никто не возьмет», можно жить спокойно.

— Ну? Проснулась?

— Ага... — Я в последний раз сладко потянулась и даже зевнула.

— Слышу, слышу, — отозвался Никита. — И даже верю на слово. Воспринимаешь?

— Угу. Излагай.

— Номерок, помнишь, называла?

— Ну...

— Жаль тебя огорчать, но ошибся твой свидетель. Под упомянутым номером зарегистрирован темно-синий «фольксваген». Хозяйка — некая Ольга Кравцова, довольно успешная бизнес-леди. Продукты питания, косметика и еще что-то в этом духе. Небольшая фирмочка, три-четыре торговых

точки, никаких конфликтов с законом, никаких контактов с Чельшовым. Вообще первый раз эту фамилию слышит. Что скажешь?

— Озадачил. Свидетелю я доверяю. Отсутствие контактов с покойным меня не очень удивляет. Можно ведь и с другой стороны зайти. Хотя нет, тоже вряд ли. Темно-синий «Фольксваген» под белую «пятерку» не замаскируешь. Погоди, а если исходить не из номера, а из марки?

— И что ты предлагаешь? Проверять все белые «пятерки» в городе? Ты представляешь, сколько их?

— Не очень, но думаю, что много.

— Несовпадение по одной букве или цифре я проверил — ноль. Нет таких машин.

— Что, совсем ни одной белой «пятерки»? Их же, с несовпадающими по одной цифре номерами, должно... что-то около сотни должно получиться...

— Не напрягайся, голова заболит. Я сразу среди белых «пятерок» искал. Есть, но ничего похожего. Если хочешь, могу тебе списочек представить.

— Хочу. Сбрось заодно и все данные на этот синий «фолькс». И на его хозяйку. Что-то тут не так. Не мог мой свидетель ошибиться.

— Он что у тебя — Господь Бог?

— Нет. Он из тех, чьими устами истина глаголет.

18

Ольга Григорьевна Кравцова производила впечатление.

Не какое-нибудь, а вообще — впечатление. Похоже, это было ее главным занятием в жизни. В чистых карих глазах сиял один-единственный вопрос: «Как?! Вы еще не попадали в обморок от восхищения?! Тогда где аплодисменты?! Неужели вы еще не поняли, какая я необыкновенная?! Тогда, тогда...» И удачный бизнес выглядел всего лишь одним из инструментов для создания образа. «А я еще и вышивать умею... И на машинке тоже...»

Мы сидели с Ольгой Григорьевной в том самом синем «Фольксвагене», с «тем самым» номером. По идее, это должно было куда-то меня продвигать. Однако не продвигало.

Насчет «продуктов питания» Ильин несколько ошибся. Ну, то есть, не то, чтобы ошибся, но... «Продукты питания» на поверку оказались пищевыми добавками — ну, знаете, свекла, водоросли, отруби и все такое, а косметика, которую распространяла фирмочка, возглавляемая Ольгой Григорьевной, была отнюдь не «какая-то», а «исключительно натуральная» и «фантастически действенная». На чем только люди деньги не зарабатывают...

Зато сам по себе нарисовался повод для встречи. Журналисты тоже люди, им тоже случается чем-то заинтересоваться... Не могли бы вы рассказать поподробнее? Да, мне хотелось бы об этом написать... Кто же откажется от бесплатной рекламы? Только намекни — и интересующий тебя объект любит тебя пуще трех родных мам и готов рассказывать о чем угодно. Минут двадцать послушаешь, с умным видом записывая что-то в блокноте, а еще лучше — диктофон включить, после этого можно осторожно менять тему беседы и вытягивать из человека то, что нужно тебе.

— Челышов? — нахмурилась Ольга Григорьевна. — Кто это? — Она не притворялась — она действительно слышала эту фамилию впервые.

— Может быть, вы Вишневскую знаете? — зашла я с другой стороны.

— Вишневскую? Валентину Николаевну?

Я-то имела в виду Дину, но, тем не менее, кивнула.

— Не очень хорошо, конечно. Она меня причесывает. Прекрасный мастер. У меня ведь волосы — видите? — тряхнула она головой.

Я, признаться, не очень поняла, что она хочет мне продемонстрировать: волосы как волосы. Не Анжела Дэвис, но вполне приличная шевелюра.

— Честно говоря, не вижу. По-моему, у вас великолепная прическа, редко такую красоту увидишь.

— Это только благодаря Валентине Николаевне. Никакого сладу с этим безобразием! Чего я только не перепробовала. В школе меня из-за них «крыской» дразнили. Тонкие, жирные, прямые, тусклые — в общем, как говорится, полный букет моей бабушки. Укладки, дай бог, на час хватало. Ужас! А Валентина Николаевна просто чудеса делает. И стрижку специальную для меня придумала, и укладывает как надо... Я уж боялась, мне всю жизнь в париках ходить придется, да, спасибо, Олег посоветовал.

— Олег? — переспросила я.

— Ну да, муж ее. — В голосе Ольги Григорьевны явственно были слышны своеобразные оттенки. Так герцогиня могла бы говорить о горничной, на которой женился соседский принц. Нет-нет, самой герцогине этот принц был вовсе не нужен, но — мезальянс-то какой, сущее неприличие!

— А вы и его знаете?

— Да я, по правде, как раз его и знаю, а Валентина Николаевна... Прекрасный парикмахер, конечно, но это ведь даже и знакомством считать нельзя.

— А с Олегом вы прямо на сцене познакомились?

Ирония моя, однако, пропала втуне. Похоже, Ольга Григорьевна ее просто не заметила.

— Ах, нет, он тогда уже в театре не работал. Это ужасно, согласитесь, когда такой актер не находит применения? — Вопрос был явно риториче-

ский, во всяком случае, моего ответа тут не требовалось. — Представляете, они его даже квартирой не смогли обеспечить, потрясающее безразличие!

Меня это не потрясло. Ситуация в нашем драмтеатре выглядела вполне обычно: жилищные проблемы годами и десятилетиями не могли решить и куда более известные актеры.

— Да, Ольга Григорьевна, вы совершенно правы. Я думаю, об этом тоже стоило бы написать. А то все думают, что у актеров сплошные аплодисменты. Но где же вы в таком случае познакомились?

— На какой-то презентации, я точно уже не помню... Мой бывший муж был не последний человек в шоу-бизнесе, он иногда занимался организацией таких мероприятий. И Олег на той презентации замечательно пародировал разных знаменитостей.

— Он и сейчас выступает?

— Нет, сегодня ведь все больше эти в моде, с длинными ногами, танцы топлес вокруг столба и все такое... — Ольга Григорьевна поджала губы, всем своим видом выражая презрение «порядочной женщины» к «этим». Как же, как же, помнится, «ее бывший муж» завершил свою деятельность тем, что женился на одной из молоденьких «звездочек» и укатил с ней не то в Австралию, не то в Швецию. Да, у Ольги Григорьевны есть основания сильно не любить «молодых, длинноногих». Или, наоборот, мужчин, которые «молодых, длинноногих» предпочитают...

— Вы с ним часто видитесь?

— С Олегом? — уточнила моя собеседница. — Нет, последние годы практически не видимся. У него теперь дела семейные, нужно о доме заботиться, вы ведь понимаете?

Я не понимала, но согласилась. Пожалев — уже в семнадцатый раз — о брошенных на ветер двух часах, грозивших перерасти в четыре, я предпочла распрощаться. Ветер — ладно, но ведь дул он явно не в ту сторону! Ясно было, что ничего полезного Ольга Григорьевна мне не скажет. И вообще, никакого отношения к смерти (или даже к жизни) господина Чельшова она не имеет. А знакомство с Олегом — чистое совпадение. Одним словом, ни Ольга Григорьевна, ни ее машина тут вовсе ни при чем.

19

С Вячеславом Платоновичем мы встретились в том же кафе. При своей, мягко говоря, неприятной внешности вел он себя истинным джентльменом. Ну, знаете, всякие милые пустячки — недорогой цветок при встрече, отодвинуть стул, налить даме воды. И выглядело у него все это не ухаживанием, а как-то мило, по-домашнему — так вежливый хозяин оказывает внимание гостю.

— Вячеслав Платонович, а вы знаете, что звонок, после которого Дина заторопилась к Чельшову, был сделан из его квартиры?

— Да-да. Мне когда Валечка про этот звонок рассказала, я сразу память их аппарата посмотрел. В пятнадцать восемнадцать был звонок с того номера. После этого Дина сразу убежала. А Гордеев говорит, что к Чельшовской двери она подошла в двадцать две — двадцать три минуты четвертого. Как раз добежать. Надо бы с Гордеевым как следует поговорить, да я его застать никак не могу. Вы не знаете, он куда уезжать не собирался?

— Нет, вроде. Я так поняла, что он большую часть времени дома проводит.

— И у меня такое же впечатление сложилось. А сейчас звоню, звоню — телефон не отвечает. Сегодня даже заходил к нему перед тем, как с вами встретиться. Думал, может, с телефоном какие-то неполадки. Минут пять и звонил, и стучал — в квартире тихо. И телефон у него в порядке. Я пока у двери стоял, набрал его номер с сотового — все нормально, его телефон звенит, мне на площадке слышно было.

— Странно.

— Очень странно, — нахмурился Вячеслав Платонович. — Я ведь почему хотел поскорее с ним поговорить. Он вчера звонил Вале, звонил из дома. То ли он что-то вспомнил, то ли понял — она не очень хорошо слышала, да и волновалась сильно. Но что-то в пользу Дины. Вы ведь с ним разговаривали?

— Да, конечно. И мне показалось, что он сам переживает оттого, что по его показаниям все на нее указывает.

— Вот-вот. А тут он что-то вспомнил или понял, что-то, кажется, про посетителей говорил и про время. Или про дверь, Валя не слышала. А еще он вроде хотел все точно обдумать и потом к следователю пойти.

— А ей зачем звонил?

— Это моя ошибка, — вздохнул Вячеслав Платонович. — Я ему свой телефон забыл оставить. Вале звонил — меня искал. Хотел Дине помочь.

— И после этого пропал? Может, передумал?

— Тогда почему он на звонки не отвечает? У него-то телефон без определителя.

— Вот еще некстати! — рассердилась я. — Не хочется о плохом думать, но, может, он в больницу попал? Пожилой человек, разволновался, сердце прихватило...

— Я в «скорую» звонил — не выезжали они к нему.

Вячеслав Платонович восхищал меня с каждой минутой все больше и больше. И номера телефонные посмотрел — Валентина Николаевна, между прочим, этого сделать не догадалась, — и домой к Гордееву успел заехать,

и исправность телефона сообразил проверить, и о «скорой» подумал... И зачем тут я, когда вот он, готовый сыщик?

— А если на улице прихватило?

— Ни одного Гордеева за вчера и сегодня вообще «скорая» не забирала. Я, тем не менее, не сдавалась. Раз уж идея родилась, ее надо довести либо до естественной смерти, либо до какого-нибудь вывода.

— Но мог ведь он выйти из дома и без документов?

Вместо ответа мой собеседник достал свой сотовый. Быстро соображает, однако...

— Вячеслав Платонович, может, мне удобнее будет? Вроде внушка беспокоится о пропавшем дедушке, или племянница о дяде.

Он протянул мне телефон. Номер справочной несчастных случаев я помнила наизусть — всякое ведь в жизни бывает.

Через пять минут я тихонько положила телефон на столик. Вячеслав Платонович очень спокойно попросил официантку принести две рюмки коньяку. Ни думать, ни даже дышать не хотелось. Информация не оставляла и крошечной щелочки для сомнений: мужчина лет шестидесяти пяти с большим родимым пятном на левой щеке был вчера сбит машиной, от полученных травм скончался на месте. Место это находилось в пятнадцати минутах ходьбы от гордеевского дома, на улице Карьерной. Знаю я эту улочку — пустыри, гаражи да бродячие собаки, ни одной человеческой души. Машину, совершившую наезд, не нашли. Впрочем, этого отвечавшая мне девушка точно не знала.

Вячеслав Платонович бросил в рот какую-то таблетку, запил коньяком и растерянно взглянул на меня:

— Но почему... А может, это не Гордеев? Наверное, нужно на него посмотреть...

— Может, и не придется, — проговорила я и снова взялась за телефон: — Ильин, сделай одолжение, выясни у гаишников — не знаю, по какому протоколу у вас вообще это делается, и кто на какие происшествия выезжает, — кто занимался вчерашним наездом на Карьерной. Там неопознанный труп. Вероятно, это Гордеев.

По-моему, Никита там у себя уронил телефон. Или сейф. Или письменный стол. Или все сразу.

— Какой черт понес его на эту Карьерную?! — злобно рявкнула я и, видимо, в наказание, поперхнулась кофе. Вячеслав Платонович тактично переждал мой кашель и деликатно предположил:

— Может, у него там приятель какой-нибудь живет?

— Это Ильин выяснит. Только, по-моему, вряд ли. Не верю я в таких приятелей.

— Или с кем-то встретиться договорился?

— Вот это мне больше нравится. Для полного счастья не хватает свидетеля, который сообщит, что Гордеева переехала белая «пятерка».

Та-ак. Кажется, я что-то не то сказала. Вячеслав Платонович выглядел совершенно ошарашенным. И коньяк, видать, не помог. Я пододвинула ему свой, он выпил его, по-моему, даже не заметив, что делает.

— Почему?.. У Вали белая «пятерка»...

— Номер?! — едва не завопила я.

— Леонид, триста двадцать пять, Ульяна, Семен.

Я облегченно вздохнула и покачала головой — ничего похожего, только двойка в середине.

Воля ваша, можно еще представить, как мать убивает любовника дочери — хотя бы ради сохранения остатков «чести». Но чтобы при этом дочь же за это еще и села — это уже материал для психиатров.

Хотя и такое бывает. Помню, года три назад мы писали об истории, достойной если не Шекспира, то, как минимум, Софокла или Расина. Дама в одиночку вырастила дочь и решила, что пора уже и о себе подумать. Нашла себе мужа и принялась наслаждаться семейным счастьем. Но недолго. Поздняя любовь, как детские болезни у взрослых, протекает тяжело и с разными осложнениями. Стало даме страшно, что счастье ее недолговечно. Далеко ходить она не стала, приревновала возлюбленного к дочери. И, недолго думая, накормила крохиночку крысиной отравой. Был к тому повод или нет, сказать трудно. И муж, и дочь, которая, к счастью, выжила, уверяли, что никогда друг на друга даже не взглянули неподобающе, но кто их там разберет.

— А у Вадима этого, ну, Демина, есть машина?

Вячеслав Платонович кивнул. Все-таки потрясающий он источник информации! О чем ни спроси — все знает.

— Тоже белая «пятерка», — сообщил он совершенно убитым голосом. — Ему отец отдал, когда себе новую купил.

— Номер! — На этот раз меня едва хватило на придушенный шепот.

— Сейчас-сейчас... — Вячеслав Платонович стал лихорадочно листать громадный черный блокнот. — Вот, нашел. Георгий семьсот восемьдесят три Николай Олег.

— Тоже не то, — расстроилась я. — Только семерка и Олег совпадают.

— А какой номер нужен?

— Антон семьсот двадцать шесть Харитон Олег. Только такой машины в природе не существует.

— Как это?

— Под этим номером зарегистрирован темно-синий «фольксваген». Ездит на нем некая Ольга Григорьевна Кравцова, которая никаких Челышо-

вых и Гордеевых никогда в глаза не видела. Валентину Николаевну, правда, знает, но — постольку поскольку, причесывается у нее.

— Да-да, к Валечке многие стараются попасть, у нее рука легкая. Но я не понимаю, какое отношение...

— Белая «пятерка» с упомянутым номером стояла возле чельшовского дома примерно в то время, когда тот был убит. Из машины вышел некий мужчина неопределенной наружности и возраста, вошел в подъезд, через какое-то время вышел и уехал. Ильин считает, что мой свидетель — которого, кстати, все равно ни допросить толком, ни к следователю привести невозможно, — неправильно запомнил номер. А я с ним, со свидетелем, лично разговаривала. Одну цифру он, предположим, и мог еще перепутать, но никак не больше.

— Как это, допросить нельзя? — удивился Вячеслав Платонович.

— Мелкий еще. Ему, дай бог, лет шесть.

— И он номер запомнил? — недоверчиво протянул господин адвокат.

— А у него сдвиг на машинах. Он коллекционер своего рода. Увидел незнакомую тачку — как это, чтобы я в своем дворе чего-то не знал, — вот и запомнил.

— А ведь и Валя говорила, что Виктор Ильич какую-то машину упоминал. Или что-то связанное с машинами...

— Вячеслав Платонович, я сейчас поеду домой. Буду думать, что такое мог вспомнить или понять Гордеев. Если бы он просто вспомнил, что видел у дома знакомую машину, он позвонил бы следователю или своему участковому, с которым у него были прекрасные отношения, и только потом начал бы вас разыскивать. А тут, если и было что-то, связанное с машиной, — это было не главное. Главное он «понял или вспомнил».

— По словам Вали, он упомянул, что, когда осматривали соседскую квартиру, заглянул на кухню.

Настала моя очередь удивляться.

— На кухню? При чем тут кухня? Ладно, подумаем и про кухню. Вячеслав Платонович, а к вам у меня будет просьба.

— Все, что в моих силах...

— У вас, наверное, есть список тех, с кем покойник, ну, скажем, контактировал?

— Не полный, к сожалению. Олег мало кого знает, он редко с кем виделся. А Дина улыбается и молчит.

— Улыбается?!!

— Улыбается и головой качает, — подтвердил Вячеслав Платонович.

— Оч-чень интересно. Выходит, она знает, кто...

— Очень смелый вывод. Хотя что-то она, безусловно, знает...

— Ладно, не клещами же из нее вытягивать. Нравится быть жертвой — пусть. Это все потом. Хотя тоже наводит на размышления. Мне же вот что нужно. У кого из тех, кто вам известен, белые «пятерки»? Можно такую информацию добыть?

— Сделаю все, что в моих силах, — пожал плечами Вячеслав Платонович.

20

Подумать, однако, не удалось. У дома меня дожидался любимый майор.

— Может, ты мне объяснишь, как ты на этот раз меня опередила?

— Нет уж, дорогой мой, сначала ты мне расскажешь, что ты узнал, договорились?

Ильин тяжело вздохнул, налил в чайник воды и включил его. Ну вот, я даже не заметила, как мы до квартиры-то добрались — все пыталась взглядом его убить.

— Ты улицу Карьерную себе представляешь? — уныло начал Никита.

— Более-менее. В сторону вокзала сплошные гаражи и буераки, еще базы какие-то, автосервис, кажется, есть, непонятно, что он в таком месте делает, с другой стороны, метрах в двадцати, за деревьями дома. Двенадцатиэтажки, насколько я помню. В общем, курмыши. Я там каблук когда-то сломала.

— Чего это тебя туда занесло?

— Пыталась напрямик пройти. Обходить показалось долго. Поспешай не торопясь, называется. Ты не отвлекайся, рассказывай.

— Тут еще повезло, что будний день, а то он мог бы там и сутки, если не двое пролежать. Какой-то «КамАЗ» ехал на одну из этих баз не то грузиться, не то разгружаться. Заметил, человек лежит, подумал, алкаш отдыхает. Часа через два едет обратно, а он все лежит. Водила оказался душевный, забеспокоился, остановился, вылез и кровь увидел.

— Много?

— Да нет, не особенно. Но там ведь камней да железок навалом, просто упасть, и то наверняка на что-то наткнешься. А уж если машиной ударили...

— А точно машиной?

— Точнее не бывает. На одежде и в ранах следы автомобильной краски. Чуть-чуть, но достаточно.

— Белой?!

— Белой, белой. К сожалению, по микрочастицам не определишь, «пятерка» это была или еще кто. И уж тем более номера на них не нарисованы. А белых машин в городе, сама понимаешь... Каждую не проверишь.

— Ну, теперь-то ты сможешь следователю доказать, что Дина — далеко не самый подходящий подозреваемый. И уж, по крайней мере, не единственный.

— Попробую, — вздохнул ненаглядный. — Сначала нужно уточнить, не было ли в тех домах у Гордеева приятелей.

— Ну-ну... Это какого же дьявола он к приятелю шел в такой обход? Если бы к кому-то, шел бы дворами.

— Тоже верно. Хотя приятель мог, например, в одном из автосервисов работать — их там, кстати, целых три. Шанс, во всяком случае, есть. Свидетель гибнет под колесами именно тогда, когда главный подозреваемый в камере. Это, как минимум, странно.

— Вот-вот. Так своему следователю и скажи.

— Скажу, конечно, — кивнул Никита. — Меру пресечения хотя бы поменяют, и то хорошо. Черт! Ты спиритизмом никогда не увлекалась?

— Да нет вроде. А зачем тебе?

— Не обращай внимания, это я от злости, — дернул плечом Ильин. — Выходит, Гордеев еще что-то знал?

— Ну, вообще-то, если бы не твой визит, я собиралась посидеть и вычислить именно это. И если ты тихонечко притаишься в уголке и сделаешь вид, что тебя тут нет, я-таки попробую этим заняться.

— И как ты собираешься это вычислить? — удивленно посмотрел на меня Никита.

— Без понятия. Может, само собой получится, не знаю. Призову на помощь внутренний голос и хваленую женскую интуицию, втроем до чего-нибудь и додумаемся. Попробую оттолкнуться от его звонка Валентине Николаевне.

— Стоп! Какой звонок? Когда? Почему я не знаю?

— Да вчера же. Хотел связаться с адвокатом, поговорить, потом пойти к следователю. Чего-то он не то понял, не то вспомнил, а может, узнал. Упомянул время... А может, и не время вовсе, а дверь. Валентина Николаевна, к сожалению, автоматической памятью на текст не отличается, да и волновалась сильно. Еще упомянул вроде бы посетителей, какую-то машину или машины. И еще сказал что-то про кухню.

— Какую кухню?

— Челышовскую. Мол, когда квартиру осматривали, он, то есть Виктор Ильич, туда заглянул. Это она точно запомнила — странным показалось. Мне, в общем, тоже. Может, тут собачка и зарыта.

— Ну и что?

— Пока не знаю. Сейчас сяду и буду думать.

Предположим, Гордеев вспомнил, что, возвращаясь с рынка, видел у дома какую-то знакомую машину — ту самую белую «пятерку», вероятно. Нет, сомнительно. Что значит — «знакомую»? Белых «пятерок» в городе легион, номер, который сообщило юное дарование, ложный. Подвеска и клякса? Ну, допустим. Это все-таки, какие никакие, а приметы. И что? Искать по всему городу белую «пятерку» с кляксой на правом крыле и обезьянками за ветровым стеклом? Во-первых, как? Хозяин может быть зарегистрирован по одному адресу, а живет по другому, или вовсе на машине кто-то по доверенности катается. Во-вторых... Снять подвеску и отклеить кляксу — полминуты. Нет, это не приметя.

Так, а если белая «пятерка» вообще ни при чем? Может, там стояло нечто куда более редкое? Нет, все равно, Гордеев был дядька въедливый, к тому же принципиально въедливый. Если бы заметил хоть что-то знакомое, вернувшись домой, записал бы в свой «талмуд-поминальник». У него в этом вся жизнь состояла. А после рассказал бы тому же Ильину. Не рассказал — значит, ни о каком «узнавании» речи быть не может. Узнал, не узнал — сейчас уже не спросишь, и упираться в эту стенку нет никакого смысла. Скорее всего, Валентина Николаевна чего-то недослышала или недопоняла. Даже если я ошибаюсь в оценке гордеевского характера и привычек, и он все-таки какую-то машину вспомнил, — чью именно, уже не узнать. Нет и нет, вариант «машина» бесперспективен.

Тогда остаются время, посетители и кухня.

Ну, время и посетители — почти ясно. Виктор Ильич сложил два и два, после чего до него дошло, что его показания о том, что кроме Дины никто в квартиру Чельшова не входил, гроша ломаного не стоят. Я и то там две огромные дыры обнаружила, стадо слонов пролезет, не то, что один несчастный убивец. Так что попасть в квартиру можно было незаметно. И выйти тоже. А вот с убийством сложнее. Времени на это уже не хватает. Дина должна была застать Сергея Сергеевича уже в виде трупа. Ну, не при ней же убивали, в самом-то деле! Хотя... этот вариант тоже, пожалуй, заслуживает рассмотрения. Потом.

Итак, кухня. Что же Виктор Ильич там такого увидел, что сначала не обратил особого внимания, а потом понял, что...

Так. Начнем с того, что он там вообще увидел. Ну, может, минус окна, двери и выключатели — они величины постоянные. Итак, сначала «вообще», потом «что именно». Тепло, Маргарита Львовна, радостно сообщил внутренний голос.

Значит, входим на кухню... Эх, надо было у Никиты попроситься поглядеть, как оно там все выглядело, иначе трудно выстраивать картинку. Ладно, одернул меня внутренний голос, думай давай, планировка стандартная, плюс Ильин весь протокол осмотра пересказал! Думаю. Входим. Так, медленно, по часовой стрелке...

Слева холодильник, за ним шкаф, напротив двери окно и дверь на балкон, в углу плита. Плита? Нет, ничего там не было, чайник Чельшов не ставил. Небольшой стол между плитой и раковиной, на нем пусто, только холодный чайник да солонка. На стене над этим столом две длинные держалки. Одна для лопаточек-половников, другая для ножей. Хозяйственный мужик был покойник. Одного ножа не хватает, длинного, которым воспользовался убийца. А должно бы не хватать еще, по крайней мере, одного короткого. Ни в жизнь не поверю, чтобы кто-то чистил перчики длинным ножом — очень неудобно. Значит, уже вымыл? Тогда один из коротких ножей должен висеть влажный, это надо уточнить. Раковина. Пустая. А овощи он куда чистил? От помидорчиков, тем более от перчиков куча очисток и обрезков остается. Да и от зелени хвостики... Сразу в ведро? Вероятно. Над раковиной сушилка, вроде ничего в ней интересного. Смотрим дальше, стол — справа от входной двери. На столе тарелки с нарезанной ветчиной и осетриной, хлеб, бутылка с оливковым маслом, доска, на которой резали... Стоп! Не было доски. Ни одной. А должна быть. Даже если он резал ветчину и помидоры на одной и той же доске, что вряд ли... Ага, значит, все, что нужно нарезать, к моменту убийства было уже нарезано. Сразу помыл доски и повесил на место. Вместе с ножом. Это возможно, аккуратность и педантичность — они или есть, или нет. Только когда же он успел? Или убийца вымыл? Зачем? Нет, не то.

Так, кухня-то почти закончилась. Беспорядка там не было, Ильин бы сказал. Стол. Стол. На столе только то, что готово — остальное уже убрали в холодильник. Хлеб, ветчина, кроваво-красный салат, присыпанный зеленью, но еще не заправленный, масло для него... Стоп! Неужели...

— Ник! — завопила я так, что меня, должно быть, слышали космонавты на орбите. Никита же, видимо, решил, что я, по меньшей мере, подверглась неожиданному нападению вражеского десанта. Он появился в дверях кухни, когда я еще не успела закрыть рот, и на лице его явственно была написана готовность защитить меня, как минимум, от дюжины террористов. Жаль только, террористов под рукой не было — интересно бы посмотреть... Давно уже меня никто ни от чего не защищал.

— Никитушка, солнышко, два вопроса. То есть, вообще-то больше, но главных два. Вопрос первый — из чего был салат?

— Помидоры, перец, зелень, соль...

— Какой перец?

— Что значит — какой? Обычный, болгарский, сладкий. Сорт не знаю, могу уточнить.

— Красный?

— Ну да.

— Можешь считать меня гением, — заявила я. — Я знаю, что именно Гордеев понял. Правда, кое-что надо уточнить: зелень какая в салате была?

— Укроп, петрушка, кинза, — послушно перечислил Ильин.

— Отлично! Теперь холодильник. Ветчину и осетрину он всю нарезал?

— Нет, в холодильнике остатки были.

— А овощи какие в холодильнике? И сколько чего?

— Помидоров десяток, перцев шесть штук...

— Каких?

— Да болгарских же, что ты к ним прицепилась?

— Красных или зеленых?

— Ну, зеленых.

— А зелень была?

— Пучок петрушки, пучок кинзы, полпучка укропа...

— Все, достаточно. Можешь еще сказать, хотя бы один из ножей на держалке был влажный?

— Насколько я помню, даже два. У них ручки деревянные, долго сохнут.

— А доски разделочные?

— Одна была влажная. Да скажешь ты, наконец, в чем дело?

— Не-пре-мен-но, — гордо пропела я. — Ты мне теперь должен по гроб жизни.

— Если ты немедленно все не расскажешь, гроб тебе будет очень быстро. — Никита поджал уголок рта и забарабанил пальцами по столу.

— Ладно уж, слушай...

22

Я вольготно развалилась на кухонном диванчике и начала вещать, изображая из себя великого сыщика.

— Не знаю, как ты, а я сначала исходила из гордеевских показаний: никто к Челышову, кроме Дины, не входил и не выходил. По правде сказать, даже самого Гордеева из-за этого заподозрила.

— И ты тоже? — усмехнулся Ильин. — Почему же?

— Деньги, конечно. Сосед его подкармливал, от этого обычно в людях зависть произрастает. «У них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает». А тут можно и человечество облагодетельствовать — приклепнуть разносчика заразы, то бишь наркотиков, — и все деньги сразу забастать. Ну, может, не все, но много. Мог Челышов в квартире тысяч десять баксов держать?

— Мог и больше.

— Вот, вот, представляешь, какая это сумма для нищего пенсионера? Да еще то, что он тебе не рассказал, а мне доложил. Дескать, сразу, как Дина в квартиру вошла, он услышал что-то вроде «хватит!» — и потом звук падения.

— Сразу? — с некоторым сомнением переспросил Ильин. — Влетела в квартиру, закричала «хватит!» — и на хозяина с ножом? Причем с его же собственным. А все в один голос твердят, что Дина девушка очень сдержанная...

— Да вот мне тоже это странно показалось, потому и заподозрила.

— То есть ты решила, что тут Гордеев врет?

— Ну... врет-не врет, но что-то в этом такое... сомнительное. А если он убил, то, конечно, врет.

— Так, а при чем тогда Дина? Ну, то есть, если убийца — Гордеев.

— А ни при чем, так, подвернулась. А может, знал, что она должна прийти. Да ладно, проехали. На самом деле не версия, а решето позапрошлого века, дыра на дыре. Сейчас-то ясно, что Гордеев ни сном ни духом...

— Это да, сейчас-то ясно, — вздохнул Никита. — И кто тогда?

— Может, тебе его сразу в наручниках привести? Не знаю я — кто. Я тебе реконструкцию события предлагаю. Надо?

— Так предлагай, что ж ты kota в мешке продаешь. Я пока версии не слышу, одни... м-м... намеки.

— Продолжаем. На самом деле в гордеевских показаниях есть две замечательных дырки. Дырка первая — когда он ходил на рынок. Злостный убийца вполне мог в это время к Челышову явиться. А уйти, пока Гордеев в полицию звонил. Уже после ухода Дины.

— Ну... Продолжай, солнце мое, слушаю тебя оч-чень внимательно.

— Меня сбивал этот дьяволов салат. Гордеев притащил перчики-помидорчики где-то в пятнадцать-четырнадцать, в пятнадцать-восемнадцать, а через четыре минуты — обрати внимание! — случился звонок от Челышова к Дине. В пятнадцать-двадцать три Дина была уже на месте и, если я правильно понимаю, застала уже труп. Приходится предположить, что хозяина убивали при ней, а это уж бред какой-то. В общем, если в качестве

аксиомы брать ее невиновность, остается единственная хоть сколько-нибудь разумная версия — Челышова убили прямо перед приходом Дины.

— А при чем тут салат?

— При времени. На приготовление салата надо не меньше десяти минут. Помыть, почистить, нарезать. По времени не получается.

— А если салат резал убийца?

— М-да. Это мне, признаться, в голову не приходило. Но зачем? Чтобы все запутать? Бред какой-то. Ему смываться надо, а он салат рубит.

— Ох, Рита, — усмехнулся Ильин, — ты и не представляешь, чего только не делают люди ради того, чтобы «все запутать»...

— Может быть. Только очень уж глупо. Мне кажется, тут все немного проще было. Вот смотри. Я не спрашивала у Гордеева, сколько помидорин он принес, зато точно помню, что он сказал: «Перчики, правда, зеленые, но толстенькие, сочные, красных хороших не было». Зелени он принес, по его же словам, три пучка: петрушка, укроп и кинза. И что получается? Гордеев перцы принес зеленые, а в салате красные. И зелень целая. Только укроп Челышов использовал для салата, а? А его помыть и нарезать — минута на все про все.

— Ну... — Нетерпеливое недоумение на майорском лице постепенно сменялось интересом.

— Баранки гну. Значит, все не так. Значит, какое-то количество овощей у покойника — тогда еще вполне живого — в холодильнике еще оставалось. Так что когда он получил от Гордеева пакет с овощами и хлеб, он уже — понимаешь, уже! — приготовил салат из того, что было, и ему осталось нарезать лишь укроп, так? Ну, хлеб еще...

— Хлеб был не нарезан.

— Тем более! Значит, и салат убийца не готовил. Сам подумай, если бы он это сделал, чтобы всех запутать, то уж хлеб-то нарезал бы, да? Значит, салат все-таки готовил хозяин. Но заранее. К четверти четвертого ему осталось нарезать укроп, потом сполоснуть нож и доску. Одну доску он снял с крючка, а хлебную снять не успел. На все про все — минута. На часах где-то пятнадцать-шестнадцать. Дальше возможны варианты. Вот тебе один, для примера. Сергей Сергеевич звонит Дине, что-то ей говорит, требует придти. Это слышит убийца — который вошел, пока Гордеев ходил на рынок, может, и специально выжидал момент, если заранее планировал убийство, — а может, и не планировал, не знаю. Пока Челышов говорит по телефону, дойти до кухни, взять нож, вернуться — полминуты, может, и меньше. Челышов кладет трубку, направляется в кухню, по дороге проходит мимо убийцы и получает удар в спину... Убийца протирает ручку

ножа и прячется — за штору, на балкон, во вторую комнату, не знаю. Возможно, перед этим изымает из тайника деньги — на этом я не настаиваю.

— А телефон?

— Приходится признать, что убийца его протер. Хотя, если звонил сам хозяин, протирать телефон было совершенно незачем, кому мешают хозяйские «пальчики»? А телефон-таки протерли. Но это детали, есть немало другой вариант, давай пока дальше. Через пять-семь минут является Дина. При виде крови, естественно, хлопается в обморок...

— С какой стати?

— Здрассьте! Она всю жизнь крови не выносит. Вплоть до обмороков. Белеет, зеленеет, теряет сознание.

— Действительно, здрастье. Почему мать мне про это не сказала?

— А уж это ты спроси у матери! Мне она, по правде говоря, сильно умной не показалась. Ей запросто могло не прийти в голову, что этот факт может иметь какое-то значение. Кстати, она и мне не упомянула о том, что Дина крови не выносит. Вячеслав Павлович сообщил.

— Ладно, готов согласиться. Дальше?

— Дальше? Дина в обмороке, убийца выходит из укрытия, вынимает нож из раны — а может, и с пола поднимает, не знаю, это зависит от того, сколько там крови было, — вкладывает ей в руку, прижимает пальцы, аккуратно бросает его на прежнее место, прячется и ждет, пока Дина очнется. Дина приходит в себя и отправляется восвояси... Хотя есть вариант, что не совсем сразу... Ладно, Дина уходит. Убийца ждет. Виктор Ильич через несколько минут после ухода Дины появляется на пороге квартиры, видит труп, убегает звонить в полицию. Убийца, неплохо знакомый с соседскими привычками, пользуется моментом и «делает ноги». Уезжает — очень мне нравится мой свидетель — на белой «пятерке».

— Солнышко мое, ты понимаешь, кого описала? Человек, либо достаточно часто бывавший у Челышова, чтобы быть осведомленным о месте хранения наличности, человек, который ездит на белой «пятерке», человек, не только знающий о способности Дины хлопаться в обморок при виде крови, но и достаточно ей близкий... Она ведь почему-то молчит, ты не забыла?

— Не забыла, дорогой мой. И ты не забывай о том, что именно Гордеев, кажется, слышал — «хватит!», а потом звук падения тела. Причем почти сразу после того, как Дина вошла в квартиру.

— Не понял.

Я встала и вышла из кухни в комнату. Там я довольно громко произнесла одно слово и вернулась в кухню.

— И что ты слышал, солнышко?

— «Хватит!», потом ничего, падать ты, я понимаю, не стала, так?

— Так, — улыбнулась я. — Только я выкрикнула не «хватит!», а «Вадик!»

Вопросы есть?

Вопросов не последовало.

— Я ведь сразу предупредила, что возможны варианты. То ли Дина увидела этого своего Вадика, плюс кровь — и плюхнулась без сознания. Второй вариант — звонил сам Вадик, в переживаниях от происшедшего — потому как Челышов уже лежал с ножиком в спине. Поэтому и телефон чистый, Вадик его вытер. Может, Дина увидела или его, или кровь, вот и молчит — как сказал Вячеслав Платонович — самоотверженная. А может, ждет, что он сам во всем признается. Как подобает истинному рыцарю.

— А машина у рыцаря есть?

— Есть, и, как на грех, опять белая «пятерка».

— А номер?

— Георгий семьсот восемьдесят три Николай Олег. Ничего похожего. Только семерка и Олег. Ну, Никитушка, неужели так сложно сделать фальшивый номер?

— Да нет, теоретически ничего сложного, — пожал плечами майор. — Хотя практически... Тебе что, этот парень так сильно не понравился?

— Врунишка — раз, на женщину клеветает — два, без мозгов — три, Дину просто топит...

— Да уж, не очень симпатичный мальчонка, — согласился Ильин. — Думаешь, специально топит?

— Что специально — это вряд ли, скорее просто дурень. Ведь одно дело, от «большого» ума не сообразить, что копаешь соседу яму, и совсем другое — копать ее сознательно. Пальчики-то, а?

— А может, она все-таки сама за нож схватилась? Или даже вытащила его из раны в растерянности, перед тем, как в обморок грохнуться?

— Может, и так. Тогда все-таки Вадик.

— Ладно, допустим. Но Гордеев-то мертв почему-то. Откуда Вадик узнал, что Гордеев чего-то там не то вспомнил, не то понял, не то выяснил? С чего он взялся его ликвидировать?

— А почему ты думаешь, что обязательно узнал? Запаниковал, решил перестраховаться. Решил, что его видели, например. Еще один вариант — может, Валентина Николаевна не только адвокату, но и Вадику о звонке Гордеева доложила. У нее вообще, по-моему, привычка любую проблему на кого-нибудь перекладывать. Лучше всего на мужской пол.

— Что, и она тебе не понравилась? — хмыкнул Ильин.

— Ну почему же? Наоборот, есть чему поучиться. Вон как вокруг нее выются.

— Ладно, одну машину проверить — это мы сделаем. Ну, и распорядок молодого человека за эти два дня. Хотя не нравится мне это. Трудно поверить, чтобы человек стал так безумно рисковать. Он ведь не мог быть уверен, что сосед не подсматривает.

— А откуда ему вообще знать про подсматривающего соседа?

— Это мысль. Действительно, откуда бы...

23

Ожидая весточки от Ильина, я занялась, наконец, тем, чем следовало заняться давным-давно. Нет, я не про газетную текучку. Эта деятельность происходила как бы сама по себе, на уровне спинного мозга, оставляя голову свободной для всего остального. Хотя журналистику и считают работой творческой, но результаты исключения головы были, как ни странно, самые положительные. На планерках меня регулярно хвалили, а я сидела с видом медитирующего осьминога и строила одну за другой версии, которые потом сама же и опровергала.

После одной из планерок, ошарашенная обещанием небольшой премии, я отправилась к челяшевскому дому. Понаблюдав минут десять за окрестностями трансформаторной будки и убедившись в наличии интересующего меня персонажа, я запаслась баллоном пива и «пошла в народ».

Встретили на высшем уровне — в том смысле, что не спросили тупо «кто такая, чего надо?» — а вполне мило поздоровались. Меня, впрочем, интересовал лишь один из присутствующих. И даже не он сам, а нечто, ему принадлежащее. Когда он в очередной раз поднес мне «огоньку», я попросила у него зажигалку, чтобы внимательно рассмотреть ее. Ничего не скажешь, зажигалка была стильная. Ровный, слегка скругленный параллелепипед, сверху и снизу блестящий металл, основная часть обтянута чайного цвета кожей. На ней — тиснение под цвет металла. С одной стороны — сплетенные «В» и «Д», с другой — не то феникс, не то жар-птица. Цвет кожи был неровный, кое-где даже пятнистый. Я принялась. Кроме положенного газового душка, зажигалка отчетливо пахивала свалкой, кожа, как известно, держит запахи практически вечно. Тем не менее, вещь была классная. Штучная.

— Последнее, что осталось от прежней жизни, — с нужной долей горечи в голосе сообщил «владелец».

Я позволила себе усомниться в предложенной версии. Мой собеседник обиделся, даже возмутился моим недоверием и немедленно продемонстри-

ровал глубокие познания в родном языке и мировой литературе. Во всяком случае, некоторые периоды явно восходили к Вийону, а некоторые ассоциативные ряды — к Японии. Я немного послушала его, затем отозвала в сторону и постаралась как можно более кратко, но доходчиво объяснить: возвращение предмета не входит в мои планы, тем более что запах уже ничем не выведешь, но мне очень хотелось бы услышать что-нибудь более близкое к реальности, нежели легенду о «последнем осколке прошлого».

Он осмотрел меня с головы до ног, потом с ног до головы, подумал и уточнил:

— И я тебе ничего не рассказывал?

Это я поняла, как «сообщение не для печати, на меня не ссылаться», и успокоила его:

— Не больше, чем памятник Александру III. Сорока на хвосте принесла, годится?

— Договорились. Мужика в том подъезде порезали, знаешь? — Он махнул рукой куда-то за правое плечо.

— Ну, — кратко подтвердила я свою информированность.

— Вот на следующее утро, когда мусоропровод выгребали, я пошел посмотреть, она и блеснула.

— Больше никто не видел?

— Черта с два я ее тогда подобрал бы, — помотал он головой.

— И часто ты так?.. Впрочем, неважно, твое дело. Значит, говоришь, в мусоропроводе...

— А чего? — ошетинился «информатор». — Хорошая же вещичка! Ну, воняла, конечно. Я уж ее отмывал, отмывал, бесполезно. Но ведь штучка действительно красивая. И мне подходит. Меня Виктор Денисович зовут.

— А чего ментам не сказал, Виктор Денисович? Ясно же, что не просто так она в мусор попала, да и пятна тут, видишь? Ничего не напоминает?

— Я что, на больного похож, по собственной инициативе ментам докладывать? — обиделся бомж. — Они мне зарплату не платят. Мало ли какие там пятна? Выбросили и выбросили.

— Ладно, не обижайся, спасибо за информацию, иди, пока все пиво без тебя не выпили.

Да уж, странно все это. Зажигалка, судя по всему, принадлежала Вадик, а в мусоропровод ее выбросила наверняка Дина. Из этого следуют два вывода. Первое — она молчит, потому что считает убийцей его. Второе — его самого она в квартире не видела, а увидела и подобрала только знакомую зажигалку.

Значит, все-таки Вадик? Явился к Чельшову, убил — хотя, быть может, и не собирался этого делать, — в панике позвонил драгоценной возлю-

бленной и сбежал. При этом ухитрился потерять зажигалку, но не оставить в квартире больше никаких следов своего присутствия. Зато зажигалку уронил прямо в кровь.

И тут начинаются неясности. Как Дина смогла не заметить машины Вадика? И, собственно, его ли это была машина? Когда он покинул квартиру? Как на ноже оказались Динины «пальцы»?

Первая неясность могла бы объясняться вполне невинно — машину Дина не заметила, так как была в сильном волнении. Или потому, что машина в тот момент у дома уже не стояла. Или это была совсем другая машина. Непонятно. И с третьим вопросом туман.

И с «пальчиками»... Все-таки сама за ножик схватилась? Это в какой же, интересно, момент? До обморока — вряд ли. После? А чего тогда с собой не унесла? Зажигалку-то унесла, сообразила. И откуда там вообще взялась эта зажигалка? Сам Вадик и обронил? Ну, он, конечно, идиот, но не до такой же степени! Хотя... паника сильно мешает проявлять умственные способности. Тем более, когда они и так невелики...

Допустим, с зажигалкой все так и было: Вадик по дурости обронил, а из-за паники не подобрал, а Дина вещицу узнала и выбросила. Что дальше?

Раз уж я оказалась в этом дворе, не вредно было поглядеть на то место, где в момент убийства стояла несуществующая машина. Может, дитя надо мной просто пошутило?

Однако уже через полчаса стало ясно, что дитя отнюдь не пошутило.

Раздобыть нужную информацию оказалось на удивление легко. Помог «беличий» инстинкт, присущий большинству представителей российского народа — страсть превращать каждый мало-мальски доступный кусочек земли (даже посреди многоэтажек) в стихийный огородик. Дело, безусловно, полезное. Особенно увлекаются такими огородиками бабушки, которым на дачу ездить уже трудно. А обиходить две-три грядки «на заднем дворе», под собственным окошком — это запросто.

Злополучная машина, судя по рассказу чада, встала впритирку к одному из таких огородиков. Его хозяйку я нашла без особых усилий.

— Стоял, а как же, стоял, ирод, аккурат на петрушку влез, самую капельку до фасоли не достал. Точно, в тот самый день, что мужика любовница зарезала. Только это я потом узнала. Выглядываю в окошко — стоит, злодей, точно, белый, и клякса на боку блестит. А уж какая машина — не скажу, не разбираюсь я в них. Но встал прямо на грядку, чтоб у него все колеса полопались! Не для него ведь посажено! Я думала, дождусь да и скажу ему все... А пока спустилась вниз-то, его уж и след простыл, — горестно вздохнула бабуля.

- Безобразие! — согласилась я. — А когда примерно это было?
- Ох, не знаю, на часы-то я не смотрю, у меня радио работает. Точное время пропикало, а уж потом я его увидела, злодея этого.
- А когда вышли на улицу, его уже не было?
- Не было, не было, — закивала бабуля.
- И никого больше не видели?
- Как же не видела? Видела! Никитичну видела, ей все рассказала, потом...
- Чужих кого-нибудь? — не очень вежливо перебила я, потому что бабуля, кажется, собралась перечислять всех своих местных знакомых.
- А любовница его как раз из подъезда выскочила.
- Чья любовница? — не поняла я.
- Эта, которая мужика своего зарезала. Небось, погуливал от нее? — Она с каким-то хищным интересом ждала, что я отвечу. Ну, еще бы! Такое событие посередине серой действительности.
- Вряд ли. Да и не она его зарезала...
- Я тоже так подумала, когда ее забрали. Как же так? Жалко, красивенькая такая и не намазанная совсем. Хотя и любовница... — вздохнула бабуля. — А кто же его тогда?
- Эх, если бы знать... — не менее горестно вздохнула и я.

24

За размышлениями я не заметила, как оказалась дома. На автопилоте проскочила полгорода. Чудеса! А говорят, что сомнамбулы только по ночам ходят...

Дьявольщина! Я все время исходила из того, что убийца должен был покинуть квартиру после Дины, пока Гордеев кому-то там звонил. Это единственный момент, когда можно быть абсолютно уверенным, что тебя не засекут. Но бабулин рассказ все меняет. Либо эта машина к убийству никакого отношения не имела, либо все было совсем не так, как я сочинила. Логика логикой, но, как пишут в объявлениях, «возможны варианты». Виктор Ильич ведь не сидел полчаса у «глазка» как приклеенный. Да и не полчаса вовсе. Полчаса — это если считать время с того момента, как Челышова видели живым и невредимым, до того, как Виктор Ильич наткнулся на тело. На самом деле меньше получается. Но все равно — не торчал Гордеев все это время у «глазка». Мог и в туалет отлучиться, или на кухню, чай заварить — на это минуты две-три надо. А чтобы тихонечко покинуть квартиру, нужна примерно минута. Рискованно, конечно, но возможно. И кто же это у нас такой рисковый?..

Стоп! А телефонный звонок? От него до прихода Дины прошло минут пять-шесть. Звонил либо Челышов, либо убийца. Но хоть так, хоть эдак, а покинуть квартиру убийца мог только после звонка, значит, возможное время «исчезновения» еще больше сокращается.

Запуталась я совсем. Пора распутываться.

До телефонного звонка убийца покинуть квартиру не мог. Иначе кто же тогда звонил? Челышов поднялся с пола, чтобы прохрипеть в трубку последнее «прости», потом аккуратненько вытер аппарат и снова улегся на пол? Да ведь как ровненько улегся — даже при осмотре не определили, что тело перемещалось. Бред! Ладно, будем считать, что в момент звонка убийца еще в квартире. На часах пятнадцать-восемнадцать.

Разумнее всего удалиться после ухода Дины. Логичнее. Но у него, похоже, другая логика. Если эта чертова машина с кляксой имеет к убийству какое-то отношение, тогда убийца покинул «поле битвы» раньше Дины.

Нет, не получается. Когда Дина пришла, Гордеев начал прислушиваться да присматриваться, так что во время ее присутствия из квартиры и мышь бы не прошмыгнула. Значит, убийца должен был исчезнуть до ее прихода — сосед в это время как раз чай заваривал или что-то в этом роде. А «пальчики» Дины на ноже — чистое везение, для убийцы то есть.

Что-то у меня не связывается. Какой-то убийца... двусмысленный. Вроде балбес балбесом. Машину на виду ставит, квартиру покидает, рискуя, что сосед его почти наверняка заметит... И все ему с рук сходит. Дуракам везет? Ох, не верю я в такое фантастическое везение.

Что же все это такое? Скопление слабо связанных между собой удачно-неудачных случайностей? Или тщательный расчет? И вообще, что я на этой входной двери зациклилась? В квартире, кроме нее, еще два окна и лоджия.

Окна? Я представила себе личность, вылезаящую из кухонного окна при ясном свете дня, на глазах у всей дворовой изумленной публики и по ровной стеночке ползущую... куда? Вниз? Вверх? Влево-вправо? Ага, скалолаз-невидимка. Если он невидимка, то ему незачем быть скалолазом, верно? А, в самом деле, почему бы и не невидимка?

В тот день, когда я впервые посетила господина Гордеева, над крайним, шестым подъездом болталась малярная люлька. Почему бы ей в день убийства не висеть над подъездом Челышова?..

Я тут же принялась терзать телефон очередной невыполнимой задачей. А все от лишней гордости. Ведь абсолютно всю нужную информацию можно было получить за три минуты и без затрат нервной энергии — достаточно было позвонить Ильину. Нет, все непременно надо самой сделать.

Сначала разные безымянные голоса долго доказывали мне, что никаких маляров в том районе вообще не было, и никаких люлек ни на каких домах висеть не может. Через полчаса, когда я совсем уже уверилась в том, что страдаю навязчивыми галлюцинациями, кто-то, наконец, проговорился — была люлька, и не просто была, до сих пор висит. На соседнем доме. Правда, работали с нее не маляры, а не то ремонтники, не то связисты, но это неважно, потому что работать они начали днем позже.

Может, мне опять чего-то не говорят? Нет, так я увязну. Про окна пока лучше забыть. Предположим, что я — убийца. Люлька там или не люлька — полезу я среди бела дня при всем честном народе из окна? Конечно, одиннадцатый этаж — не первый, наверх люди редко смотрят... Нет, все равно не полезу, рискованно, заметят.

Лоджия куда перспективнее. Вверх-вниз — тот же риск, что и с окнами, а вот если на соседнюю лоджию... Перегородочка там до края не доходит, одно движение — и ты в соседней квартире. Если знать, что в это время там никого нет, чем не путь отступления?

Нет, что-то тут не так. Не могу представить себе «сказочного принца», который занимается высотной акробатикой. Да и умное чадо утверждает, что хозяин машины вышел из их подъезда. Не могло же дитя свой подъезд с чужим перепутать. Или могло?

Закрыв глаза, я представила чельшовский дом...

Нет, перепутать подъезды дитя не могло, а вот я, оказывается, прозевавала кое-что важное. Никуда не денешься, придется звонить Ильину, просить данные на пять квартир — с шестого по двенадцатый этаж — те, что над и под чельшовской.

Ильин, однако, куда-то пропал. Ни один телефон не мог ответить мне ничего вразумительного, все только пытались меня допросить — кто такая, да по какому делу. А Никиты Игоревича, извините, нет, и неизвестно, когда будет. Куда же он подевался?!

Мысленно пожелав Никите Игоревичу всяческой удачи, я вдумчиво поглядела на удостоверение, коим он меня снабдил для визита к тогда еще живому Гордееву... На случай, если красных корочек с надписью «ПРЕССА» бдительному пенсионеру покажется недостаточно.

Ну, будем надеяться, что и сейчас обойдется. Не дай бог, кому-то вздумается позвонить в УВД, а там сильно удивятся незнакомому сотруднику. Впрочем, об этом пусть у Ильина голова болит. Когда он вместе со своей головой объявится. Главное — уверенный, даже самоуверенный вид, тогда никакое удостоверение вообще не понадобится.

И хватит уже разглагольствовать, пора двигаться! Хоть куда-нибудь.

В квартире под чельшовской, на десятом этаже, на мои звонки никто не ответил. После пятиминутного трезвона из двери напротив высунулась внушительная тетя в трикотажных шортиках и безразмерной футболке и с доброжелательностью экскаватора начала допытываться, кто я такая, чего трезвону, и вообще, сейчас, мол, в полицию позвоню. Я вежливо объяснила цель своего визита и приготовилась предъявить «ильинское» удостоверение, но не понадобилось. То ли вид мне удалось сделать достаточно уверенный, то ли внушительная формулировка «профилактика квартирных краж в соответствии с постановлением правового комитета при городской администрации» ее убедила, но она быстро сменила гнев на милость и сообщила, что соседи появляются раза два в месяц, проверить, все ли в порядке, а сами не живут, а если очень надо, так она передаст все, что нужно. Я ответила, что передавать ничего не нужно, и соседка на прощание посоветовала мне в нижнюю квартиру не ходить, «там Санька живет, у него красть нечего, одни тараканы, только обматерит, да и стукнуть может, если чего помстится, да и дружки у него такие же».

Судя по двери, «мстилось» хозяину квартиры на девятом нередко. Кто бы мог подумать, что из самой обыкновенной двери можно сотворить... такое! Передо мной «сиял» разноцветьем готовый экспонат для музея «Бытовые источники художественных традиций русского народа». Не дверь, а летопись. «Повесть временных лет».

Звонок, естественно, не работал. Собственно, его вообще не было, даже проводочки не торчали. Но за дверью явственно слышались голоса. Я осторожно постучала. Ответа, как и ожидалось, не последовало. Я постучала чуть сильнее. Потом еще. На четвертый раз дверь поддалась.

Нестерпимая кисло-сладкая вонь, ударившая мне в ноздри, и тучи мух заставили отшатнуться. Но... Квартира с хозяином-алкоголиком, тем более в такой стадии, — лучшего «черного хода» и представить себе нельзя. Ох, как сейчас меня тут треснут по голове... Набравшись решимости, я стиснула зубы и шагнула внутрь.

Голоса исходили из сетевого радиоприемника, но это я поняла позже. Значительно позже. А в данный момент на меня накатила жуткая тошнота — то, что лежало посреди кухни, судя по запаху и количеству мух, находилось здесь никак не меньше двух суток. Может, и больше, я не эксперт.

Прижмурившись, вдоль по стеночке я добралась до балконной двери. Вышла. По «пожарной» лестнице — тот самый архитектурный элемент, который я вначале прозевала, — поднялась выше, толкнула люк верхней

лоджии... Он открылся без всякого стука и скрипа. Вылезла на лоджию, про которую тетя в шортиках сказала «не живут», поднялась по их лесенке. Люк челышовской лоджии открылся так же легко, но только на пару дюймов, и дальше подниматься не хотел — что-то на нем тяжелое стояло. При некотором усилии, конечно, я могла бы его открыть и вылезти наверх, но делать этого не стала и спустилась вниз. О Господи! Сейчас ведь опять придется проходить мимо «этого»...

Аккуратно подцепила ногтями дверную ручку, открыла дверь и, выйдя в подъезд, даже не заметила, откуда взялся этот мужик. Белая рубашка странно контрастировала с помятой физиономией. Он направлялся явно к той двери, из которой я только что вышла.

— Санька дома? — вдруг спросил он.

Нервный смех помог мне прийти в себя. «Санька дома?» О да! Он теперь всегда дома.

— Выпить хочешь? — выдавила я из себя.

Мужик ошарашено посмотрел на меня...

Через двадцать минут мы с ним уже сидели на бревнышке под старым кленом с «тыльной» стороны дома в компании пузыря и кое-какой закуси. Ох, разорят меня эти, с позволения сказать, расследования!

Мужика тоже звали Саней. К тому Сане, что «кормил» сейчас мух посреди собственной кухни, он, как легко догадаться, ходил отдохнуть от «своей пилы». Ходил частенько, так что лучшего источника информации и придумать было нельзя. «Уговорив» бутылку, он начал рассказывать:

«Дня два, а может, три назад заглянул к Саньке. А там этот сидит, гэбист недобитый. Ну, может, не гэбист, а так, «вохра», но «стучит» точно. Только хотел назад, запаadlo с таким сидеть, не то, что пить, да Санька меня остановил, брось, говорит, обижаешь. А куда денешься? Дома Нонка, змея, опять зудеть будет, то ей кран почини, то за картошкой сходи, денег не приносишь, никакой пользы от тебя. Санька разлил по стаканам, этому тоже, и цыкнул на меня, мол, не косись, я сам его позвал, помянуть надо хорошего человека Сергея Сергеича — ну, этого, которого зарезали, — как раз девятый день. Хороший был мужик, щедрый, каждую неделю «бабок» подбрасывал — ни за что, только чтобы гости его, которых соседу видеть не положено, могли втихую уйти. Да и эти, которые через балкон ходили, тоже совесть имели, подбрасывали за беспокойство. Не все, но раза два в месяц добавок случался. Этот, шавка ментовская, как услышал про такого гостя, аж перекосялся весь. Когда, говорит, он был? Что за гость, да как выглядел? Но Санька-молоток, кремень, сразу его осадил — почему я знаю, мне без разницы, я на них и не смотрю. Вроде, сивый, а может, и черный,

кто его разберет, мужик как мужик. Точно мужик, бабы тут не ходили, баб он через парадную дверь водил. Этот Саньку все расспрашивать пытался, а тот ни в какую. Ничего не знаю, не помню. Никого больше в тот день не было, они всегда поодиночке ходили. А Сергей Сергеич говорил — черный ход главнее парадного, его беречь надо. Все зло от баб, вон и моя тоже — того и гляди, во сне зарежет. А этой шавке ментовской и расспросы впрок не пошли, говорят, машиной его сшибло, и поделом.

Вот, значит, что узнал Виктор Ильич. И, наверное, хотел поточнее выяснить — что за посетитель, как выглядел, и вообще. Ясно, что перед приятелем Санька распинаться бы не стал, а вот с глазу на глаз... Старики-разбойники... Довыяснялся.

26

— Где тебя носит, жемчужина моя?

Вот те раз! Я его разыскиваю по всему городу чуть не с собаками, выслушиваю нотации от разных телефонных голосов, и вот теперь, значит, это меня где-то носит.

— Весь день тебе звоню, а ты как в Антарктиду уехала.

— Не уехала, там холодно.

Однако в чем-то Ильин был прав.

Оставив Саниного приятеля уничтожать остатки «духовного» продукта, я в рекордные сроки добралась до дома и на полтора часа залезла в душ. Несколько раз мне и впрямь послышалось, что звонит телефон, но вылезать не стала — хотелось отмыться до самого нутра. Казалось, запах той кухни въелся навечно. Бр-р-р!

— Чего молчишь, или не рада слышать?

— Думаю, — сердито буркнула я.

— Дело хорошее. Обо мне хоть думаешь-то?

— Угу. О тебе и всех ваших. Лоджию прозевали, даже осматривать не стали, а?

— Почему это не стали? Там ничего интересного не было. Две табуретки да полмешка картошки.

— Ага, а черный ход господина Чельшова — это вам уже не интересно?

— Какой еще черный ход?

— Лесенки там пожарные, не обратил внимания? А под лесенкой и над ней тоже — люк.

— Так эти люки никогда не открываются... — растерялся Никита.

— Очень вредно, солнце мое, следовать распространенным убеждениям, они нередко заводят в тупик. Никогда не открываются, а этот вот как раз открывался. Два этажа вниз — и прости-прощай, моя любовь! Специалисты!

— Чего ты на меня-то накинулась, не я осмотр проводил, — как-то виновато пробурчали в трубке.

— Ну, если это тебя утешает, можешь радоваться. Все равно два последних трупа на вашей совести.

— Как — два?! Где?!

Слегка успокоившись, я в двух словах доложила обстановку. Ильина сообщение о свежем трупе почему-то не порадовало. Может, потому, что труп был не очень-то и свежий? Ну, извините, чем богаты...

В ответ он, добрая душа, поделился своей информацией. С одной стороны, все было не так уж плохо: Дине изменили меру пресечения, и она, по идее, должна быть уже дома. Но с другой... По «некоторым данным», у Чельшова на момент смерти должно было иметься не меньше двадцати пяти тысяч долларов. А возможно, что более тридцати. Где теперь эти деньги — непонятно. Это раз. В день, когда погиб Гордеев, Вадика в городе не было — это два. Кто-то там пригласил его отметить чей-то там день рождения на лоно природы. На этом самом лоне, которое, к слову сказать, находилось в двух часах езды от города, милый мальчик и провел двое суток. Безвылазно. На глазах у дюжины человек. Причем смерть Гордеева пришлась на день первый этого праздника, на самое его начало, когда народ еще не успел достичь не только нирваны, но даже того состояния, в котором за приятеля принимают ближайший столб. Вадик — экземплярчик, конечно, тот еще: возлюбленная в камере, а он на природе веселится. Вероятно, для снятия общего стресса. Но моральные качества — вещь эфемерная, а вот алиби вышло железобетонное, бронированное и непробиваемое, как сейф Английского Национального банка.

Но я личность патологически упрямая, чувство противоречия во мне преобладает даже над здравым смыслом. И любая бесспорность для него — как тапки для малолетнего щенка, надо обязательно изгрызть. Я тут же начала сочинять, как можно втихую сбежать с праздника — ну, например, прогуляться до кустиков, а тем временем смотаться в город и вернуться, и сколько на это может понадобиться времени. Алиби, подтвержденное дюжиной человек, всегда казалось мне куда более уязвимым, чем то, которое подтверждают, например, двое. Когда народу много, вспомнить, кого ты, собственно, в какое время видел, кого нет, — задача не из простых.

Я совсем, было, уже разработала нужную схему, но тут Ильин угробил на корню все мои домыслы. «Пятерка» Демина не сбивала Гордеева, нужных следов на машине не обнаружено. С днем, когда погиб Чельшов, такой ясности нет, но ведь очевидно же, что вторая смерть — явное следствие первой.

Никуда не денешься, все нужно начинать сначала.

— Никитушка, солнце мое, а как же ты ухитрился осмотр деминской машины повернуть? Не по официальным ведь каналам?

— Нет, конечно. А тебе какая разница? Хорошие отношения с людьми имеют обыкновение приносить очень ценные плоды.

— А ты сам эту машину видел?

— Видел, конечно. Стоит спокойно в гаражике, так что посмотреть можно было без свидетелей.

— У него на ветровом стекле ничего не висит?

— У него не только обезьянки на ветровом, но и клякса на правом крыле. Ну и что? Я же тебе русским языком сказал: эта машина Гордеева не сбивала. Против мнения экспертов не попрешь. Кстати, если тебе от этого станет легче, сообщаю заодно и приватное мнение упомянутого эксперта. Следы на одежде и теле Гордеева не совсем типичные. То есть одним лишь столкновением с машиной дело, вероятно, не обошлось. Но толку от этого немного. Даже если после наезда его добили вручную, следы на дороге все равно предполагают наличие автомашины. Но не той, что принадлежит господину Демину. Еще что-то непонятно?

— Все мне понятно. То есть в том, что касается мнения экспертов. Но это ведь не значит, что «пятерка» Вадика не стояла у чельшовского дома в момент убийства?

— Не значит. Но даже если и так, непонятно, какую ты собираешься варить кашу из факта этого стояния — кстати, недоказанного. Предложишь мне теперь проверять все белые «пятерки», принадлежащие знакомым Вадика Демина? Или угоны?

— Ну, Ильин... — заканючила я. — Сам меня втравил, и сам в сторону, да? Я тебе два трупя раскопала, а ты...

27

Трубка еще не успела остыть от бурных переговоров с любимым представителем правоохранительных органов, как я начала разыскивать Вячеслава Платоновича — если Дина уже дома, не грех бы с ней встретиться. Хотя, вообще-то, если она молчала, даже сидя в КПЗ, сомнительно, чтобы удалось ее разговорить сейчас. Но — попробовать можно.

Вячеслава Платоновича не было нигде. Ни дома, ни в конторе, даже со-товый был отключен. Что за притча! Неужели и его тоже...

Отчаявшись, я набрала номер Вишневских. Ну, хоть кто-то же должен быть живой?

«Кто-то» живой был, хотя и весьма неожиданный. Театр абсурда продолжался. Голос, ответивший мне, явно принадлежал господину адвокату. Он узнал меня, едва я успела поздороваться.

— Рита?

Получив подтверждение своей пронизательности, Вячеслав Платонович, однако, не обрадовался:

— Рита, вы извините, но у меня сейчас совсем нет времени...

Голос звучал холодно и незнакомо. Странно. Вроде бы мы так мило с ним общались, и с тех пор я не успела, кажется, ни взорвать какой-нибудь памятник архитектуры, ни примкнуть к каким-нибудь экстремистским группировкам... С чего бы начинать плохо ко мне относиться? Похоже, случилось нечто неординарное и совсем неожиданное. Знать бы еще — что.

— Вячеслав Платонович! — взмолилась я.

— Ну, хорошо, хорошо, возможно, это и к лучшему, — сжалился мой собеседник. Слава Богу, ничего похожего на неприязнь в его голосе уже не прослушивалось. Впрочем, и особой приязнью тоже не пахло. — Давайте сделаем так. Я примерно помню, где вы живете... — Он на несколько секунд замолк, что-то подсчитывая. — Так. Через какое время вы можете быть у ипподрома?

Вот те на!

— Если повезет, минут через двадцать, а так — через полчаса.

— Хорошо. Через полчаса мы вас подберем на той стороне кольца, что от центра, договорились? — и, не дожидаясь моего ответа, отключился.

Вот так, между прочим, и возникают сердечно-сосудистые заболевания. Тревога, гнев, растерянность — все эти прелестные состояния объединяет одно — выброс адреналина. Спору нет, биологически оно очень даже оправданно. Адреналин, как известно, из самой забитой мышки может сделать свирепого ягуара. Это называется: жить захочешь — соберешься.

У ипподрома я оказалась через семнадцать минут. Следующие десять уже относительно спокойно пыталась понять: кто такие «они» — ведь Вячеслав Платонович явно говорил во множественном числе, и что же все-таки могло случиться. Через десять минут бесплодных размышлений адреналин опять пошел такой волной, что организму явно требовался еще один двухкилометровый рывок. Но рывок пришлось совершать на заднем сиденье белой «пятерки». Ей-богу, еще дня три в таком духе, и подсознание заполнит этими чертовыми «пятерками» весь город! За рулем сидел Вячеслав Платонович, хотя, по идее, должна была сидеть Валентина Николаевна. Но глаза ее напоминали один из сигналов светофора, цвет лица — два остальных сигнала одновременно, а руки и губы тряслись так, что хотелось скомандовать «Стоп! Сейчас птичка вылетит!» Хотя какая там птичка...

Наконец машина остановилась. Справа возвышалась громада областной больницы, и Вячеслав Платонович, бережно выводя из салона Валентину Николаевну, сделал в мою сторону некий жест, который я истолковала,

как просьбу подождать, после чего пара удалилась в сторону главного входа больницы, оставив меня в некоторой растерянности.

Я поерзала на тертом сиденье, устраиваясь поудобнее. Да, не кадиллак. Мне, правда, не случалось кататься на кадиллаках, но думается, что некоторые отличия между ним и «пятеркой» есть. Должны быть. Иначе за что же люди такие деньги платят. А тут даже кондиционера нет. И коленки в спинку переднего сиденья упираются.

И вообще... В кадиллаке, надо думать, на заднем сиденье наверняка бы лежало небрежно сброшенное манто из какой-нибудь бриллиантовой норки или, на худой конец, тончайшие лайковые перчатки. А в бардачке — что-нибудь внушительно-огнестрельное. И нитка розового жемчуга для полноты картины.

Я тщательно осмотрела окрестности, убедилась, что никто к машине не направляется, и через проем между передними сиденьями дотянулась до бардачка, кляня себя последними словами за недопустимое поведение и вообще невоспитанность. Дверца открылась с таким скрежетом, словно делала это в первый и последний раз в своей жизни. Ничего экзотического внутри, к сожалению, не наблюдалось: ни жемчуга, ни мрачно поблескивающего «вальтера»... Хоть бы кастетик какой завалященький или ножичек. Правда, ножичек как раз был, перочинный. А еще — кусок ветоши, лейкопластырь, отвертка, маленький рулончик черной изоленты, какие-то бумаги, темные очки, яблоко и... И, кажется, все.

Яблоко было красивое: глянцевое, с темно-красным бочком.

На заднем сиденье дело обстояло не лучше. Вместо норкового манто валялась серо-голубая ветровка и пустой пластиковый пакет...

28

Вячеслав Платонович вернулся минут через пятнадцать. Один. Устало и как-то потерянно влез в машину...

— Знаете, Рита, быть может, и к лучшему, что вы здесь. Я не совсем понимаю, что происходит...

Н-да, вот лично я того, что происходит, совсем не понимаю.

— Вячеслав Платонович, может, вы мне сначала объясните... Я ведь знаю только, что Дине изменили меру пресечения. Ее выпустили?

— А?... — Господину адвокату понадобилось некоторое время, чтобы понять, о чем его спрашивают. — Да, конечно, отпустили еще вчера. Ее никто ни о чем не спрашивал, вообще никаких разговоров не было. Вы же понимаете — после... после камеры, что бы там ни было, человеку нужно время, чтобы как-то прийти в себя... И первое, что нужно, — это отоспаться.

— Да, да, конечно, — понимающе закивала я.

— А сегодня ночью Валя наткнулась на нее... Дина сидела в коридоре... — Ему явно тяжело было продолжать, но догадаться было, в общем, нетрудно.

— Она что-то приняла?

— Да, вероятно, Валины глазные капли... Валя говорит, зрачки были такие, что радужки не видно.

— Капли на атропине?

— Да. У Дины начались галлюцинации, бред и...

— Не надо, я примерно представляю, как действует атропин. Она в сознании?

— По-моему, у нее до сих пор бред, Или что-то в этом роде, — покачал он головой. — Она все время повторяет «Я этого не делала».

— Чего — этого?

— Непонятно. Вообще все непонятно. Валя говорит, что проснулась от каких-то странных звуков. Это Дину и спасло. Если бы не это... Поневолле в ангела-хранителя уверуешь...

Да уж. Ангел-хранитель — это хорошо. Но, как говорят на Востоке, на Аллаха надейся, а ишака привязывай.

— Знаете, Вячеслав Платонович, мне кажется, что ангел-хранитель, вовремя разбудивший Валентину Николаевну непонятными звуками, тут ни при чем, и вообще, Дину спасло не мамино пробуждение, или, по крайней мере, не только оно... Я ошибаюсь?

Вячеслав Платонович слегка покраснел. Ей-богу, странная стыдливость для адвоката со стажем. При каждой следующей встрече он казался все более и более растерянным. Или это так проявлялась его личная заинтересованность в событиях?

— Вообще-то...

— Я думаю, что ее в нужный момент стошнило, еще до того, как ей приспичило разгуливать по квартире, и Валентина Николаевна на нее наткнулась. Вообще-то атропин не обладает собственно рвотным эффектом, но в данном случае... Отрава есть отравка, и любому организму не очень нравится, когда в него что-то неудобоваримое поступает. Сколько там, в пузырьке объема? Унция? Пол-унции? Никакие спазмы не спасут, всасывается эта гадость, помнится, довольно быстро. Чтобы хоть сколько-нибудь эффективно желудок очистить, надобно, чтобы в нем еще хоть что-то было. Вячеслав Платонович, вы, часом, не в курсе, Дина, вернувшись домой, поужинала?

— Я точно не знаю, но, думаю, Валечка ее очень хорошо покормила. Вы же понимаете...

— Вот это ее и спасло, а то, что на нее в коридоре наткнулись, это уже следствие.

— Но все-таки... Если бы она выпила какое-то снотворное...

— Ох, Вячеслав Платонович, на снотворные у разных людей тоже бывают... разные реакции. Медики говорят — нетипичные. А вообще, если человек внутренне хочет выжить — он выживет, а если нет — и в чайной ложке утонет. Но дело даже не в этом. Вам самому не кажется странным, когда человек, который собирается отравиться, плотно ужинает? В сочетании с отсутствием классической записки. Ведь никакой записки, насколько я полагаю, не было?

— Не было. Да... Пожалуй... Если посмотреть на события под таким углом... Действительно странно. Вы полагаете, что события не совсем таковы, какими выглядят?

— Или, проще говоря, Дина отнюдь не пыталась покончить с собой? — сердито буркнула я. — Да ничего я не полагаю. Только одно с другим не вяжется. Хотя, конечно, человек — существо на редкость разнообразное. За какие-нибудь десять минут у него, бывает, жизненные планы меняются прямо-таки радикально. Со всеми вытекающими последствиями. Впрочем, извините за лирическое отступление, давайте по делу. У меня складывается странное впечатление, что кто-то усиленно старается убедить нас — или соответствующие органы, — что смерть Чельшова все же на совести Дины, а попытка самоубийства — прямое признание вины, ибо должно свидетельствовать об угрызениях этой самой совести. Или, если хотите, вот вам другая версия: попытка самоубийства — результат разочарования в том, кого Дина столь благородно, хотя, по-моему, весьма бессмысленно, прикрывает. Но, как бы там ни было, нужен был какой-то толчок. Резкая смена курса на пустом месте не возникает. Что-то должно было случиться. Вячеслав Платонович, Дине звонил кто-нибудь? Уже когда она дома была.

— Нет, совершенно определенно, нет.

— Во сколько Валентина Николаевна ее... обнаружила?

— Ночью, где-то часа в два.

— Из дома она вчера, конечно, не выходила?

— Нет.

— А кому-нибудь звонила?

Вячеслав Платонович ненадолго задумался.

— Это могло быть. Если она тихонько забрала телефон к себе в комнату... Да, это могло быть.

Господин адвокат, невзирая на личные переживания, смотрел на меня со странным интересом, переходящим местами в испуг. Да, надо полагать, Рита неделю назад и Рита сегодняшняя порядком друг от друга отличались. После «Сани на кухне» я казалась сама себе каким-то автоматом, машиной,

не знаю, как еще это можно назвать. Наверное, какие-то предохранители в мозгу полетели. Для нежной хрупкой девушки, каковой я пытаюсь, хотя и не очень успешно, если не быть, то хотя бы выглядеть, весьма вредны такие вот... впечатляющие события. Поневоле станешь роботом, чтобы с ума окончательно не сдвинуться. Дело-то сделать надо...

29

Вот уже две или три тысячи лет умные люди уверяют, что пешая ходьба способствует мыслительной активности. Дескать, размышляйте, прогуливаясь, и результаты ваших прозрений превзойдут самые смелые ожидания. Двадцать минут, потребных на то, чтобы дойти от клинической больницы до собственного дома, я потратила на попытки выделить из путаницы событий и обстоятельств какое-то подобие системы.

Самый удобный подозреваемый, если исключить Дину...

А почему, собственно, я ее так уж уверенно исключаю? Потому что все вокруг в один голос утверждают, что она такая благородная, такая замечательная, и ничего подобного сделать не могла? О-ля-ля! У благородных и замечательных могут быть просто немного другие мотивы, разве нет? Разве не могла она полагать, что избавляет мир от мерзавца, который недостойн существовать? Уж чего-чего, а оснований к тому, чтобы считать Чельшова мерзавцем, у Дины было предостаточно. А и Вячеслав Платонович, и Марина, независимо друг от друга, сообщили оч-чень интересную подробность — Дина сама себе «устанавливала правила», и плевать ей было на мнение окружающих. Отсюда до роли «благородного ассенизатора», избавляющего мир от грязи, прямо рукой подать. При этом даже у благородных и замечательных вполне может наличествовать стремление избежать контактов с законом. Тем более, если тот не в состоянии покарать пресловутого мерзавца. А у некоторых еще и мозгов вполне достаточно для того, чтобы «избегнуть». И тогда вся наблюдаемая карусель — исключительно запутывание следов. Почему бы и нет?

Не выносит вида крови? Так лучшего аргумента в собственную защиту и не придумать. Все знают, что ты «не можешь» этого сделать... В конце концов, сознание-то она теряет от вида крови, а не от мысли о ней — кто мешает садануть человека ножом, а после грохнуться в обморок?

Отпечатки пальцев? Да то же самое. Можно ведь предположить, что они оставлены намеренно, в расчете как раз на то, что все будут думать — «не бывает таких идиотов, которые не позаботились бы о том, чтобы уничтожить отпечатки».

Один пусячок во все это не укладывается — Ильин полагает, что Дина не убивала. Но, в конце концов, и на старуху бывает проруха.

Зажигалка? Для лишней путаницы.

Машина? Ну, машина может вообще не иметь никакого отношения к происходящему.

Впрочем, может и иметь. Не обязательно ведь Дина действовала в одиночку. Можно предположить наличие «напарника» — да хоть того же Вадика. Вон как он мнется, смущается и явно что-то скрывает. К тому же был ведь у Челышова в тот день какой-то «последний посетитель», которого Виктор Ильич не видел. А главное — два «лишних» трупа, объявившихся в то время, пока Дина была «под стражей». Причем оба персонажа явно из тех, кому, с точки зрения «благородного ассенизатора», в этом мире делать нечего, без них мир будет намного чище. Виктор Ильич — «стукач», к которым все без почтения относятся. «Саня с девятого этажа» вообще утопил в алкоголе все, что можно было, причем давным-давно. Оба — свидетели, и смерть каждого отводит подозрения от Дины. Кстати, не исключено ведь, что обе смерти, или хотя бы одну из них, следует отнести к категории печальных совпадений. Так вот сложилось. Жизнь большая. В ней всегда есть место... совпадениям.

Что там еще? Попытка самоубийства? Ну, это совсем просто. Ах, бедная девочка, все эти переживания для нее оказались слишком тяжелы... Или, опять же, для вящей путаницы... А уж позаботиться о том, чтобы тебя обнаружили до того, как процесс смерти станет необратим, — вообще, детская задача.

Н-да. Красиво получается. Хоть кино снимай. Только сначала придется выяснить одну-единственную крошечную детальку: кто и зачем протер телефонный аппарат?

Вот и опять приходится возвращаться к исходной точке: кто вызвал Дину к Челышову? Либо он сам, либо убийца. Если сам, то стирать с аппарата следы не было никакой необходимости. Значит, убийца? И Дина по его звонку мгновенно рванулась на помощь? Марина же сказала, что есть лишь три человека...

Да, как ни крути, а самый подходящий подозреваемый — все равно Вадик. Тут и мотивы, и улики. Зажигалка эта несуразная, машина, Динино непонятное молчание, даже ее попытка самоубийства.

Но способен ли этот «сказочный принц» на такую холодную расчетливость, которую я чувствую прямо-таки позвоночником? Может, и он так же, как Дина, налетел на труп совершенно случайно? Прямо не квартира, а анатомический театр: в центре лежит труп хозяина, и все приходят на него посмотреть.

Хорошо бы, вообще-то, чтобы убийцей оказался кто-то неизвестный. Мало ли кто на Челышова «зуб» имел. Опять же денег никаких в квартире

не нашли, а двадцать пять тысяч баксов — сумма немаленькая, убивали и за намного меньшее. Кто-то же должен был знать, что они там есть, а? Вот только как теперь этого «кого-то» вычислить? Тут бы с теми, кто «в поле зрения», разобраться.

И кто же у нас в поле зрения? Валентина Николаевна? Ее муж? Или оба сразу? И Ольга Григорьевна там же, номер свой одолжила, например. Сговорились, понимаешь... А Дина — издержки производства.

Марина? Милая, шустрая, очень неглупая, хотя и пытается выглядеть этаким легкомысленной особой. И Вадика, и Челышова явно не любит. Даже чересчур, пожалуй. Кто знает, какие там на самом деле могли быть взаимоотношения. Всю жизнь дружит с Диной, и ни разу красавице-подруге не позавидовала? Бывает, конечно, и такое, но редко.

Или Вячеслав Платонович?.. А что?.. Если предположить, что он с покойным был знаком — а кое-какие оговорки вполне позволяют сделать такое предположение, — тогда почему бы господину адвокату не быть, например, одним из «поставщиков»? Или, наоборот, посредником? Чем не последний посетитель? Уж у него-то были замечательные возможности обнаружить опасность, исходящую от Гордеева или «Сани с девятого этажа», и вовремя их ликвидировать. Услуги свои сам предложил, крутится постоянно рядом, сообразительный — на десятерых хватит. И нервничает все время, причем, чем дальше, тем больше.

Или вот еще забавный вариант: Саня с девятого этажа. Вот кому проще всех было Челышова убить. Поднялся на два этажа, сделал свое «черное» дело, спустился — и никто его не видел, и никому в голову не придет. А Гордеева грохнул, испугавшись его настойчивых расспросов о «последнем посетителе». Ведь ясно же, что никакого последнего посетителя в таком раскладе не было. А сам, убрав Гордеева (машину где-то угнал, что ли?), на радостях надрался так, что организм не вынес издевательства над собой и «отбросил копыта». Так сказать, кара Господня. Хороший вариант. Тогда и деньги где-то в квартире у покойного Сани должны обретаться. Если не стащил еще кто-нибудь.

А проще всего предположить, что смерть Челышова — дело рук неизвестной мне (и Ильину) мафии, в которую Дина случайно затесалась. На мафию вообще все что угодно можно списать. Любую нелогичность, любую несуразность. Это одиночный убийца поневоле логичен, так уж мозги человеческие устроены. А когда каким-то делом занимается сразу много людей — такой сумбур получается, что любо-дорого. Но мафией пусть уж Ильин занимается, не моя сфера.

Кр-расота! До дому дошла, а ясности не прибавилось. Сплошные вопросительные знаки. И окружающая действительность соответствует. Вон на скамейке у подъезда еще один бедолага скрючился в три погибели, наглядный символ тяжелых жизненных вопросов.

При ближайшем рассмотрении «вопросительный знак», украсивший скамейку у моего подъезда, оказался Вадиком. «Прекрасный принц» теперь больше всего походил на мокрую курицу, а отнюдь не на сказочного персонажа. Он даже не попытался встать, когда я подошла. Только смотрел — ну точно, как больная собака. Я вздохнула и присела рядом. Вадик не отрывал от меня глаз:

— Я не понимаю... Мне сказали...

М-да. И дар речи «принц» тоже почти растерял.

— Кто и что именно тебе сказал?

— Я не знаю... Что с ней?

— С Диной? Дина в больнице.

— Что с ней? — покачивая головой, повторил он.

— Вот что, рыцарь. Вопросы будешь задавать как-нибудь в другой раз. Вряд ли известие о том, что Дина в больнице, могло так уж тебя потрясти, что-то ведь еще было, так? Давай-ка, рассказывай все по порядку.

Может, я говорила чересчур сурово, но уж больно он мне был несимпатичен, этот «принц». Удивительно, но он посмотрел на меня, как проштрафившийся первоклассник на директора, и послушно принялся рассказывать.

— Я не знал, что Дину... отпустили. Когда она позвонила, я понять сначала не мог...

— Стоп! Она тебе вчера звонила?

— Ну да. Я ничего не понял, бред какой-то... А сегодня говорят, что ее увезли, что она, она...

Я почти готова была поверить в искренность его переживаний, но сочувствия это не прибавило. Ни. На. Грош.

— Вспоминай как можно точнее, что она тебе сказала.

— Я попробую, конечно, но почти ничего не понял. Какие-то обрывки. «Вадик, прости, я не думала, что будет так тяжело... Не бойся, я никому ничего не скажу... Если бы ты хоть немного помог... Прости меня. Я не могу больше... Это слишком тяжело». Что-то такое.

— Очень интересно. Ты не заметил ничего особенного в этом звонке?

— То есть? — бросил на меня удивленный взгляд Вадик.

Либо этот «принц» — гениальный актер, во что трудновероятно поверить, либо он говорит правду. Тогда я ничегошеньки уже не понимаю.

— Дина нормально говорила? Тебе не показалось, что она... ну... она не запиналась, ничего такого?

— Нет, только очень напряженная была... а говорила нормально. Что я, людей под кайфом никогда не слышал? Ничего похожего.

— Ладно, проехали, нормально, значит, нормально. А во сколько она тебе позвонила?

— Поздно уже, после двенадцати.

— Во сколько?! — Я чуть не свалилась со скамейки.

— Ну, после двенадцати точно, а... Понимаете, я заснул уже... По-моему, уже около часу было. У нас магазинчик во дворе, до двенадцати работает, они после закрытия еще чего-то грузят и гремят где-то около получаса. А когда Дина позвонила, уже тихо было.

Чудеса! К часу ночи Дине было уже совсем не до звонков. Она что, разговаривала в бессознательном состоянии? И Вадик не заметил, что девушка не в себе? Ну, знаете ли! После препаратов, содержащих атропин, язык заплетается так, что разобрать произносимое почти невозможно. Ничего не понимаю!..

— Я... Может быть, это я виноват... Я ведь солгал в прошлый раз, испугался очень... Вообще-то я должен был как раз принести ему деньги... последние...

— В тот день, когда его убили?

— Ну да... Я испугался, что... ну... мало ли... знаете, как у нас цепляются...

Как цепляются — знаю, а вот с чего же это ты, милый мальчик, опять вдруг на «вы» заговорил...

— Дина знала, что ты должен к нему прийти?

— Да.

Мне показалось, что он сейчас разрыдается. Только этого не хватало! Нет уж! Командный тон, и никаких истерик! Кстати, нередко помогает.

— И что?

— А я... ну, я был... в другом месте... Но я не... Понимаете, у меня деньги пропали, но я... нашел для него... вот... — Вадик вытащил из кармана нечто, очень напоминавшее сильно потертую оберточную бумагу, сложенную вчетверо. — Он ведь по картам загонялся, а эта редкая, правда...

Про любовь покойного к картам городов я уже слышала. И неоднократно. А «оберточная бумага» вполне могла оказаться каким-нибудь коллекционным экземпляром, почему нет?

— И в каком же это другом месте ты изволил быть, а? Странно как-то — тебя кредитор ждет, а ты гуляешь где-то... Где, интересно знать?

Молчал он долго. Неужели можно забыть, где ты был, когда неизвестный благодетель убрал твоего... в общем, того, кого убрал. И вот, наконец, он «вспомнил»:

— Ну, на пляже... то есть, на набережной. Жарко было. Да, на набережной.

Не нужно было быть ясновидцем, чтобы понять — врет юноша, врет не хуже кандидата на предвыборной встрече с избирателями.

— На набережной, говоришь. Жарко, говоришь, было...

— Да, на набережной.

— Так ведь дождик в тот день как раз случился, или запомнил? Да даже если бы и не дождик. Не умеешь ты врать. Не был ты ни на набережной, ни на пляже, хоть десять свидетелей приведи.

Если раньше поза Вадика напоминала вопросительный знак, то теперь он превратился в микеланджеловского «Скрюченного мальчика». Никогда бы не подумала, что на обычной дворовой скамейке можно усестись в таком положении. Да уж, жизнь прижмет, и не так еще скрючишься...

И вот эта амеба воткнула нож в спину Челышова? Невероятно!

— Что же сразу так и не сказал, что на набережной был? А то — «в другом месте».

— На набережной я был, — упрямо повторил Вадик.

— Свидание, что ли?

— Вот еще! — возмутился он. И, между прочим, совершенно искренне. Значит, не свидание.

— Просто вдоль по набережной гулял? И где же?

— Ну... на второй очереди... — не задумываясь, ответил Вадик.

— Замечательно. А где же ты машину там поставить ухитрился?

— Я без машины был. — Голос и выражение лица его демонстрировали полное изумление. — Она в гараже третью неделю стоит...

— А в чем дело-то?

— Да колодки менять надо, а с деньгами никак...

Явное облегчение, сквозившее в его голосе, неоспоримо свидетельствовало, что я ухитрилась проскочить какое-то «опасное место». Беседа о машине его не волновала совершенно. А от вопроса, где был, когда обещал быть у Челышова, он вздрагивал не хуже гальваниевских лягушек.

Вторая очередь набережной... И как он сказал — «деньги пропали»?

Я велела Вадику приклеиться к тому месту, где он находится, и под страхом жестокой смерти не пытаться куда-нибудь сдвинуться — из-под земли достану.

Домой я влетела со скоростью дьявола, за которым гонится цистерна со святой водой. Телефон работал. Ильин — о счастье! — был на месте.

— Никитушка, солнышко, лапушка! Надо сделать одно дело, которое я сделать не могу. Физически.

О-ля-ля! Звуки, донесшиеся из трубки, оставляли на долю фантазии немного: либо наша АТС подверглась нападению армии бульдозеров, либо господин майор свалился не то со стула, не то со стулом вместе. Опасаясь возникновения свежего трупа, я поспешила его успокоить:

— То есть, не то, чтобы совсем не могу. Но у тебя это получится гораздо проще. У вашей конторы должны же быть какие-то способы получения информации из всяких значных мест?

— Ну... — осторожно донеслось из трубки. — Надеюсь, ты не собираешься отправить меня в бордель?

— Нет. В бордель — нет, это лишнее. Проверь, пожалуйста, «Джокер», как его, казино, что ли?

— Которое на набережной, на второй очереди?

— Ну да.

— И что тебе там нужно проверить?

— Мне лично — ничего. Меня игорные дома не интересуют, ибо я не верю в случайности. Это все как раз тебе надо. Есть такая мысль, что мальчик Вадик в момент убийства Челышова находился именно там. И, кстати, он говорит, что его тачка третью неделю на приколе. Кажется, все.

— Ты что, хочешь сказать, что у него алиби и на первое убийство тоже?!

— Почему «тоже»? Его, с позволения сказать, алиби на момент убийства Гордеева, по-моему, гроша ломаного не стоит. Может, и это такое же. Проверь, Никитушка, тебе это проще. А я ничего не знаю. Этот милый юноша, по-моему, не украшение человечества, но это еще не значит, что он убийца, правда?

Вадик послушно дожидался меня у подъезда. Я посоветовала ему отправиться домой и носа оттуда не показывать. Хотя бы дня два.

31

На протяжении следующих полутора суток я, отключив телефон и оставив из всех мозгов работать только спинной, мирилась с собственным организмом. Все время, свободное от поглощения еды, — спала. Через тридцать шесть часов такой терапии, в восемь часов двадцать пять минут дивного ясного утра, мой организм проснулся — свеженький, как деревенская сметанка, и деятельный, как пионерский отряд.

Итак, что там сообщил Вадик? Значит, машина на приколе, а Дина звонила около часу ночи?

И опять в качестве катализатора событий выступает телефонный звонок. Прямо традиция уже какая-то. Сойдет за версию?

«А семь два шесть ХО» — нарисовала я в блокноте «несуществующий» автомобильный номер, что сообщило мне умное чадо на чельшовской лестнице... Потом еще раз, и еще... И вдруг все встало на свои места. И грядущий юбилей Валентины Николаевны, и чистый телефон, и даже изолента с лейкопластырем в бардачке. Осталось лишь несколько вопросов, которые следовало задать, хотя ответы на них были мне уже известны.

Ах, да! Телефон-то я отключила...

Только я воткнула телефонную вилку на место, как... Собственно, следуя логике жанра, телефон в этот момент должен был взорваться звоном. Однако он, упрямый, молчал, нарушая все каноны. Безобразие! Зато вместо ожидаемого телефонного звонка ожил дверной.

То, что за дверью стоял майор, можно было предвидеть. Но он был не один! «Мальчик» рядом с ним был похож на зеленый шкаф и... Да что там описывать! Найдите какой-нибудь боевик и посмотрите сами, как выглядят все эти «альфы» и «омеги». Ильин же выглядел... злобно.

— Что у тебя происходит? — отодвинув меня в сторону, метнулся он вместе с мальчиком в квартиру, но через пару минут, не обнаружив ни одного притаившегося в углу злодея, вернулся к прежнему вопросу: — Почему телефон не отвечал?

По всем правилам, надо было на него рявкнуть: «Ты мне не муж, не брат, не свекор, какое твое дело!» Но тридцатишестичасовой отдых давал себя знать, умиротворение сочилось из всего моего организма, и огрызаться я не стала. Вместо этого вкратце объяснила ненаглядному, куда он должен отправить своего сопровождающего.

Никита удивился. Но нужные распоряжения, тем не менее, сделал и ключи от машины сопровождающему выдал. После чего потребовал с меня немедленного и полного отчета. Я же, в противовес его бешенству, излучала полное благодушие:

— И чего ты нервничаешь? Уже, считай, все. Если...

32

Я осеклась, не закончив фразу. За те тридцать шесть часов, что я изволила отдыхать, убийца мог успеть многое. Это ведь я так думаю, что он сейчас постарается слинять с чельшовскими деньгами куда подальше, а у него самого могут быть и другие планы...

Отмахнувшись от Никиты, я схватилась за телефон. Зажав трубку между плечом и ухом, одной рукой стала набирать номер, точнее, два номера поочередно, а другую держала со скрещенными пальцами. Только бы не опоздать, только бы не ошибиться...

Один из номеров был занят. Со вторым все было в порядке, я извинилась и, немного расслабившись, вернулась к первому. В этот момент у Никиты зазвонил сотовый. Беседа была краткой. Причем говорил все больше невидимый мне абонент. Сам Ильин произнес не больше трех слов. Только глаза у него при этом стали как у василиска. Будь это лет пятьсот назад, я наверняка окаменела бы.

— Ты что, знала?

— А что случилось? — удивленно глядя на него, пожала я плечами.

— А то и случилось, что его нигде нет, похоже, свалил из города! Где его теперь искать?

— Ай, брось, в Москве перехватите, не столько у него денег, чтобы все-ръем куда-то намылиться. Просто решил сменить место жительства, вот и все. Дайте запрос по всем российским загсам на браки, в которых жених берет фамилию невесты. Ну, а добрачная фамилия жениха вам и так известна. Думается мне, что не станет он тратиться на фальшивые документы, поменяет фамилию законным образом и тогда уже снова исчезнет. Если перехватить не успеете. Но я почему-то думаю, что успеете. Доллары челяшовские у него должны быть с собой, а на долларах — пальцы покойника. Да, в конце концов, он не может быть абсолютно уверен, что не наследил в квартире. Это уж ваша забота, чем его напугать. Нажать посильнее — треснет, как гнилой орех.

— Ну, Рита... — На большее Ильина не хватило.

Обеспечить присутствие Дины оказалось не труднее, чем достать из шляпы кролика, — я просто попросила кое-что ей передать. Могло, конечно, случиться так, что Дина мне не поверит. Или посчитает, что человека, который избавил мир от такого монстра, как Челышов, вовсе не нужно преследовать. Второго я, впрочем, не особенно опасалась — уже поняла, что «героическое» молчание Дины объясняется вполне личными причинами.

Еще я попросила привезти мне какой-нибудь автомобильный номер. Лучше с машины Вишневских, а вообще, сойдет любой. Вячеслав Платонович удивился, однако номер привез.

Господин адвокат был угрюм, Дина — бледна, почти прозрачна. Хотя после того, что ей пришлось перенести, оно и неудивительно. Все-таки выдержка у нее была потрясающая! Вместо того чтобы потребовать от меня немедленных объяснений или задать какие-то вопросы, она тихонько

уселась в уголке, сложив на коленях сцепленные в замок руки. Попросила только воды и больше не произнесла ни слова.

Я чувствовала себя несколько не в своей тарелке. Одно дело — разыгрывать мисс Марпл перед Никитой, который не видел меня разве что в папской тиаре, и совсем другое — ломать комедию перед посторонними, в общем-то, людьми. Но без Дины было не обойтись, приходилось терпеть.

— Маргарита Львовна, не тяни! — не выдержал Никита.

— Сначала один-единственный вопрос, который мне до сих пор неясен. Дина, скажи, пожалуйста, ночью, когда тебя увезли в больницу, ты перед этим звонила Вадику?

— Я?!! — Даже если бы я ставила себе целью ее удивить, и то вряд ли бы смогла достичь настолько впечатляющего результата. Такого вопроса она явно не ожидала. У нее даже глаза стали в два раза больше. — Не-ет. Я, конечно... Ведь не может быть, чтобы я этого не помнила? Ну, то есть...

— Ладно, остановимся на том, что не звонила. Тогда... Я примерно представляю себе ваш... м-м... распорядок в тот вечер, и кое-что не складывается. Нет ли у тебя, случайно, привычки по ночам пить воду? Не оставляешь ли ты возле кровати стакан, графин или что-то такое?

— Холодный несладкий чай, — ответила Дина. — Я обычно ставлю стакан на тумбочку. А что?

— Да нет, ничего. Я так и думала, но это потом. Третий вопрос: не могла бы ты рассказать про телефонный звонок? Тот самый, после которого ты рванулась к Челышову.

— Но... — растерялась девушка. — Я не понимаю... Я думала... А вы сказали, что...

— Я попросила тебе передать, что Вадик в это время торчал в «Джокере», и это может подтвердить полдюжины человек.

— Но как же тогда...

— Как — это чуть позже. Сначала — что? Итак, ты сняла трубку и...

— Звонил Вадик... Но... если Вадик был в «Джокере»...

— Забудь пока об этом. Что он сказал?

— «Дин, это я. Ты можешь сейчас подойти к Сергеичу? Я, кажется, влетел. Дин... Я не хотел, но так вышло. Я не знаю, что делать. Приходи, пожалуйста»... Вот.

Ей-богу, это было, кажется, самое потрясающее «дежа вю» за всю мою жизнь. Две сцены рифмовались, как близнецы, да не абы какие, а сиамские. Вадик физически не мог в тот момент звонить Дине, ну, по крайней мере, не мог звонить с челышовского телефона, и, тем не менее, позвонил, память ее телефонного аппарата неоспоримо свидетельствовала именно

о таком звонке. Дина не звонила Вадику в ночь своего якобы самоубийства, о чем я догадывалась и без ее слов, и все-таки звонила.

Даже если бы я еще раньше не сообразила, в чем заковыка, то уж теперь все было совершенно ясно. Ильин, судя по разъяренным взорам, бросаемым на мою персону, тоже уже сложил два и два. Вячеслав Платонович напрягся и даже привстал из кресла, точно собрался в следующую секунду куда-то бежать...

33

— Львовна, я тебя сейчас придушу, прямо при свидетелях, — прошипел Никита, — докладывай уже!

— На мой взгляд, история зародилась довольно давно, но та ее часть, финал которой мы сейчас наблюдаем, началась в тот момент, когда не сложившийся, хотя и очень обаятельный актер Олег Садыков...

— Олег?! — воскликнула Дина. Выражение ее лица подошло бы приговоренному, которому уже на эшафоте зачитали королевский указ о помиловании. Похоже, она убедилась в виновности Вадика не то, что на сто, на все триста процентов.

— Олег, конечно, — подтвердила я, — кто же еще? Он вдруг обнаружил, что его падчерица не только весьма привлекательна, но и... как бы это помягче... не совсем недоступна. По крайней мере, гардеробщик, с которым сам же Олег познакомил падчерицу, оказывается, пользуется ее... м-м... благосклонностью. Значит, ему, великому любовнику Садыкову, должна быть вообще «зеленая улица». Но, увы, не получилось. Хуже того, пригрозили... как бы это выразиться... отказать от дома. Я правильно излагаю?

— Он мне прохода не давал. Только когда я обещала все маме рассказать, отстал.

— Что значит, «обещала»? Если не отстанет, или без всяких условий?

Дина на мгновение задумалась и ответила:

— Я не хотела маме юбилей портить. У нее подруги собираются, пришлось бы объяснять, вопросы всякие возникли бы... Мама... она ведь... я думаю, она бы его не простила.

— Ага, а он ведь еще и бездомный, ко всему прочему. Если Валентина Николаевна выставила бы его за порог, куда бы он делся? В общежитие? Но главное, по-моему, в том, что он действительно обиделся. Как это! Его, героя-любовника всех времен и народов, и вдруг отвергли! Ну, он и решил одним ударом двух зайцев убить — и себя обезопасить, и обидчицу заодно покарать. Хитрости ему было не занимать, а талант к интриге у него, должно быть, врожденный. Только чувства меры — а может, и ума —

недостаточно. Лишнего наворотил и учел далеко не все. Хотя... могло и проскочить.

— Ритуля, нимб не жмет, а? От тебя сияние уже, как от собаки Баскервилей, — осадил меня Ильин.

— А ты засохни! Сам мне все это подсунул, скажешь, нет?

— Уже молчу, рассказывай.

— В общем, я не знаю, что подсказало Олегу всю эту комбинацию. Пари держать не стала бы, но очень может быть, что Вадикина зажигалка, которую он, вероятно, обронил или просто забыл у Дины. Так или иначе, а идея родилась. Главное было — обезвредить Дину. Плюс победить Чельшова, который вроде никто и звать никак, а вся жизнь у него — и по доходам, и по успеху у женщин — куда лучше, чем у Олега, складывалась. Ну, и вдобавок, при некотором везении, еще и заграбастать какие-никакие денежки.

Попробую реконструировать события того дня. Это, правда, наполовину предположения, но мне кажется, что большая их часть попадет в точку. Я думаю, что Олег позвонил Чельшову и сказал, что достал какую-то сверхзамечательную карту. Это самый вероятный повод для встречи. Мол, принесу, посмотришь, если договоримся, купишь. Чельшов, естественно, согласился. Перед тем как приехать к нему, Олег остановился где-то на задворках и замаскировал машину. Кстати, я ведь до сих пор не знаю, чья у вас, собственно, машина.

— Мамина.

— Валечкина.

Обе реплики — Дины и Вячеслава Платоновича — слились в одну.

— Хорошо. И ездит Олег, я так понимаю, по доверенности, быть может, даже генеральной, но это дела не меняет. У всех все есть — машины, квартиры, деньги, а он, гениальный актер и герой-любовник, как сирота казанская. Обидно. Ладно, дальше. Налепил он на крыло «кляксу», на ветровое повесил таких же обезьянок, как у Вадика, — нынче восточные мотивы в моде, такой сувенир в каждом втором киоске можно купить. То ли не знал, что у парня машина не на ходу, то ли просто хотел путаницы добавить.

— А номер?

— А это, в самом деле, интересно. Я вначале думала, что Олег каким-то образом «одолжил» номер у Кравцовой, они ведь были знакомы и, по моему, довольно близко, хотя и давно. Нужную идею подсказал мне рулончик изоленты в бардачке вашей, Дина, машины. Черной изоленты, не синей, заметьте. Я ничегошеньки не понимаю в автомобилях, может, изолента и нужный предмет, но черная... она ведь встречается куда реже, чем синяя. Он сделал так...

Я положила на стол номер, привезенный Вячеславом Платоновичем. Номер был от машины Вишневыких, так что демонстрация должна была получиться особенно наглядной. Правда, у меня черной изолянты не нашлось, только синяя, но и так сошло. Наклеив несколько кусочков в нужном месте и подровняв лезвием края, я продемонстрировала собравшимся результат: Л превратилась в А.

— Черт подери! — выругался Никита, а я пояснила:

— Черные участки точно так же превращаются в белые с помощью лейкопластыря. Конечно, не каждую цифру в каждую превратишь, но ведь ему это и не требовалось, надо было просто номер замаскировать. Из пятерки легко сделать шестерку, из тройки семерку — сложнее, но тоже возможно. А уж превратить С в О или У в Х — вообще проще пареной репы. Потом немного испачкать номер — и готово.

Олег выждал у дома, когда Гордеев отправится на рынок, и поднялся в квартиру. Челышов возился на кухне, а Садыков нервно ждал визита Гордеева. Сразу после него началось собственно действие. Олег вызывает Челышова с кухни. Это нетрудно. Ну, что-нибудь вроде «да брось ты свою кулинарию, посмотри лучше, что я тебе раздобыл». Челышов идет в комнату, Олег за ним, прихватив нож. Челышов ведь лежал головой к окну, значит, Олег ударил его почти на пороге комнаты и стоял при этом у хозяина за спиной, так? — Убедившись, что присутствующие не только поняли, но и оценили мои рассуждения, я продолжила: — А после убийства Олег начинает приводить в действие свой план. Для него, профессионального актера, имитировать по телефону голос Вадика — детская задачка. Три-четыре истерических фразы — и через пять минут Дина была на месте. Сам Олег, естественно, в это время куда-то спрятался. Ну, хотя бы на балкон. Уж кто-кто, а он-то знал, что, увидев кровь, Дина хлопнется в обморок, так что не было нужды скрываться особенно тщательно. Я даже подозреваю, что этих пяти минут ему должно было хватить еще и на то, чтобы изъять из тайника деньги.

— А откуда он мог знать, где покойник их хранил? — перебил меня Ильин.

— Из личных наблюдений, к примеру. Он был знаком с Челышовым куда ближе, чем ему хотелось продемонстрировать. Мне бы сразу обратить внимание, как он анализировал челышовское отношение к женщинам. Если это называется дальним знакомством, то я — Христофор Колумб. В один из визитов Олег мог что-нибудь заметить, или ему просто повезло. Хотя... А почему мы вообще думаем, что он их нашел, а? Он бы тогда сразу куда-нибудь исчез, зачем в городе оставаться, да еще два, даже три трупа

на себя вешать? Деньги-то покойник мог спрятать и не в тайнике, а, к примеру, в квартире этого алкоголика Сани. Или в театре, не знаю... Ты, Никитушка, позвонил бы своим ребятам — а вдруг действительно так и есть?

Выслушав меня, Ильин приподнял бровь, хмыкнул, вышел из кухни в комнату, а, вернувшись через три минуты, махнул мне рукой, мол, продолжай.

— Итак, Дина вошла в квартиру, окликнула Вадика, ответа, естественно, не дождалась, увидела труп хозяина, кровь и потеряла сознание... Так?

Дина на мгновение задержала дыхание и кивнула.

— Причем, теряя сознание, рефлекторно схватилась за косяк, так по нему и сползла. Мне бы сразу догадаться, но, увы. После этого... Ах, да! Дина, вспомни, пожалуйста, когда ты увидела тело, нож был в ране?

Дина вздрогнула и побелела. Вячеслав Платонович кинулся подсовывать ей стакан с водой, но она отвела предложенный стакан, едва заметно качнула головой, мол, не нужно, и тихо, но твердо ответила:

— Да. Он... Да. Я помню. Это я помню.

— Вот видите? А Гордеев увидел этот нож уже лежащим возле тела. Значит, мизансцена такая: Дина в обмороке, труп рядом, нож в спине. Дальше все примитивно: Олег аккуратненько Дининой рукой вытаскивает нож и роняет его возле трупа...

— Зачем такие сложности? — перебил меня Ильин. — Почему сразу после удара нож не вынуть? Так и в руку Дине проще его было бы вложить.

— Тебе же сказали: нож был в ране!

— Мне-то сказали, но ты, похоже, была заранее в этом уверена!

— Не то, чтобы была уверена, но думала, что такой расклад самый вероятный. Во-первых, меньше риска испачкаться кровью. Во-вторых... Никитушка, я не знаю, насколько это соответствует истине, я не спец. Но ведь и Садыков не эксперт-криминалист. Чаще всего подозрения возникают из-за того, что отпечатки пальцев на орудии убийства как-то не так расположены. А если нож в ране, рука ляжет как надо... В общем, все было очень хитро задумано. Конечно, расчет был на впечатление, будто нож вынули сразу после удара. С момента смерти прошло всего минут десять, и рана все еще должна была кровоточить. Может, не так сильно, как если бы нож вынули сразу, но на это либо просто не обратили внимания, либо не стали этого подчеркивать — мало ли у кого какая свертываемость.

— А если бы Дина очнулась в тот момент, когда он производил свои манипуляции? — не унимался Ильин.

— Если б у дедушки были колеса, был бы не дедушка, а трамвай, — довольно невежливо огрызнулась я. — Не очнулась ведь! Ну, может, если бы очнулась, по голове ее немножко стукнул, чтобы еще полежала. Не при-

дирайся! Вот поймают, сам у него спросишь. Дальше осталось только подбросить к телу зажигалку и удалиться. Через балкон, конечно. Дина, когда ты очнулась, нож видела?

— Я... нет... не знаю... мне было страшно... я старалась не смотреть...

— Но зажигалку-то подняла?

— Погоди, Львовна, я не успеваю, — вклинился Никита. — Какая еще зажигалка?

— Олег подбросил на место преступления зажигалку Вадика, а Дина ее подобрала и выбросила, окончательно убедив себя, что Челышова убил именно он. Забудь, это уже неважно, ясно же, что Вадик ни при чем.

— Тогда я не понимаю, откуда ты вообще про зажигалку знаешь?

— Не только знаю, но и в руках держала. Красивая штучка, только пахнет не очень. А откуда знаю... В народ ходила, а народ все знает. Сказала же, забудь, какая разница. Ну что, Дина, ты подобрала ее?

— Да, она лежала прямо около меня. Я еще удивилась, как могла сразу не заметить. Я... ну, в общем, сначала хотела ее просто забрать, но на ней пятна были и...

— И ты решила ее в мусоропровод бросить, да?

— Это уже на лестнице... я не знала, что с ней сделать...

— Ладно, с этим все ясно, зажигалку в итоге выбросила в мусоропровод. Но это неважно, главное — обеспечив Динины «пальчики» на ноже и подбросив зажигалку, Олег покинул место действия.

— А ты говорила, что убийца ушел, пока Гордеев в полицию звонил.

— Ну, говорила. Так это когда еще! А народ, который все знает, меня поправил. Эта чертова «пятерка» уехала до того, как Дина вышла из подъезда. Значит, Олег ушел, пока она была в обмороке — через балкон и пожарные люки. Впрочем, это я уже говорила. Дальше все понятно. Когда Гордеев, узнав от соседа снизу про эти самые люки и про гостя, посетившего покойника в день и, видимо, час убийства, позвонил Валентине, Олег почувствовал опасность. До этого ему и в голову не приходило, что его могут заподозрить — кстати, может быть, он не сбежал сразу именно поэтому, а вовсе не из-за денег. Я-то, грешным делом, полагала, что этот звонок связан со временем. А оказалось, с местом. Я думаю, что договориться с Гордеевым о встрече Олегу было несложно. Ну, к примеру, пообещал отвезти его к Вячеславу Платоновичу и так далее. Встретился, поговорил... Вероятно, Гордеев добился от «Сани с девятого этажа» обещания «вспомнить» приметы последнего челышовского визитера. Так как Олега он не заподозрил, значит, либо описание было так себе, либо его вообще еще не было. Но, на свою беду, Гордеев сообщил об этом Олегу,

чем подписал приговор не только себе, но еще и Сане. Олег заехал на Карьерную, под каким-то предлогом попросил Гордеева выйти, сшиб его, возможно, и добавил еще «от руки», это пусть эксперты разбираются. Ну, и на машине следы должны были остаться. Затем, шустрый такой, отправился к Сане — например, предложил «помянуть». Скажу честно, труп я не разглядывала, но внешних повреждений на нем, кажется, не было, скорее всего, Олег его «угостил» чем-то нехорошим. Ильин, не просветишь на этот счет?

— Просвещу, — вздохнул Никита. — Но тебе не понравится, очень уж банально.

— Клофелин, что ли?

Ильин кивнул.

— Действительно, скучно, — согласилась я. — Ну а дальше вы все знаете. Когда Дина вернулась домой, вернулась и опасность, исходящая от нее. Но было совсем нетрудно налить в ее стакан глазных капель. Это, кстати, косвенное подтверждение того, что деньги он еще не нашел. Иначе можно было просто уехать и плевать на то, что она матери расскажет. Так что, Никитушка, у вас есть шанс его еще в городе задержать.

— А доказательства?

— Ну, знаешь, солнышко! Ты хочешь, чтобы тебе мамонта загнали, заваляли, да еще и зажарили?

Убедившись, что в этом доме сегодня ничего больше не подадут, Ильин мгновенно испарился. А Вячеслав Платонович на прощание ошарашил меня неожиданным предложением:

— Рита, а вы не хотели бы поработать в нашей конторе? Консультантом. Гонорары у нас вполне приличные. Я, знаете, много видел частных сыщиков, но они все, по большей части, бывшие госслужащие, в смысле, юристы. А у вас настолько изощренный, и при этом настолько не юридический ум...

Вот и думай — оскорбили тебя, или комплимент самый, что ни на есть, изысканный подарили...

Боб, объявившийся на следующий день, заверил меня, что, вне всякого сомнения, это был комплимент...

34

«Зажарить мамонта» оказалось на удивление легко. Олег был действительно не столько умен, сколько хитер. Да еще и жаден. Плюс самомнение. Одним словом, балбес. Деньги он нашел сразу после убийства, но

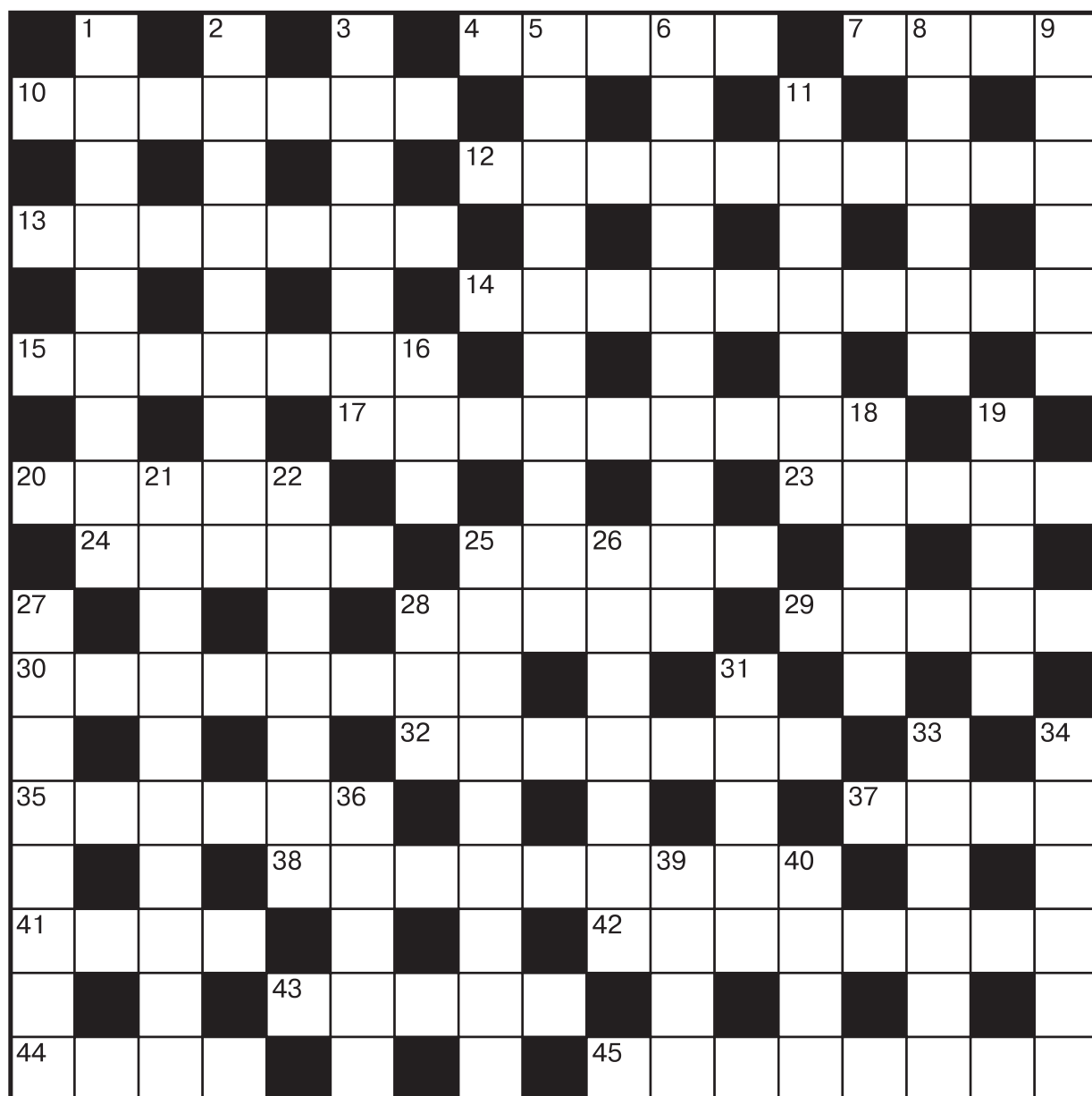
решил, что он-то вне подозрений. И лишь после неудавшегося «самоубийства» Дины почувствовал, что пора бежать. Но, вместо того чтобы бросить машину и валить из города по железной дороге, а еще лучше автобусом, чтобы паспорт не «светить», тогда его, может, и не поймали бы, он, как дурак, воспользовавшись тем, что ездил по генеральной доверенности, поехал не просто своим ходом, а еще и по главной трассе. Взяли голубчика на выезде из города прямо «тепленьким».

На машине — следы наезда на Гордеева, у самого Олега в карманчике — чельшовские денежки. Ильин, душка, «забыл», что моего «свидетеля» толком не допросишь, просто сказал, что есть такой свидетель, да еще добавил, мол, на ноже, кроме Дининых, и его, Олега, «пальчики» остались... Ну, и потек господин актер, как старая батарея. Все рассказал, как было, со всеми подробностями.

Валентина Николаевна по доброте душевной порывалась носить ему в СИЗО передачи, но Вячеслав Платонович эти порывы нежно пресек. Он с удивительной оперативностью выкупил квартиру на одной площадке с Вишневскими и теперь всячески опекает старую «приятельницу». Впрочем, Валентина Николаевна против его ухаживаний совсем не возражает.

Дина устроилась работать в хоспис и научилась не падать в обморок при виде крови. Вообще, мне кажется, всю эту историю она восприняла как дурной сон — тяжело, но к жизни отношения не имеет. Правда, с Вадиком Дина больше не встречается. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** На какой механизм похоже сердце? **7.** Что слышно из «камеры пыток»? **10.** «Человек местный», ассоциирующийся у большинства почему-то с дикарем. **12.** Кто долгожителей лечит? **13.** «И заливается задорно нижегородский ...» **14.** Кому «чувство стола» помогает выигрывать? **15.** Кто надевает скафандр, отправляясь на работу? **17.** Ка-

кому легендарному летчику посвящена песня группы «Аквариум»? **20.** Источник духовного убожества. **23.** В какую игру индийский царь Наль спустил не только свои владения, но и супругу? **24.** Они стали модными в эпоху аэробики. **25.** Какой газ из таблицы Менделеева считают самым безопасным? **28.** Альма-матер для Александра Пушкина. **29.** Какую

татуировку принято делать у моряков, которые хотя бы раз пересекли Атлантический океан? **30.** Подходящий способ передвижения, когда нет денег на дорогу. **32.** Кинодраматург и телеведущий, режиссер и актер, предпочитающий всем остальным дачный отдых в Подмосковье. **35.** Коммерсант базарного пошиба. **37.** Как звали жену Владимира Набокова? **38.** Украшение на занавесках. **41.** Овца для ягненка. **42.** Видимый дефект полировки. **43.** «Фабрика учеников». **44.** У какого импрессиониста учился французский художник Поль Синьяк? **45.** Входит в современное пятиборье.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Научное ампула» Эдмонда Кирша из романа «Происхождение». **2.** Какой гимнастический элемент «представляет угрозу» существующему строю? **3.** Кому принадлежит «контрольный пакет в искусстве»? **5.** Каждый пятидесятый ... утверждает, что его похищали инопланетяне. **6.** Чин боярина Романа Захарьина-Юрьева, чья дочь стала первой женой Ивана Грозного.

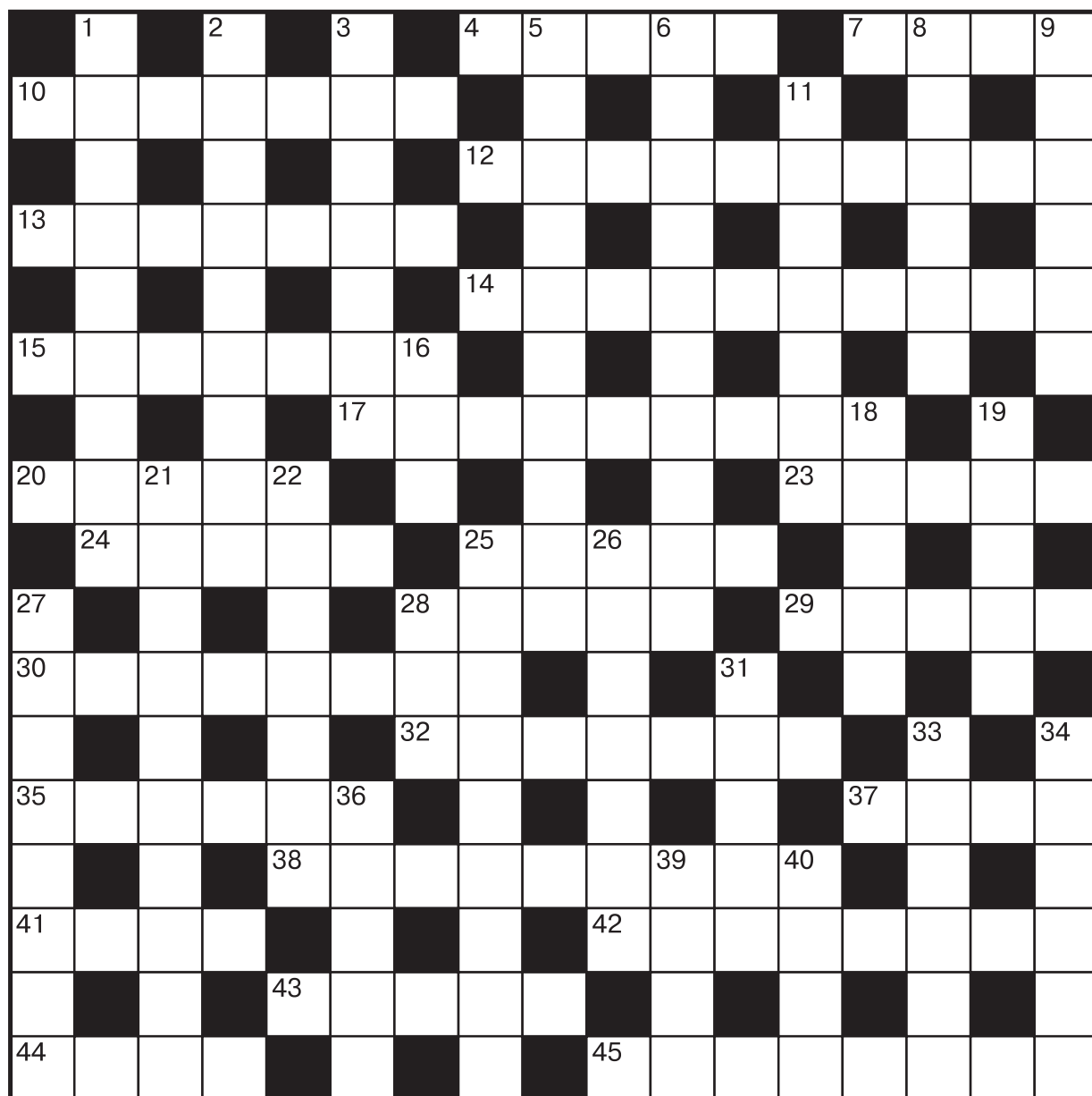
8. «Датский город» среди прибалтийских столиц. **9.** «Нестриженный ... в мясо растет». **11.** На какой день Масленицы приходятся «заигрыши»? **16.** Рассказ «Секционный ... номер четыре» у Стивена Kinga. **18.** «Были модными рваные джинсы, теперь — рваные майки, ну когда будет мода на рваные ...» **19.** Что следует ожидать в скором времени, если чайки с пронзительными воплями бродят по отмелям? **21.** Какую профессию выбрал для себя сын актрисы Инны Чуриковой? **22.** Какой голливудский комик много раз вел церемонию вручения премии «Оскар»? **25.** Кривая, которую можно воспринимать как художественное преувеличение. **26.** Кондитерская «сосулька». **27.** Злейший враг комиссара Жюва. **28.** Металлическая макулатура. **31.** Сад, притаившийся посреди города. **33.** Американский военный орден «... почета». **34.** Ресторан, где танцуют канкан. **36.** «Зловещий капитан» из пиратских рассказов Артура Конан Дойла. **39.** Знакомый кларнетист Клары. **40.** Трогательный идеализм.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Якорь. **9.** Аудитор. **11.** Молва. **12.** Курсант. **14.** Зельц. **15.** Гравюра. **16.** Холоп. **18.** Денев. **20.** Соломон. **23.** Вальц. **25.** Рагу. **28.** Физалис. **29.** Ребята. **30.** Кабо. **32.** Чипсы. **33.** Барон. **34.** Изменник. **36.** Билокация. **38.** Попугай. **39.** Бажов. **40.** Суббота. **41.** Охота. **42.** Фраза. **43.** Диалект. **44.** Фауна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Тучерез. **2.** Вильнев. **3.** Кок. **5.** Космос. **6.** Ринг. **7.** Соавтор. **8.** Тверк. **10.** Рудольф. **13.** Треонин. **17.** Пожарский. **19.** Вахтангов. **21.** Навар. **22.** Рулон. **24.** Циник. **26.** Круиз. **27.** Обама. **30.** Карамбола. **31.** Бонистика. **32.** Чихуахуа. **35.** Поручик. **36.** Баштан. **37.** Тавро. **38.** Поезд.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой недуг подкосил силы в отряде полярного исследователя Василия Прончищева? **7.** Солнечный календарь у майя. **10.** Кто настаивает, чтобы на уши ему вешали лапшу только отечественного производства? **12.** Из-за какого недуга Томас Эдисон страдал от прогрессирующей глухоты? **13.** «Стальной панцирь» корабля. **14.** Дворец,

ставший резиденцией президента Венесуэлы. **15.** Изобретатель первой русской подводной лодки. **17.** Каменный метеорит. **20.** Исполинский слон из романа «Цвет волшебства» Терри Пратчетта. **23.** «Любимая прическа» растаманов. **24.** Польская синтетика. **25.** Какое издательство выпустило первую книгу стихов Александра Галича? **28.** Кто стал

регентом Российской империи после смерти Анны Иоанновны? **29.** Пернатый символ бога Ареса. **30.** Желтоперый тунец. **32.** Русский поэт, друживший с Александром Суворовым. **35.** Священная птица майя. **37.** Какой царь распорядился снабдить доспехами Давида ради поединка с Голиафом? **38.** В каком минерале Роберт Бунзен и Густав Кирхгоф впервые обнаружили рубидий? **41.** Профессионал, заталкивающий пассажиров в вагоны японского метро. **42.** Какой научный гений стал душеприказчиком великого Яна Вермеера? **43.** Что основано на «непоколебимой вере в себя и конкретных действиях, направленных на покорение намеченных высот»? **44.** Бурятская пиала. **45.** Какой графин для вина придумал в 1630 году англичанин Дигби?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какого короля варить пиво «выучила» чуть ли не сама богиня Изиды? **2.** Жалованная грамота с серебряной печатью из античных времен. **3.** Формат коллективного обучения. **5.** «Ревнитель равновесия

света и тьмы» из романов Сергея Лукьяненко. **6.** Трижды премьер-министр Норвегии, завербованный КГБ. **8.** Валюта «острова баобабов». **9.** «Самая дальнобойная» клюшка в гольфе. **11.** Приют папарацци. **16.** «Знания ... не украдет». **18.** Петр Первый Древнего Рима. **19.** Какому жокею Александр Куприн посвятил свой рассказ «Лолли»? **21.** «Городское скалолазание». **22.** Властитель страны света у индусов. **25.** «Разжигание огня» силой мысли. **26.** Во что с детства играла Дженнифер Лопес? **27.** Царевна среди жен Геракла. **28.** Какая героиня Астрид Линдгрен вышла замуж за Юлиуса Янсона? **31.** Полянский князь среди основателей украинской столицы. **33.** Священная гора, откуда сбрасывали в пропасть слабых детей в Древней Спарте. **34.** Премия за книгу на основе сетевого журнала. **36.** В какую звезду экрана братья Радд и Фрэнк Уэзервоксы превратили своего кобеля Пэла? **39.** Французский скульптор, чью поношенную куртку носил Сергей Довлатов. **40.** Наша драма, удостоенная «Золотого медведя».

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Балин. **9.** Гилберт. **11.** Ортер. **12.** Фиброин. **14.** Дисна. **15.** Тоселли. **16.** Харам. **18.** Ворон. **20.** Тихерас. **23.** Семик. **25.** Ради. **28.** Капонир. **29.** Ториои. **30.** Рапе. **32.** Фарос. **33.** Футон. **34.** Аккерман. **36.** Пикенброк. **38.** Эвномия. **39.** Орухо. **40.** Трунцал. **41.** Тирчи. **42.** Туйон. **43.** Уинстон. **44.** Каури.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бибигон. **2.** Абантос. **3.** Орф. **5.** Акроат. **6.** Ифит. **7.** Юрсенар. **8.** Шелли. **10.** «Титаник». **13.** Нобелий. **17.** Мисофония. **19.** Недоброво. **21.** Сават. **22.** Низен. **24.** Калан. **26.** Страх. **27.** Орикс. **30.** Рурбанист. **31.** Помогатор. **32.** Фаворита. **35.** Леерсия. **36.** Питчер. **37.** Гроут. **38.** Эхион.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ПОЧТА РОССИИ ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru в мобильном приложении Почты России через почтальона

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет.

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт PODPISKA.POCHTA.RU

1. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

1. Зайдите в мобильное приложение Почты России.
2. В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
3. Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
4. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс»
принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков)
в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru**
до 30 октября 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

